

ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СТАЛИНГРАД. На строительстве стоквартирного жилого дома
Фото М. Савина

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Председатель колхоза «Новая жизнь», Татарской АССР, депутат Верховного Совета РСФСР В. И. Милицкий (справа), приехавший в Москву, и его дочь Мальвина знакомятся с макетами колхозной усадьбы в проектно-планировочной конторе «Моссельпроекта». Начальник конторы В. Я. Абрамов дает объяснения.
Фото Дм. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

У озера (Южный Урал).
Фото Д. Болотова

ОГОНЁК № 26 (1151) 26 июня 1949

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Помощник мастера ткацкого цеха московского комбината «Трехгорная мануфактура» имени Дзержинского Владимир Ворошин — инициатор соревнования за высокую производственную культуру, за образцовую чистоту и порядок рабочего места. Его бригада ежемесячно выполняет план на 120 процентов, вырабатывая ткань только первого сорта. На снимке: Владимир Ворошин и ткачиха его бригады Александра Штырова.

Фото М. Савина

Город вечно живой и юный

К. БУКОВСКИЙ

Фото А. Капустянского

Близ набережной, там, где высились до войны прекрасные жилые дома и где теперь сохранились только засыпанные щебнем подвалы, стоит шалаш из горелой жести. Улицы вокруг нет и в помине, но к шалашу прибита табличка: «Самарская, 10».

Есть уличные таблички, прибитые на изгородях из окопной колючей проволоки либо просто на дереве, кора которого, как тело воина, вся изрублена и прострелена. Дерево не сдалось ни врагу, ни смерти. Оно продолжает жить, давать зеленые побеги, и табличка на нем читается тоже как символ жизни.

Человеку важно сохранить адрес: «Город Сталинград, улица Самарская, дом 10». Остальное он сделает из любви к этому городу, к этой улице и к этому родному для него дому. Он построит здесь новый дом, улицу, город. Он придаст им облик еще более живой и прекрасный, такой, например, как облик большого театрального здания с колоннами, что высится теперь на набережной рядом с шалашом.

Человеку важно сохранить в своем сердце адрес. И никто не умеет хранить его с такой нежной любовью, с такой бескорыстной преданностью, как сталинградцы. Тысячи их ютились в пещерах и рытвинах, под крутым волжским берегом, не желая покидать город в самые страшные для него дни. Десятки тысяч, уйдя в последний момент, уже под огнем, вернулись немедленно, как только замолкли выстрелы. Они отыскали среди руин еще не остывшие в пепле пожарищ таблички с названиями улиц и, повесив их на колючие изгороди, начали строить эти улицы наново.

У каждого горожанина есть какой-нибудь предмет гордости в своем городе. Киевлянин гордится Крещатиком. Одессит влюблен в Дерибасовскую. У тамбовцев есть своя «Аркадия» на Цне. Для сталинградцев источником гордости служит весь Сталинград, каждая его улица и каждый дом. Ведь во всем этом теперь заключена история.

Восстанавливая или строя заново жилое здание, магазин, гранитную стену набережной, сталинградцы пишут на камне: «Здесь стояла зенитная батарея, отразившая атаку немецких танков, рвавшихся к Волге». Или: «В подвале этого здания был взят в плен фельдмаршал Паулюс». Или еще проще: «Дом сержанта Павлова».

Есть в Сталинграде здания, которые сами, без надписей, воскрешают в своих стенах историю великого сражения, надломившего хребет германской армии. Так случилось недавно в новом городском кинотеатре «Победа», где демонстрировался фильм «Сталинградская битва». На какое-то время к сталинградцам вернулось в живой экранной яви их недавнее героическое прошлое. Войдя в сегодняшние рабочие будни города, оно вновь преисполнило жителей горделивым сознанием свершенного подвига.

Подвиг свершен — подвиг продолжает свершаться. Выйдите в воскресный день или в субботу вечером, после работы, на городские улицы. Съездите на северную окраину, к сталинградским заводам. Побывайте на территории рабочих поселков. Загляните во дворы разрушенных зданий и на подготовленные к кладке новых фундаментов уличные пустыри.

Повсюду трудятся люди, вооруженные киркой и лопатой. Тысячи и десятки тысяч людей: мужчин и женщин, юношей и девушек, стариков и подростков! Это черкасовцы, строители-добровольцы. По почину простой женщины-сталинградки они отдали миллионы рабочих часов на восстановление города-героя в его былой красоте.

Поднимитесь от Волги, от того места, где стоит памятник знаменитому сталинградцу комдиву Хользунову и где погибли, отражая атаку немецких танков, герои-зенитчики, вверх по улице Ленина. Она и теперь уже очень красива в своем новом светлокаменном облике. Сверните отсюда на Октябрьскую. И она не уступит в красоте, обрамленная зеленью воскрешенных к жизни деревьев.

Позади этой улицы, там, где высится кран, строители уже подвели под крышу новое здание 19-й школы. Освобожденное от стеснительной одежды лесов, здание сверкает белизною стен. Внутри настилы на лестницах сохранились. По ним еще поднимаются

Октябрьская улица Сталинграда.

Есть в Сталинграде здания, которые воскрешают вдруг в своих стенах историю великого сражения. Так случилось недавно в новом городском кинотеатре «Победа», где демонстрировался фильм «Сталинградская битва».

каменщики и штукатуры, чтобы завершить последние штрихи кладки и сделать последний мазок кистью. Каменщики — все больше молодежь, и среди них едва ли не самый юный — знатный каменщик Сталинграда Василий Осадец.

Посмотрите на фото: какой он молодой и веселый! Он строит новый Сталинград!

Рядом с ним на фото — Николай Сидельников. Это один из лучших сталеваров завода «Красный Октябрь», снимающий металла на одну треть больше плана. Он комсомолец. И плавки Николай Сидельников ведет в мартеновской печи имени Ольги Ковалевой, первой на заводе женщины-сталевара, павшей смертью храбрых при обороне Сталинграда.

И тут же, на фото — еще один молодой сталинградец, знатный слесарь Тракторного завода комсомолец Николай Невзоров. Он множит нынешнюю трудовую славу города-героя тем, что собирает два трактора вместо одного в установленное ему по норме время. И если посчитать, какое же количество тракторов из тех, что стоят готовыми к отправке на заводском дворе, приходится на его долю,— доля выйдет завидная. Отправляет же завод на колхозные поля сотни и тысячи могучих «стальных коней». Невзирая на то, что не все еще цехи подняты из руин, свою довоенную мощность сталинградские заводы давно уже возродили. И в этом также есть большая доля труда Николая Невзорова, Николая Сидельникова, Василия Осадца...

Таковы люди Сталинграда — каменщики, сталевары, творцы новых машин. С тем же рабочим старанием, с той же патриотической самоотверженностью строят они ныне новые дома, школы и больницы, плавят сталь, собирают тракторы, спускают на воду речные суда, с какой изготавливали они осенью памятного 1942 года снаряды и бомбы для защиты родного города.

И, как всегда, сталинградцы готовы оказать свою рабочую помощь тем, кто в ней нуждается. Комсомол заводов решил взять шефство над лесными посадками на трассе Сталинград — Камышин. Старые кадровики сказали молодежи: «Это вы хорошо придумали» — и тут же, не снимая фартуков, после смены, начали ковать посадочные мечи и лопаты для лесоводов. Судоверфь стала собирать рядом с катерами лесопосадочные машины конструкции инженера Чашкина. Тракторный взялся изготавливать полевые вагончики. «Красный Октябрь» тоже принял на себя обязательство изготовить мечи и лопаты. Традиция благородная — держать рабочее шефство даже и тогда, когда самому городу еще очень трудно справляться со своими городскими нуждами.

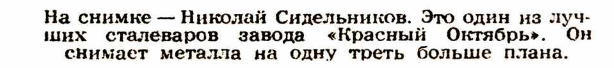
Город живет еще в грудах военного и строительного щебня. Новый облик его возникает среди пустырей и зияющих провалов улиц. Прекрасные, светлые здания вырастают рядом с заброшенными подвалами и наспех сколоченными мазанками.

Жить пока тесновато. Но попробуйте выстроить большой каменный дом и оставить его с невзрачной отделкой или вовсе без отделки. Сталинградцы возмутятся. Они желают видеть свой новый город светлым и радостным. Они берегут центр его от случайных застройщиков, потому что хотят воздвигнуть там только великолепные здания.

Это не мечта, это действительность! Городу-герою, где каждый камень хранит в себе рассказ об отваге и преданности, где на каждом шагу встречаешь след человеческого благородства, только таким и можно строиться — великолепным памятником народной славы.

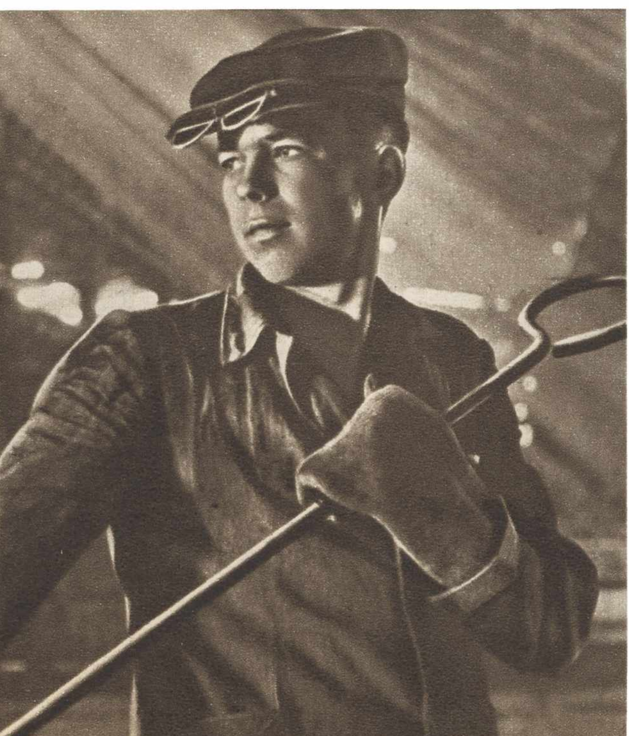
Город вечно живой и юный! Он стоит, как твердыня, над Волгой, привлекая к себе сердца людей и народов.

Каменщики Сталинграда — все больше молодежь. И среди них едва ли не самый юный — знатный каменщик Василий Осадец.

На снимке — Николай Сидельников. Это один из лучших сталеваров завода «Красный Октябрь». Он снимает металла на одну треть больше плана.

Еще один молодой сталинградец, знатный слесарь Тракторного завода, комсомолец Николай Невзоров.

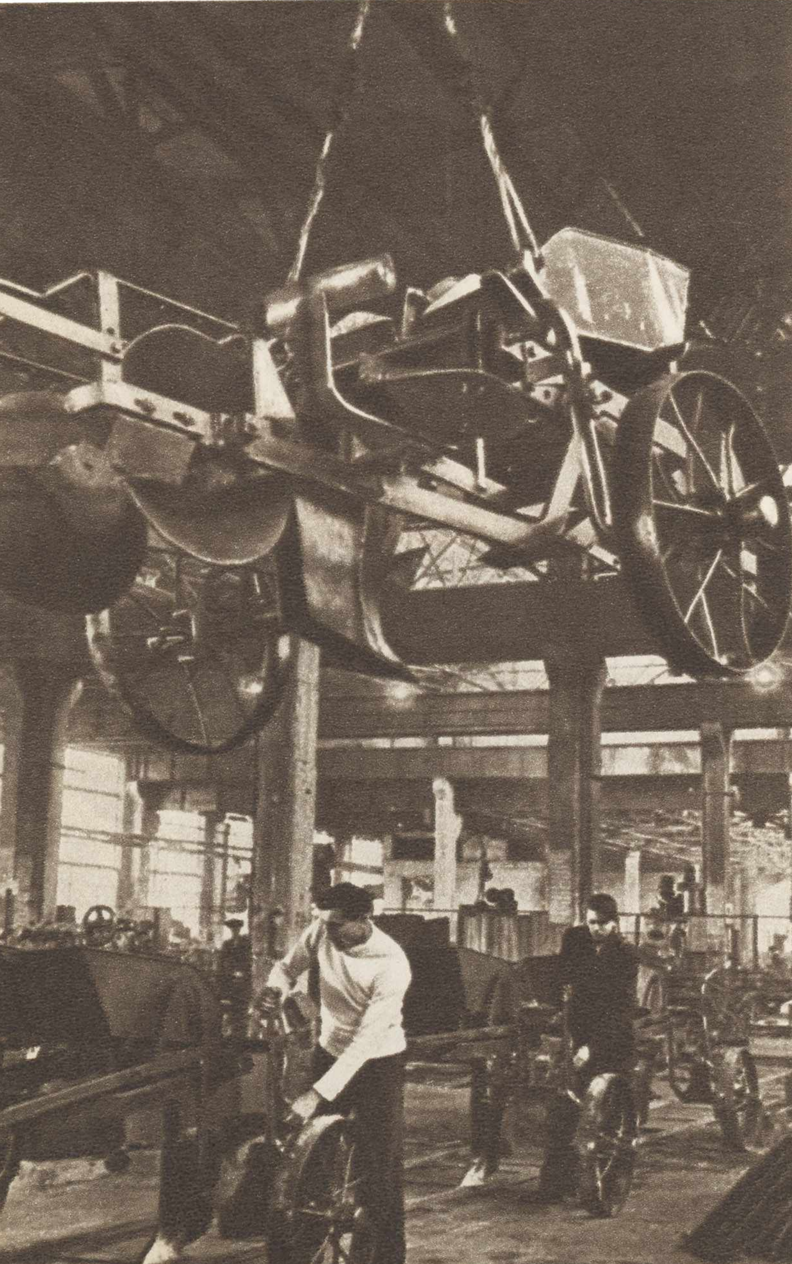
На стене восстановленного универмага написано: «В подвале этого здания был взят в плен фельдмаршал Паулюс»

Сталинградский тракторный завод отправляет на колхозные поля сотни и тысячи таких могучих «стальных коней» (фото слева).

В порядке шефства над лесными посадками судоверфь стала изготовлять вместе с речными катерами лесопосадочные машины конструкции инженера Чашкина (фото слева).

На сталинградском стадионе «Торпедо» идет футбольный матч на первенство Советского Союза между командами «Торпедо» (Сталинград) и «Спартак» (Москва).

В воскресный день тысячи сталинградцев выезжают за Волгу, чтобы отдохнуть в городском Парке культуры и отдыха на Бакалде.

ШАХТЕРСКАЯ ДРУЖБА

Мих. ЩЕЛОКОВ

I

В этот вечер начальник участка Василий Пашкевич задержался в шахте и спать лег поздно. Перед рассветом он услышал тихий стук. Кто-то стоял под окном. Пашкевич открыл дверь, вышел на крыльцо и узнал десятника Ивана Филипповича.

— Что случилось, старина? — тревожно спросил Пашкевич.

— Телеграмму получил, Василий Васильевич... От дочки. Диплом защитила с отличием.

— Поздравляю.

— Извини, Василий Васильевич, никак не мог дотерпеть с новостью этой до утра...

— Понятно,— улыбнулся Пашкевич, и лицо его просветлело. — Ну, пойдем, дружище, в дом.

Они уселись на диване и закурили. Ночной гость рассказал о дочке. Потом вспомнил, как отличился вчера врубмашинист Михаил Мазепа, подрубивший лаву за три часа. Пашкевич возбужденно зашагал по комнате.

— Подсчитай, Иван Филиппович, сколько угля он добыл за это время. Ведь наша лава длинная!

Так и проговорили до утра. Угостив десятника завтраком, Пашкевич отправился в Тулу: вызывали в комбинат.

На свою скуратовскую шахту он вернулся в середине дня. Где-то в лесах за Ясной Поляной еще шумел грозовой ливень, но между Тулой и Косой Горой освеженная земля уже была обогрета солнцем. После дождя все кажется иным. Более отчетливо выделяются впереди контуры доменных печей, а стальные копры и крутые терриконы угольных шахт — словно искусные рисунки тушью на голубом полотне неба. В чудесную панораму среднерусских лесов и степей прочно вошел индустриальный пейзаж.

Главный инженер комбината сообщил Пашкевичу, что на третью шахту должны приехать десять начальников шахтных участков со всего бассейна — посмотреть и поучиться.

— К вам, на южный,— сказал главный инженер.— Полезное дело.

Пашкевич думает над тем, что́ раньше всего показать приезжим. Пожалуй, новый способ крепления; потом — подготовку лав к добыче. И, конечно, двухсменный режим... С этим надо будет ознакомить наглядно, на практике.

Шахта № 3 — самая старшая по возрасту в этом новом районе Подмосковного бассейна. Первые тонны угля были добыты тут в феврале 1944 года, когда топливо было нужно стране так же, как снаряды. Шахта давно перекрыла свою проектную мощность. Сейчас она известна всей стране: вот уже два года ее южный участок остается лучшим во всей угольной промышленности СССР. Руководит этим участком Герой Социалистического Труда Василий Васильевич Пашкевич.

«Москвич» сворачивает с шоссейной магистрали налево. Вот и шахтный поселок. На окраине, возле небольшого домика, стоит грузовик с мебелью, корзинами, узлами. Из дома выносят радиоприемник. Возле машины хлопочут молодой шахтер Шестопалов и его жена Маша.

— На новую квартиру собрался, Борис Михайлович? — спрашивает Пашкевич.— С новосельем! Устраивайся, Маша, поуютней.

— Хорошая квартира, Василий Васильевич! — весело отзывается Шестопалов.— В гости к нам прошу.

Грузовик едет к березовой роще, где раскинулся новый поселок шахты № 3. Издали видны красивые двухэтажные дома, обращенные окнами к Ясной Поляне. Последнее время почти каждый день туда едут новоселы. Недавно получили квартиры Василий Прокофьев, молодожены Федор Кузнецов и Аня Перелыгина, Иван Малоштан. Для стахановцев южного участка отведен лучший дом — тридцать две квартиры. Пашкевич помог новоселам приобрести хорошую мебель — за ней специально посылали в Москву.

Приехав на шахту, Пашкевич идет в нарядную. Его окружают шахтеры: узнать новости. Заходит и секретарь шахтной парторганизации Алексей Алексеевич Воронцов. Он уже знает о предстоящем приезде горняков с других шахт на участок Пашкевича.

Скоро спустятся в лаву горняки второй смены, и Пашкевич напутствует бригадиров. Начальник участка отлично знает состояние лав и возможности каждого рабочего, поэтому его слова точны и вески.

— У тебя сегодня будет работать Николай Агапов,— говорит он бригадиру Гукову.— Смело можешь рассчитывать еще на 10 тонн. Ждем от вас сегодня не менее 140 процентов.

— Вот это хорошо! — одобряет Воронцов.— Бригада Гукова начала соревнование в честь Дня шахтера. Там есть коммунисты и комсомольцы, которые покажут пример остальным. Перед работой соберем на участке партгруппу.

II

Пашкевич спустился в шахту через три часа. У подъемника работало несколько девушек. Одна из них подошла к начальнику участка:

— Здравствуйте, Василий Васильевич! Спасибо вам...

— За что же, Катя? Как здоровье Анны Ивановны?

— Мама поправляется... Был врач...

— Вот его и благодари, Катя.

Пашкевич идет вперед, вдоль рельсов. Немного позади следует за ним горный мастер Иван Малоштан. Пашкевич рассказывает ему, что старушка была в гостях у сына в Воронеже и в дороге тяжело захворала. Он привез к ней опытного врача из Тулы, только и всего...

Вдали послышался мерный стук колес и дохнуло ветром. Мимо потянулась длинная вереница груженых вагончиков. Но вот площадка. Слева, из бокового штрека, виден конец транспортера, с которого глыбы угля падают прямо в пустые вагонетки. Здесь кончается конвейерная линия, подающая уголь из дальних лав. И снова радостный девичий голос:

— Здравствуйте, Василий Васильевич! Хорошо идет уголек от бригады Гукова! Передайте ей привет!

Пристально взглянув на девушку, Пашкевич спросил:

— А с Андреем у тебя, Люба, все уладилось?

— Помирились...

— Ну, вот и хорошо,— сказал Пашкевич.— То-то я смотрю, и работа у тебя пошла лучше. Дело к свадьбе, а?

Все рассмеялись. Начальник участка и мастер пошли дальше, теперь уже вдоль линии транспортера. Поток угля двигался навстречу по стальному руслу. Наскакивая одна на другую, спешили вперед черные глыбы.

— Помирились,— повторил Пашкевич. — Есть у нас хороший молодой забойщик, золотые руки. Работает за двоих и, главное, профессию свою любит. Заработок у парня высокий, но живет бесхозяйственно, неуютно. Труд в шахте нелегкий. Хороший отдых, уютный дом, теплое, сердечное слово горняку нужны, как хлеб... Подружился этот парень с Любой. Друг друга они стоят. Смотрю и радуюсь: ладная будет семья. Вдруг узнаю — размолвка! Вызываю парня к себе, а он чернее тучи. Потолковали начистоту, вижу — пустяки, нет причины для ссоры, а девушка ему по душе. Помирил вот...

Молодежная смена горного мастера Тимофеева добывает по 25—30 тонн угля ежедневно при норме 12 тонн. На снимке: стахановцы смены В. А. Дребница, М. И. Богатырев, В. С. Беляков, В. М. Болтушенко, А. П. Применко и горный мастер В. Е. Тимофеев.

В лаве бригадир Гуков и десять навалоотбойщиков сыпали подрубленный и отбитый уголь на железные решетки скребкового транспортера. Здесь рождался непрерывный поток топлива, устремлявшийся к вагонеткам.

Недавно в лаве прошла тяжелая врубовая машина, и угля было вдоволь. Горняки выравнивали лаву, отбивая уголь по выступам, готовили новый широкий путь врубовке. Почти трехметровый обнаженный пласт выбирали на всю высоту.

Четыре крепильщика подпирали кровлю двойными деревянными рамами и узлами из шести стоек — по методу Пашкевича. Такая крепь надежна и позволяет спокойно, любыми частями обрушать кровлю над пустыми выработками. Искусство управлять кровлей в шахте — половина победы. Пашкевич научил горняков этому искусству.

Лаву освещают сильные электрофонари, и все же конец ее еле виден. Огромный фронт добычи! Длина лавы — восемьдесят метров вместо обычных сорока. Расчеты Пашкевича оправдались — и машинам есть где развернуться, и рабочему простор. Говорили, что отсюда трудно будет убирать уголь, но шахтеры поставили два транспортера: первый сбрасывает уголь на второй,— и длина не помешала.

Пашкевич изменил весь порядок работы. Он видел, что при трехдобычных сменах шахтеры часто простаивали. Надо было ждать, пока отремонтируют и перенесут на новое место механизмы, доставят лес. На это уходили часы в каждой смене, а каждый час — это многие тонны угля. Начальник участка ввел двухсменный режим работы. Уголь стали вынимать не круглые сутки, а лишь 16 часов, зато после каждой смены отвели 4 часа специально для подготовки лав. В это время врубовая машина подрубает лаву на всю длину, работают запальщики и бурильщики, осаживается кровля. Горняки основной смены застают, таким образом, лаву полностью готовой к выемке угля. Теперь у них нет простоев.

Удлиненные лавы и двухсменный режим подняли культуру шахтерского труда. Вместо 400 тонн на участке стали добывать 850. Зара-

В театре для горняков участка отведена ложа. В центре — начальник участка Герой Социалистического Труда В. В. Пашкевич.

Фото П. Маслова и Н. Ховрачева

боток шахтеров основных профессий поднялся до 4 тысяч рублей в месяц и более.

Шахтеры южного участка шахты № 3 первыми в бассейне превысили довоенную выработку. Тут все стахановцы — от горного мастера до подсобного рабочего. Так Василий Пашкевич первым из горняков последовал примеру мастера-машиностроителя Николая Российского.

Пашкевич идет во вторую лаву, в бригаду Егора Петроченко, и по дороге догоняет врубмашиниста Михаила Мазепу.

Мазепа сегодня пришел пораньше, чтобы осмотреть врубовку. Прежде машинист подрубал даже короткую лаву за смену, а сейчас за этот срок подрубает пару лав, да каких! На две врубовки приходится у него 20—22 тысячи тонн угля в месяц. Пожалуй, любой врубмашинист Донбасса позавидует такой выработке.

— Отделили мою работу от добычных смен — и все пошло по-иному,— говорит машинист. — Двухсменный режим, Василий Васильевич, вывел меня в люди. Сам себя не узнаю.

Егор Петроченко встретил Пашкевича в забое. По всему видно, что работа и тут спорится.

— Как там дела у Гукова? — с тревогой спросил бригадир.

— Боюсь, обгонит тебя,— оглядевшись, ответил начальник участка; вдруг в голосе его зазвучала новая нотка: — Почему же искривили ходок? Нет, так врубовка не пройдет. Надо переделать.

Повесив лампу на сучок стойки, он сам сделал замер ходка и указал, куда перенести крепь. Через минуту обнаружилась новая оплошность: породой сдавило секцию железного жолоба — рештака. Несколькими ударами топора начальник участка выбивает низкую стойку и быстро ставит новую. Рештак освобожден, но погнут.

— Кто крепил?

— Я... Не сумел, Василий Васильевич.

Молодой рабочий смущенно смотрит вниз, не смея поднять глаз от стыда.

— Не только себя подвел, а всех,— жестко сказал Пашкевич. — «Не сумел»... Нет у нас такого слова! А рештак, между прочим, стоит двести рублей. Пойдем, покажу, как надо в таких случаях крепить.

Он медленно проделывает операцию и заставляет юношу трижды ее повторить.

— Вот теперь умеешь!

Убедившись, что ходок исправлен и бригада Егора Петроченко с заданием справится, Пашкевич покидает лаву.

У ствола встретился пожилой шахтер, который, заметив начальника участка, свернул куда-то в боковой ходок.

— Далеко ли собрался, Никита Семенович, в такую рань? — окликнул его Пашкевич. — Твоя смена еще не скоро!

— Нескоро,— смущенно признался тот.— Да вот хочу леску вагончиков пять перебросить в свою лаву от соседей. Договорился вчера с лесогонами. Обижают нас, Василий Васильевич, лучший лес на другой участок гонят. Вы, говорят, с любым можете работать.

— Что же, правду говорят.

— Оно так и выходит, да ведь обидно!..

— Плохо твое дело, Никита,— строго сказал начальник участка.— Ничего не видишь, кроме своего забоя. У соседей в лавах порода слабей нашей, им и крепить надо лучше. А дело у нас общее. Возвращайся на-гора́ и не забывай о шахтерской дружбе.

Много людей работает в шахте, и у каждого свой характер, свои неповторимые черты. Дружный коллектив южного участка безгранично доверяет Пашкевичу, его огромному опыту и особому чутью, которое проявляется не только в забое. Многими нитями связан он с этими людьми.

III

Небольшой домик Василия Пашкевича стоит на окраине шахтного поселка. В саду шепчутся молодые липки, посаженные хозяином, жужжат над ульями пчелы. Жена Полина Григорьевна, дочь потомственного шахтера с Оболенки, хлопочет на грядках.

— Пятнадцать лет назад приехал я в Донбасс из белорусской деревни Великой, что под Минском. В молодости батрачил у кулака, потом строил текстильный комбинат в Ташкенте и шлюзы на Ангренстрое. А когда спустился в донецкую шахту «Капитальная», понял: тут или отдай себя всего или уходи. Начинал я с лесогона, потом стал забойщиком. Через два года учивший меня горный мастер перевелся в Подмосковный бассейн. С ним поехал и я...

Война застала Пашкевича уже на посту начальника участка. В прошлом у него имелись и опыт бригадира и десятника и курсы горных мастеров. Через несколько месяцев он увидел дымящиеся развалины шахтных поселков в Болохове, взорванные копры. В тяжелых условиях восстанавливали горняки свой бассейн. Пашкевич в те дни стал коммунистом.

В Скуратове, на третьей шахте, надо было все начинать сначала. Нехватало главного — умелых людей. И Пашкевич открыл свою школу. Такой школой стал южный участок — школой мастерства, чуткости, внимания к человеку.

Вот Пашкевич поднялся на-гора́, вымылся в бане, отдохнул и открыл дверь своей небольшой рабочей комнаты возле нарядной. Первым заходит к нему навалоотбойщик Василий Чурсин, профорг лучшей смены.

— Пять тысяч тонн угля решили дать сверх плана ко Дню шахтера. В соревнование вступили все до одного.

Почтальон приносит три телеграммы: из Сочи от крепильщика Кирилла Тикунова, из Кисловодска от запальщика Усманова, из Грузии от забойщика Василия Дробницы.

— И на курортах помнят о шахте!

Лето — время отпусков. Уже двадцать два шахтера побывали на юге, и столько же, пожалуй, отдыхают там сейчас. Да ведь и здесь досуг проводят неплохо. В комнату входит забойщик Семен Абдулаев в праздничном костюме, галстуке.

— У тебя сегодня выходной. Что же, собираешься сидеть дома со своей Марусей? Не одобряю. Вот получи два билета в театр, в нашу ложу. Сегодня выступают московские артисты.

В театре Центрального поселка Пашкевич имеет для горняков своего участка постоянную ложу — восемь мест. Каждую субботу стахановцы ездят на спектакли в Тулу. Для этого есть специальная автомашина.

В дверь заглядывает молодой шахтер, тоже, как видно, собравшийся погулять.

— Входи, входи. Ты что же, Андрей, богатую невесту нашел или на отцовские хлеба решил перейти?—говорит начальник участка.— Почему в прошлом месяце заработал на пятьсот рублей меньше?

— Не повезло, Василий Васильевич,— мнется собеседник.— Горные условия...

— У твоего напарника Болтушенкова такие же условия, а он заработал три тысячи двести...

Пашкевич следит за заработком своих горняков. Его радует, когда люди получают много. Значит, заслужили.

Заботу о людях — самом ценном капитале на земле — Василий Пашкевич, начальник лучшего в стране шахтного участка, считает своей первой обязанностью. Эта большевистская черта дополняет организаторские способности и творческую инициативу Пашкевича, помогает ему побеждать в борьбе за уголь.

— Нет цены нашей нерушимой шахтерской дружбе,— говорит он.

В этих словах зрелый опыт человека, идущего в передовых рядах великого наступления.

Маша

Расул ГАМЗАТОВ

В полдень вешнего денечка
У соседки радость — дочка!
Рад отец — чего уж краше, —
Выбрал дочке имя Маша.
Девочка резвей касатки,
У нее свои повадки:
Чуть возьмешь — за нос хватает,
Прядь твоих волос хватает.
Взглянешь косо на минутку —
Разобидишь не на шутку.
У кого есть сын, спешите,
Девушку не проглядите!

Любит Машу вся округа,
Отнимают друг у друга,
Тетка дарит ей теленка,
Дядя — белого козленка,
Бабка дарит ожерелье,
Как невесте к новоселью.
Всем в ауле нашем знатном
Имя русское приятно!
Но когда дитя уймется
И заснет, отцу взгрустнется:
Вспомнит он у колыбели
Дым войны, сестру в шинели,
Ту, что жизнь спасала другу,
Шла с бойцами в дождь и вьюгу, —
Ведь ее в той дальней дали
Тоже Машей называли.
Там ее похоронили,
И солдаты на могиле
Думу думали, тоскуя:
«Нам бы доченьку такую!»

Сон девчурки тих, спокоен,
И в лице ребячьем воин
Ищет, словно отголоска,
Сходства с той далекой тезкой
И тихонько шепчет: «Маша...»
Вырастет резвунья наша
Под отцовскою опекой
Славным, смелым человеком.
Ей подарком с поля боя
Имя русское простое.

Перевела с аварского
Вера Звягинцева

От полей — в науку

Сергей ГЕРАСИМОВ

Фото Н. Козловского

Этот радостный и торжественный день придет, обязательно придет, и тогда — мечтает Марина Гнатенко — она взойдет на кафедру, чтобы перед внимательной и требовательной ученой комиссией защитить свою кандидатскую диссертацию. Мечта эта вполне осуществима, и постепенно приближается срок, когда она станет явью...

Правда, не легок путь от полей в науку. Нужно много и вдохновенно трудиться. Настойчивость, трудолюбие, страстное желание помогут Марине достигнуть и этой цели, как они помогли ей, простой советской девушке, стать государственным деятелем, которого народ знает и ценит за самоотверженное служение Родине.

Жизнь Марины Васильевны Гнатенко интересна и поучительна.

...Осень 1934 года. Возвратившись из Москвы со Второго съезда колхозников-ударников, подруга Марины Мария Демченко рассказала на многолюдном собрании односельчан о Москве, о встрече с великим Сталиным, о данном ему обещании собрать урожай сахарной свеклы 500 центнеров с гектара. Это было очень серьезное обязательство.

Когда Мария Демченко окончила свою речь, к столу президиума вышла восемнадцатилетняя Марина Гнатенко.

— Я посоветовалась со своим звеном, — она окинула взглядом знакомые лица колхозников и колхозниц. — Мы обязуемся собрать такой же урожай и вызываем на соревнование Марию Демченко.

Слова Марины были встречены гулом одобрения. Так началось знаменитое соревнование двух подруг и их звеньев, так началось массовое движение свекловодов за высокие урожаи на колхозных полях страны.

Не теряя драгоценного времени, провели глубокую осеннюю пахоту под свеклу, внесли в землю удобрения. Зимой обе подруги и девушки из их звеньев посещали занятия в агрономической школе. Чтобы сберечь влагу, сооружали вокруг свекловичной плантации вал из снега. Разгоряченные, возвращались они домой по запорошенной, освещенной бледным месяцем дороге и играли в снежки.

Весной начались полевые работы, сев, а затем упорная борьба с вредителями свеклы: долгоносиком, луговым мотыльком, озимой совкой. За лето звено Марины Гнатенко четыре раза делало подкормку молодых всходов, три раза промотыжило участок и провело несколько прополок.

Соревнуясь друг с другом, подруги думали не только о личных успехах. В засушливые августовские дни Марина Гнатенко со своим звеном поливала свекловичные поля своей соперницы по соревнованию, а Мария Демченко помогала уничтожить мотылька на участке Гнатенко. Эта товарищеская взаимопомощь делала соревнование живым и действенным, помогая добиваться общих успехов.

Стояли чудесные осенние дни. Свекла созрела. Ее пожелтевшие листья сворачивались в трубочки и отмирали. Кончив копку, Марина Гнатенко поехала с последним рейсом автомашины на сахарный завод. В полученной квитанции было указано, что звено Марины Гнатенко собрало по 511 центнеров свеклы с каждого гектара. Звено Марии Демченко собрало тогда больше: по 523 центнера с каждого гектара.

На всю жизнь запомнила Марина Гнатенко, как вечером в полевом стане колхозники устроили торжество. Сидя за столами, поднимали они стаканы с вином за счастливую колхозную жизнь. Марина и Мария поздравляли друг друга, и радость победы искрилась в их глазах.

Марина Гнатенко в лаборатории.

Утром подруги, нарядные и веселые, были уже в Киеве и, не задерживаясь, сели в московский поезд.

— Как это в Москве узнали, что где-то в Староселье люди собрали много свеклы? — спросила Марина Гнатенко.

— Чему ты удивляешься? — ответила Демченко. — О хороших делах всегда быстро узнают...

В Москве на вокзал пришло много москвичей с букетами цветов. Они встречали дорогих гостей — пятисотниц, так назвала народная молва девушек, добившихся урожая сахарной свеклы свыше пятисот центнеров с гектара.

И вот в Кремле незабываемая встреча приехавших в Москву колхозниц с руководителями партии и правительства. Товарищ Сталин подробно расспрашивал женщин о работе на колхозных полях, интересовался, как добились они высоких урожаев, в чем нуждаются колхозы, как живут колхозники. Женщин — мастеров высоких урожаев — товарищ Сталин назвал героинями труда, новыми людьми. От такой высокой оценки у людей, казалось, вырастали крылья.

Осмотрев достопримечательности Кремля, колхозницы вышли на Красную площадь, где собралась толпа народа. Многие спрашивали:

— Где здесь Демченко и Гнатенко?

На следующий день пятисотницам были вручены ордена.

Взволнованные незабываемой встречей с вождем, героини колхозного труда простились с Москвой, которая их провожала так же хорошо и приветливо, как и встретила...

Крепко обняла мать возвратившуюся из столицы Марину, припав к ее плечу. По морщинистым щекам текли слезы не горя и отчаяния, каких много было в ее жизни раньше, а светлые слезы радости.

— Какая ты счастливая, дочка!

В следующем году звено Марины собрало по 600 центнеров свеклы с гектара.

В родном Староселье, где росла Марина Гнатенко, построили новые клуб и школу, больницу, аптеку, радиоузел. Купили киноаппаратуру, создали духовой оркестр. В домах колхозников появились электрический свет и радио. На площади у школы воздвигли памятник Ленину. Участвуя в преобразовании и обновлении своего села, Марина Гнатенко постоянно думала об учебе.

После уборки урожая Марина поступила в Киевский технологический институт на факультет сахарной промышленности.

Трудовая инициатива, чувство нового и стремление к новому выделили Марину Гнатенко среди других. Дочь сельского кузнеца стала государственным деятелем: трудящиеся Корсуньщины избрали ее в 1938 году своим депутатом в Верховный Совет Украинской ССР. На XII съезде комсомола Украины она стала членом ЦК ЛКСМУ. Марина Гнатенко была участницей Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, утвердившего Сталинскую Конституцию.

После лекций, семинарских и лабораторных занятий в институте Марина спешит на собрания, рассматривает, разбирает письма и просьбы избирателей. В институте она вступает в ряды большевистской партии. Напряженная учеба и активная депутатская и партийная деятельность поглощают, казалось бы, все свободное время двадцатидвухлетней студентки.

И все же Марине Гнатенко удается находить время, чтобы с увлечением изучать санитарное дело, заниматься спортом. На первой украинской колхозной спартакиаде она показывает прекрасные результаты в толкании ядра. Научившись ездить на мотоцикле, Марина обращается с горячим призывом к девушкам Украины — овладевать автомобильным делом. Сама она в каникулы организует и возглавляет женский мотопробег. Девушки в синих комбинезонах и кожаных шлемах мчатся по дорогам Киевской области и, останавливаясь в селах, выступают с докладами...

...В первые же дни Великой Отечественной войны Марина Гнатенко отвозит четырехлетнего сына и десятимесячную дочь к своим родителям в село и добровольно вступает в ряды Советской Армии. Ее назначают комиссаром армейского госпиталя. Никогда не забудутся те трудные месяцы, когда Советская Армия, отступая, в тяжелых боях изматывала врага и перемалывала его бронированные дивизии. Марина помнит горячие сражения на Юго-западном и Северо-западном фронтах, опаленные пожаром войны воронежские степи, стойкую оборону города Калинина, дерзкие партизанские операции в лесах Ленинградской области. Она помнит бомбежки и гул артиллерийских снарядов, безмерные страдания и несгибаемую стойкость людей, бессонные ночи, зимние стужи, тяжелый труд войны.

В районе, где стоял госпиталь, гитлеровцы сбросили десант, чтобы взорвать мост, но в коротком жарком бою десант был перебит. Понесла потери и наша часть. Двадцать раненых советских бойцов требовали неотложной помощи. Помогая врачам, Марина Гнатенко останавливала кровотечение, делала перевязки, готовила раненых к операциям.

Часто тяжело раненые не решались давать согласие на операцию. В таких случаях врачи обращались за помощью к капитану Марине Гнатенко.

— Идите уговорите хлопца!

И она шла, чтобы в душевном разговоре успокоить, ободрить человека. Она помогала раненым бойцам писать письма родным, читала сводки Совинформбюро, рассказывала об интересных книгах. Самоотверженная служба в армии капитана Марины Гнатенко была отмечена орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

Все годы войны Марина Гнатенко неотступно думала о своем селе, где остались ее дети и престарелые родители. И вот она в рядах наступающей Советской Армии подъезжает к Староселью, что раскинулось по знакомым берегам реки Вильшанки. Не узнать большого и красивого украинского села с белыми хатами, утопавшими в веселой и благодатной зелени садов. Больше половины домов сожжено. Всюду развалины, обуглившиеся деревья. Скорее, скорее!

Нетерпеливый взгляд в ту сторону, где стояла отцовская изба, и тяжелый ком отчаяния перехватил дыхание. От родного крова, где Марина провела детство и юность, остались закопченный остов полуразвалившейся печи и беспорядочная куча золы. От сада с фруктовыми деревьями уцелели едва заметные пни...

Много раз, шагая по тяжелым дорогам войны, видела Марина опустошенные и разрушенные села и города — следы отступавших извергов в гитлеровских мундирах. Но сейчас, увидя в развалинах родной дом, она была особенно потрясена и не могла произнести ни слова. Задыхаясь от горя, побрела она по разбитой дороге, еле передвигая ноги.

Шедшая навстречу бледная, исхудавшая женщина узнала Марину Гнатенко и сообщила ей неожиданную радостную весть: ее родные живы, их приютила семья Марии Демченко.

Торопливо обняв женщину, Марина стремглав побежала напрямик, вдоль сожженных домов. У знакомых ворот стояла босая, заморенная девочка в жалких лохмотьях. Марина узнала в ней свою дочь. Порывисто схватила ее на руки, прижала к груди, целовала грязное личико.

Узнав о приезде Марины Гнатенко, односельчане-земляки заходили в дом, рассказывали, как лютовали гитлеровцы на селе. Они сожгли 912 дворов, начисто разграбили колхоз. Положение после изгнания немцев было очень трудным. На помощь, как и всегда, пришел братский русский народ. Он прислал машины и семена. Поля были засеяны, и колхоз начал быстро возрождаться...

Настали радостные дни победы. После демобилизации Марина Васильевна вернулась в Киев. Снова началось главное в ее жизни — партийная и государственная работа, участие в восстановлении разрушенного колхозного хозяйства, в том числе и в родном Староселье, забота о сиротах, помощь вдовам погибших воинов.

Когда были достигнуты первые успехи в восстановлении, Марина Гнатенко осуществила свою мечту: она начала работать во Всесоюзном научно-исследовательском институте сахарной свеклы. Так через годы труда и боевой страды простая колхозница пришла от полей в науку, пришла с горячим желанием овладевать знаниями, нести их народу, помогать дальнейшему расцвету социалистического земледелия.

Марина Гнатенко — научный сотрудник. Она едет проводить опытные работы на родину движения пятисотниц, в родное село Староселье.

Целое лето прошло в напряженном труде. Неутомимая Марина рассказывала, а еще чаще показывала молодым свекловодам, как вносить удобрения, делать подкормку, как бороться с вредителями сахарной свеклы.

Случилось, что девушки запоздали поставить на полях корытца с патокой. На запах патоки летит озимая совка и, прилипая к патоке, погибает. Марина не только пристыдила девушек, но и разъяснила им, что каждая озимая совка откладывает по восьмисот яичек. Появляющаяся затем армия прожорливых личинок наносит огромный ущерб урожаю. Поэтому в борьбе с вредителями свеклы дорог не только каждый день, но и буквально каждый час.

Результаты внедрения мичуринской агробиологии в Староселье оказались превосходными. Колхоз «Коминтерн» собрал осенью 1947 года по 350 центнеров свеклы с площади 260 гектаров. А девятая бригада, в которой раньше работала Марина,— по 511 центнеров с 26 гектаров.

В местной газете была опубликована большая фотография. Одиннадцать звеньевых, веселых и загорелых девушек, взявшись за руки, шагают по полю. Они поют песню. Это звеньевые девятой бригады старосельского колхоза «Коминтерн», собравшие от 500 до 700 центнеров свеклы с гектара. Над ними шефствовала бывшая односельчанка и комсорг их бригады Марина Гнатенко.

В прошлом году случились сильные заморозки, пришлось свеклу пересевать, и это отразилось на ее урожае.

В текущем году Марина Васильевна Гнатенко взяла обязательство восстановить урожай 1947 года на полях колхоза в селе Староселье и помочь ряду колхозов Киевской области, которые борются за урожай свеклы в среднем по 200 центнеров с гектара на всей площади.

С детства знаком Марине труд на свекловичных полях. Но между ее прежней и нынешней работой есть большая разница. Теперь она может каждое явление объяснить научно, проверить, основываясь на трудах великих русских ученых Докучаева, Мичурина, Вильямса, Лысенко.

В одном из кабинетов Всесоюзного научно-исследовательского института сахарной свеклы мы долго беседовали с Мариной Васильевной Гнатенко о ее сегодняшних делах и планах на будущее.

Накапливая знания, углубленно изучая мичуринскую агробиологию, физиологию растений, их болезни и вредителей, почвоведение, М. Гнатенко в то же время активно участвует в общественно-агрономической работе среди колхозников. Опыт работы на колхозных полях дал ей богатый материал для серии агрономических бесед «Как выращивать высокие урожаи сахарной свеклы». Марина Гнатенко дорабатывает эти беседы, опубликованные в газетах, чтобы составить из них брошюру «Руководство для свекловодов».

Третий год научный сотрудник Марина Гнатенко продолжает изучать свою основную тему: влияние густоты посадки на урожайность сахарной свеклы. Эта тема — ключ к высокой урожайности, к увеличению производства сахара в стране.

— Практикой лучших стахановцев доказано,— говорит Марина,— что 110 тысяч корней на гектар — это лучшее, что можно рекомендовать всем свекловодам. Но дело не только в густоте насаждений. Надо сохранить, уберечь от вредителей каждый свекловичный корень и обеспечить энергичное его развитие без снижения сахаристости. Некоторые ученые считают закономерным, что с ростом свеклы падает ее сахаристость. А у меня при урожае свыше 500 центнеров с гектара сахаристость свеклы составила 18,3 процента, то есть была выше средней... Значит, этого можно добиться и на всех свекловичных плантациях.

Марина Гнатенко с увлечением рассказывает, что в колхозах Украины воспитываются прекрасные мастера свеклосеяния, давно уже опередившие достижения ее и Марии Демченко. Вот в колхозе «Социалистична перемога», Старченковского района, Киевской области, Мария Лысенко в 1944 году собрала с двух гектаров по 564 центнера, в 1945 — по 624, в 1946 — по 711, а в 1947 году — по 758 центнеров. С начала прошлого года Мария Лысенко — председатель этой артели. Она обеспечила в целом по колхозу урожайность в 303 центнера с гектара со всей площади посевов. Теперь Мария Лысенко — Герой Социалистического Труда.

Когда мы вошли в квартиру Марины Гнатенко, ее дочь, восьмилетняя Лариса, играла на пианино, сын Сергей готовил уроки. Муж ее — в прошлом летчик, а сейчас политработник Советской Армии — был на службе.

В квартире чисто, уютно. На стене картина «Утро в сосновом бору», вышитые дорожки с васильками — собственной работы Марины.

— А вот моя фронтовая одежда. Ее я берегу! — Марина Васильевна открыла шкаф и показала армейскую шинель.

Научный работник, член правительства — в 1946 году Марина Гнатенко избрана депутатом Верховного Совета СССР; она попрежнему уделяет много внимания семье, успевает проследить, сделала ли дочь уроки и как сын выучил заданное стихотворение, интересуется театром, много читает.

Нашу беседу прерывает звонок телефона. Говорит старая подруга Марины Мария Демченко. Они условились вечером встретиться. Мария Демченко сейчас работает агрономом в колхозе на Ирпенской пойме, под Киевом. Они продолжают дружить, доверяя друг другу сокровенные мечты и планы.

...Желанный день придет, обязательно придет. Марина Гнатенко подымется тогда на кафедру, чтобы перед взорами ученой комиссии развернуть плоды своей научной работы и доказать свое право на почетное звание советского ученого. Эта мечта вполне осуществима. Потребуется только трудиться — упорно и вдохновенно, но ведь в этом прошла вся жизнь Марины. Настойчивость, усердие, страстное желание помогут ей достигнуть поставленной цели, ибо эти свойства передового человека социалистической эпохи — неоценимое оружие. Они помогают простым людям заводов и колхозных полей становиться государственными деятелями, знатными людьми страны, которых народ ценит и прославляет за патриотизм и неудержимое стремление вперед.

Негритянский певец Поль Робсон.

Фото Дм. Бальтерманца

Китайский писатель Эми Сяо. Фото Э. Гутгарца

МОСКОВСКИЙ КРУГОЗОР

А. ЛИТВАК

Где бы ни был советский человек, куда бы и на какой трудовой пост ни поставила его страна,— он всегда и везде в Москве и с Москвой. Москвичи в Москве — это понятно. Но приезжают проектировщики Гипромеза в Рустави — это Москва в Рустави; подходит быстрая и уютная машина «Москвич» к дому карагандинского шахтера — это Москва в Караганде; перед взором приезжего расстилается широкое асфальтированное шоссе, ведущее на «Запорожсталь»,— шоссе, напоминающее Ленинградское в Москве,— это Москва в Запорожье; зажигаются по вечерам большие, тысячесвечовые круглые шары на улицах Комсомольска, и жители молодого города улыбаются: «Совсем, как в Москве».

За этими чисто внешними признаками есть и другие, незримые, но постоянно ощутимые нити, связывающие каждого человека труда в любом месте Советской страны с трудом москвичей. Москва воспринимается сталинградским слесарем и алтайским колхозником, ленинградским токарем и архангельским лесорубом, рыбаком на траулере, бороздящем наши моря, и хлопководом Узбекистана как огромный, неиссякаемый, вечный источник опыта и лаборатория опыта. Все, что исходит из Москвы, и все, что проверено в Москве,— на ее заводах и фабриках, в научно-исследовательских институтах и шахтах ее угольного бассейна,— все это носит московский отпечаток и входит в трудовую жизнь страны как большое и значительное явление. И точно так же, как Москва — столица — принимает и развивает на своих заводах и фабриках почин донецкого забойщика или ивановской ткачихи, так и в любом городе и в каждом селе сразу же находятся последователи московских новаторов, люди, расширяющие и дополняющие опыт тех пионеров, кто в Москве открывает пути и дороги в будущее. «Мы, как Федос Шавлюгин, работаем»,— говорит владимирский каменщик. «Совсем Александр Чутких»,— хвалит директор МТС в Куйбышевской области молодого тракториста. «Наша Анна Кузнецова»,— произносят с уважением работницы Ярославского автозавода, представляя наиболее отличившуюся подругу.

В борьбе за коммунизм Москва — знаменосец, Москва — авангард. Знаменосцем предстает наша любимая столица в письме рабочих, работниц, мастеров, инженеров, техников и служащих товарищу И. В. Сталину. В авангарде пятилетки шагают трудящиеся Москвы, сообщившие недавно о своих успехах в борьбе за досрочное выполнение великого послевоенного плана восстановления и развития народного хозяйства. Уже в апреле нынешнего года индустрия столицы по большинству важнейших видов промышленной продукции достигла того среднемесячного уровня производства, который был запланирован на 1950, последний год пятилетки. Стали, проката, электроэнергии, меди, металлорежущих станков, обуви, кондитерских изделий, паровых котлов и многих других важных видов продукции в столице произведено в апреле больше, чем было запланировано в среднем на месяц будущего года.

Это огромная и зовущая вперед победа, показывающая, насколько овладела миллионными массами идея досрочного выполнения пятилетнего плана. В каждой строке письма москвичей отражено могущество нашего советского общественного и государственного строя, великая организующая сила коммунистической партии, направляющей трудовые усилия многомиллионного народа. В письме москвичей названы предприятия, досрочно выполнившие пятилетку,— «Динамо» имени Кирова, «Серп и молот», Трансформаторный, имени Молотова, Электроламповый, «Москабель», «Калибр», «Фрезер», «Каучук», Тормозной, «Точизмеритель», имени Буденного, «Комета», Московский инструментальный, имени Маленкова, Комбинат твердых сплавов, «Манометр», «Станколит» и многие другие. На этих заводах работают люди большого творческого размаха, широко развернувшие социалистическое соревнование за досрочное выполнение пятилетки. Стоит только вдуматься в цифру, которую сообщают москвичи,— свыше 96 процентов работающих в промышленности и на транспорте столицы являются участниками социалистического соревнования! — чтобы понять, какая могучая, несокрушимая сила движет вперед индустрию столицы.

Когда говоришь о Москве и ее индустрии, легко поразить слушателя цифрами и сравнениями. Можно сказать, что уже накануне войны столичные заводы и фабрики давали в двадцать один раз больше продукции, чем в 1913 году, и почти вдвое больше, чем вся промышленность старой, капиталистической России.

Один «Красный пролетарий» выпускает, например, значительно больше станков, чем выпускала вся дореволюционная Россия, причем, как известно, выпускает станки, которые по своим качествам находятся в таком соотношении нового к старому, как, скажем, автомобиль к телеге. Есть в столице завод, который создает автоматические линии из множества сдвоенных станков, с одновременно действующими сотнями шпинделей и инструментов,— и эти линии приводятся в действие одним рабочим. На предприятиях Москвы ежемесячно выпускается столько тканей, что ими можно несколько раз опоясать земной шар по экватору.

Важно и то, что за последний год московская промышленность освоила производство ряда новых марок сталей и сплавов, новых грузовых автомобилей, речных катеров, тракторов, автопогрузчиков, мощных компрессоров и редукторов, валков для холодного проката и дизелей для бурильных станков, самоходных широкозахватных сенокосилок и высокопроизводительных режущих инструментов, холодильников и телевизоров, буровых магнитных станций и роликовых высокоскоростных веретен, специальных автомашин для городского хозяйства и трехфазных трансформаторов с автоматическим регулированием напряжения...

Но не только машинами, сколь бы совершенны они ни были, славна московская индустрия. «У нас тоже есть машины»,— может сказать американский бизнесмен. Но бизнесмен не может ничего сказать о людях, делающих машины, ибо для него они безликая масса, огромный аноним. Москва и ее индустрия славна людьми — творцами и новаторами. И каждого из таких новаторов может назвать Москва по имени и отчеству, и многих, многих из них может назвать вся Отчизна.

Непреодолимое движение современности — социалистическое соревнование — открыло пути к выполнению первой послевоенной пятилетки до срока. Москвичи нашли новые формы социалистического соревнования, они подняли соревнование на высшие ступени в починах Николая Российского и Василия Матросова, Валентины Хрисановой и Александра Чутких, Федоса Шавлюгина и Павла Быкова. Имена эти ведомы всей стране.

Всенародная известность приходит у нас к человеку благодаря новаторству, благодаря новым дорогам, проложенным трудом и в труде. В письме рабочих, работниц, мастеров, инженеров, техников, служащих Москвы товарищу И. В. Сталину названы имена героев вдохновенного и творческого труда, людей широкого опыта и возможностей. Там упомянуты Быков, Хрисанова, Чутких, Угольков, Марков — лауреаты Сталинских премий. Но вот встает уже за ними новая плеяда героев — Субботин, Турбина, Ворошин, Чабрикова, Федосеенко и много других! Недавно их знали только друзья да ближайшие товарищи по работе, а сегодня, после опубликования письма москвичей, опытом Субботина уже интересуются сталевары в городе Жданове на берегу Азовского моря, методы Ворошина занимают умы рабочих Владивостока, приемы работы Турбиной осваиваются на подшипниковом заводе в городе Куйбышеве. Москва со своими новыми героями входит в цехи заводов страны, расширяя представления масс о творчестве, которое в нашей Советской стране поистине неограниченно.

Александр Чутких — москвич, текстильщик. Но не одну столицу и не одну текстильную промышленность заинтересовал его почин. Это был пример Москвы в борьбе за качество, за уважение к своей работе, за внимание к мелочам, из которых слагается многое. Именно так был воспринят призыв Александра Чутких во всех городах страны. Не только в текстильной промышленности, но и во всех отраслях индустрии, транспорта и сельского хозяйства. Да, и сельского хозяйства, хоть пример и исходил из рядов текстильщиков. Александр Чутких побывал не только на разных фабриках и заводах, но и поехал в сельхозартель «Красный Аксай», Курганинского района, Краснодарского края, познакомился там с бригадиром тракторной бригады Михайловской МТС Иваном Шацким, зачинателем социалистического соревнования за отличное качество полевых работ, и передал ему свой опыт. Как тут не вспомнить Михаила Исаковского:

И оттого-то все напевней
Шумит полей родных простор,
Что в каждой маленькой деревне
Теперь московский кругозор.

Московский кругозор!.. Он расширяет представления человека о долге перед Отчизной, об обязанностях перед обществом, о значении труда каждого для общего дела. Вот на небольшой фабрике в Купавне возникает почин прядильщицы Марии Рожневой и ткачихи Лидии Кононенко... И в Саратове следуют примеру Рожневой и Кононенко Мария Подгорная и Александра Елизарова. В Киеве подхватывают опыт новаторов бригады Ольги Нестеренко и Галины Куцой, Марии Рогальской и Валентины Мироновой. В Орехово-Зуеве появляется своя героиня — Ольга Лобанова, в Одессе — Валентина Маркина, в Калуге — Вера Панкратова, в Уфе — Анастасия Заскалько, в Ташкенте — Убай Рахматулаев. Все они стали людьми широкого кругозора. Кругозор этот называется московским. И так в каждом городе.

Но люди не выступают просто копировщиками московского метода. Нет, они привносят свое, глубоко индивидуальное, идущее от чистого сердца и углубляющее борьбу за план, патриотическое отношение к делу. Метод Марии Рожневой и Лидии Кононенко, как и методы других новаторов, дополняется, обогащается, становится шире и охватывает все бо́льшие и бо́льшие массы людей, заинтересованных в экономии, в рационализации, в дальнейшем взлете социалистического соревнования. Почин Рожневой и Кононенко расширил кругозор людей, подсказал каждому, что он может найти у себя, рядом с собой, новые и новые возможности ускорить продвижение вперед. И люди отыскивают эти возможности!

В новой пятилетке Москва выступает как огромная всесоюзная лаборатория, в которой решаются десятки вопросов механизации трудоемких и тяжелых работ, облегчения человеческого труда, повышения его производительности. Здесь люди широкого кругозора думают над созданием новых, совершенных механизмов, десятки заводов заняты превращением сухих линий на кальках и синьках в машины и инструменты, помогающие человеку быстрее плавить металл и сушить торф, строить дома и добывать уголь.

«Земля моя будто проклята. Деревни мои невежественны.. Поля изрыты канавами, заросли сорными травами непотребными», — так писал когда-то граф Бобринский о земле, где раскинулся сейчас богатейший угольный бассейн и где живут и самоотверженно трудятся советские шахтеры. Московский угольный бассейн!.. В его шахтах появились в наши дни умнейшие механизмы. Молодые горняки, окончившие десятилетку, без труда и волнений овладевают искусством вождения комбайнов в залитых дневным светом шахтах. В рядах угольщиков, называющих себя с гордостью московскими шахтерами, хотя и живут и трудятся они в Подмосковье,— Герой Социалистического Труда Иван Филимонов, который с проникновенным чувством говорит:

— Я дал Родине за свою жизнь свыше миллиона тонн угля!

Мог ли шахтер в далеком прошлом определить, сколько нарубил он угля за свою жизнь? Нет, загнанный и забитый, измотанный тупой и унылой работой, он не интересовался тем, сколько добыл за свою жизнь. А сейчас, ежели Филимонов сам не подсчитает, то за него это сделают добрые друзья, которым дорога слава товарища — героя труда и знатного гражданина. Они без зависти расскажут о работе человека, на которого должны равняться тысячи,— пусть знают о нем и Москва и вся страна. И так узнают и столица и страна о шахтерах Иване Филимонове и Михаиле Фомченкове, Петре Княгницком и Михаиле Щербакове. Далеко ли эти люди от Москвы? Нет, всегда близко. Они спускаются в забои с думой о Москве, о великом городе и его могучей индустрии, которой нужен свой хлеб — уголь. Широк кругозор этих людей! Они всегда думают о Москве, которой дают свет и тепло. О Москве, чья промышленность снабжает шахты и шахтеров подъемными машинами и котлами, резиновыми сапогами и добротными тканями, автомобилями и лампами дневного света, шоколадом и моторами, компрессорами и обувью.

Московский каменщик Шавлюгин пишет в Минск письмо товарищам по профессии — Булахову, Кожемякину и Сидоренко. С волнением читают белорусские строители это письмо. О чем думает Федос? А вот о чем: «Я предлагаю соревноваться не за установление отдельных рекордов, а за систематическую, ежедневную кладку 12 тысяч кирпичей за смену». Шавлюгин подсказал своим товарищам в Белоруссии путь от рекордов к повседневной высокопроизводительной работе. И Сидоренко пишет ответ в Москву: «Я смело принимаю вызов и надеюсь, что не осрамлюсь в этом соревновании». Можно быть уверенным: Сидоренко не осрамится! Он пойдет вперед, вперед пойдет и Шавлюгин: Москва и Минск шагают вместе, всегда вместе, всегда вблизи. Догонять лучших, помогать отстающим, добиваться всем, сообща, общего подъема — это тот путь соревнования, который был провозглашен в Москве и распространился по всей стране. Теперь москвичи обещают выполнить пятилетку по объему промышленного производства в четыре года. Тот объем продукции, который был намечен планом на 1950 год, будет достигнут трудящимися столицы в 1949 году.

И как только письмо москвичей появилось в газетах, как только радио разнесло по стране весть о том, что по производству многих важнейших видов промышленной продукции москвичи уже превысили тот среднемесячный выпуск, который был запланирован на 1950 год,— миллионы людей в разных концах страны, миллионы людей, у которых московский кругозор и которые чувствуют себя всегда близко от столицы, спросили: «А все ли сделал я и все ли сделали мои товарищи, чтобы быть такими, как москвичи, чтобы работать так, как работают они?»

И возникают на заводах Ленинграда и Кирова, Донбасса и Приднепровья, Урала и Казахстана, Сибири и Дальнего Востока поправки и дополнения к ранее принятым там обязательствам. Люди начинают подсчитывать: а нельзя ли еще больше уплотнить время? Из Ленинграда доносится голос Генриха Борткевича: «Успехи москвичей зовут к тому, чтобы еще настойчивее и смелее внедрять скоростные методы обработки металла, новую технологию в производство станков». И из Донбасса сообщают, что коллектив Сталинского машиностроительного завода ставит своей задачей выполнить в нынешнем году, как москвичи, свою пятилетку по объему промышленного производства. В Киеве, на «Арсенале», слесарь механического цеха Опанасенко поднимается на трибуну совещания заводского актива и говорит: «Пример трудящихся Москвы показывает нам, как надо бороться за выполнение пятилетки в четыре года. Мы не должны отставать от наших московских товарищей. Будем с ними соревноваться за дальнейший рост производства».

Так ширится соревнование, так растут ряды тех, кто шагает в авангарде пятилетки,—шагает всегда близко от Москвы.

...Где бы ни был советский человек, куда бы и на какой трудовой пост ни поставила его страна,— он всегда и везде в Москве и с Москвой, ибо Москва и страна едины. Москвичи и тбилисцы, москвичи и алмаатинцы, москвичи и ленинградцы всегда и везде в одном строю. В строю бойцов, идущих под развернутыми знаменами партии Ленина — Сталина к коммунизму.

Знатные стахановцы Москвы — передовики четвертого года послевоенной пятилетки. Слева направо: кузнец-штамповщик Автозавода имени Сталина М. Ф. Ушкалов, старший мастер мартеновского цеха № 1 завода «Серп и молот» С. В. Чесноков, старший мастер прокатного цеха завода «Серп и молот» И. И. Туртанов, слесарь-инструментальщик Трансформаторного завода А. Н. Шаров, фрезеровщик Трансформаторного завода В. Ф. Изосимов, помощник мастера Краснохолмского камвольного комбината лауреат Сталинской премии А. С. Чутких, бригадир комсомольско-молодежной бригады затяжчиков фабрики «Парижская Коммуна» В. И. Ильин ткачиха Краснохолмского камвольного комбината О. Г. Забродина, бригадир Электролампового завода Е. И. Лебедева, ткачиха комбината «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского А. М. Штырова, токарь завода «Калибр» В. В. Уткин, токарь завода шлифовальных станков Б. И. Кулагин, лауреаты Сталинской премии токарь завода шлифовальных станков П. Б. Быков, токари станкозавода «Красный пролетарий» Н. В. Угольков и А. Н. Марков.

Фото В. Савостьянова и Н. Ситникова (ТАСС)

ВСЕНАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК

Кадр из фильма «Первое мая». Товарищ И. В. СТАЛИН приветствует демонстрантов.

Впервые первомайский военный парад и демонстрация трудящихся советской столицы — Москвы — были засняты на кинематографическую пленку в 1918 году. «Это был суровый и величественный праздник свободного народа, со всех сторон окруженного врагами, — вспоминает кинооператор Э. Тиссе, на долю которого выпало счастье снимать в тот день праздничный митинг на Красной площади и выступление Владимира Ильича Ленина.— Красная площадь, много перевидавшая за многовековую историю великого русского народа, к этому дню еще не залечила ран, полученных в дни боев за власть Советов. Булыжник мостовой в некоторых местах был разворочен. На стенах домов много выбоин, дыр: следы пуль ожесточенной уличной перестрелки. Во многих окнах не было стекол».

Прошел 31 год. И мы снова видим на экране первомайскую Москву. Как неузнаваемо изменилась за эти три десятилетия наша столица, какой стала красавицей, как широки ее площади и улицы, сколько новых гигантов — жилых домов, государственных и общественных зданий, величественных памятников архитектуры сталинской эпохи!

Какие люди выросли за эти годы в Москве, какая молодежь — мастера и инженеры, новаторы промышленности, преобразователи индустрии и природы!

Озаренные лучами встающего первомайского солнца, расстилаются на экране необозримые вспаханные поля, панорама заводов, новостроек. С обнаженной головой, открытой ласковому весеннему ветру и солнцу, в белом кителе, с легким плащом, перекинутым через руку, стоит на этом фоне родной и любимый Сталин. Так вместе со своим народом встречает он утро Родины — утро весны человечества.

Эта картина художника Шурпина, уместно включенная в фильм, как бы предваряет собою радостный миг, когда народ на Красной площади и вместе с ним миллионы зрителей фильма «Первое мая» увидят на трибуне Ленинского мавзолея любимого вождя и лучшего из людей Иосифа Виссарионовича Сталина.

И вот этот миг настал.

В сопровождении своих верных соратников — руководителей партии и правительства — товарищ И. В. Сталин поднимается по ступеням мавзолея. За товарищем И. В. Сталиным идут В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, Н. А. Булганин, Н. М. Шверник, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, Г. М. Попов, М. Ф. Шкирятов.

Буря аплодисментов несется с трибун, где собрались знатные люди — Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, депутаты, стахановцы промышленности и передовики сельского хозяйства, писатели, ученые.

Товарищ Сталин поднимает руку. Он приветствует народ. Он окидывает взглядом всю площадь, заполненную стройными рядами войск. Какие одухотворенные, мужественные, волевые лица! Сколько Звезд Героев Советского Союза, сколько боевых орденов, украшающих грудь воинов, овеянных славою победоносных битв за Москву и Сталинград, за Ленинград и Севастополь, командиров и солдат, разгромивших и уничтоживших гитлеровскую военную машину, освободивших и родную страну и всю Европу от немецко-фашистских захватчиков!

Кремлевские куранты отбивают десять ударов. Министр Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза тов. А. М. Василевский принимает рапорт командующего парадом Маршала Советского Союза тов. К. А. Мерецкова. Объезд и поздравление войск. Волнами перекатывающееся могучее «ура».

А. М. Василевский поднимается на трибуну мавзолея. И на всю площадь, на всю страну, на весь мир звучит его краткая, но яркая речь о неуклонном росте экономики и культуры нашего советского государства, вновь доказывающем превосходство социалистического строя над капиталистическим.

...Заснятый на пленку военный парад 1 мая 1949 года — безукоризненно четкий, торжественный шаг слушателей военных академий, безупречная выправка и молодцеватый вид курсантов и растущей смены — нахимовцев, суворовцев, — самая передовая в мире советская военная техника— все это яркое, наглядное подтверждение слов министра: «Наш народ может быть уверен, что его мирный труд оберегает испытанная в боях сила — Советская Армия, Авиация и Флот, всегда готовые с честью выполнить свой священный долг перед Родиной».

Дружными аплодисментами встречает Красная площадь проносящиеся над нею бомбардировщики, штурмовики, реактивные самолеты. Командует воздушным парадом гвардии генерал-майор авиации тов. В. И. Сталин. Мы видим его за штурвалом на борту огромного четырехмоторного флагманского корабля, эскортируемого истребителями.

И столь же дружно аплодируют все присутствующие, когда через площадь двинулись мощные танки «ИС», с честью носящие имя Иосифа Виссарионовича Сталина— создателя несокрушимых бронетанковых сил Советского Союза.

Военный парад окончен.

Незабываемое, волнующее зрелище — прохождение по Красной площади бесчисленных колонн москвичей — участников первомайского праздника,— этой ярчайшей демонстрации преданности советских людей социалистической Родине, партии большевиков, великому Сталину.

Над миллионным людским потоком развевается разноцветный шелк вымпелов спортивных обществ, знамена, транспаранты, портреты вождя, портреты его соратников. В колоннах идут москвичи всех поколений и профессий.

У всех счастливые, улыбающиеся, смеющиеся лица. Все взоры устремлены на трибуну мавзолея, все от полноты взволнованного сердца, в едином порыве громко называют любимое имя, рукоплещут, вздымают руки с цветами, вглядываются в дорогие черты.

Просто и ласково, весело и приветливо, с отеческой нежностью и несказанной добротой улыбается в ответ, аплодирует, смеется товарищ Сталин, жестами разговаривает с народом, словно привечая каждого в отдельности.

Вот мимо мавзолея в колонне проходит рабочий с гармоникой. Увидел Иосифа Виссарионовича — и от счастья забыл все на свете. Товарищ Сталин с улыбкой смотрит на него и жестами шутливо показывает, что надо возобновить игру. Рабочий понял, спохватился и вновь заиграл. Иосиф Виссарионович ему аплодирует.

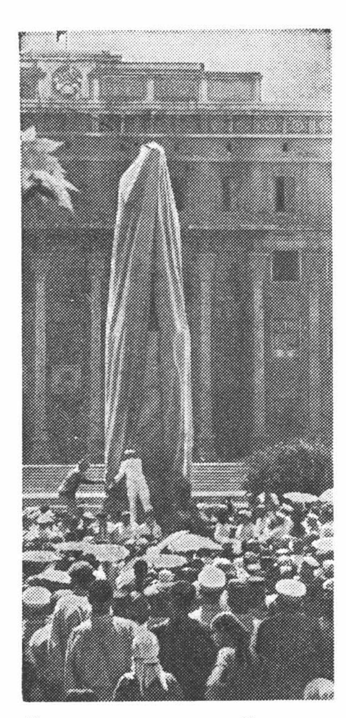
Сколько нежности, ласки, любви в безмолвном разговоре товарища Сталина с детишками! Их тысячи. Они на высоко вскинутых руках, на плечах родителей. Восторженно сияют глазенки, ручки тянутся к самому дорогому человеку на свете, с уст срываются звонкие возгласы... И товарищ Сталин в ответ протягивает им руки, смеется, и малыши видят это, и нет предела чистой детской радости!.. На всю жизнь каждый запомнит обаятельную сталинскую улыбку, сталинский привет.

Цветной фильм «Первое мая»— выдающееся произведение нашей документальной кинематографии. Благодаря этому фильму весь многонациональный Советский Союз и все наши друзья за рубежом увидят замечательный праздник в Москве, демонстрацию нерушимой связи, нерушимого единства многомиллионных народных масс и любимого вождя.

О. ЛЕОНИДОВ

«Первое мая» (цветной документальный фильм о первомайском празднике 1949 года в Москве). Режиссеры—И. Сеткина, Л. Степанова. Главный оператор—И. Беляков. Текст Е. Кригера, Ю. Каравкина; читает Л. Хмара. Производство Центральной студии документальных фильмов.

ПАМЯТНИК АЛИШЕРУ НАВОИ

Митинг трудящихся Ташкента при открытии памятника Алишеру Навои.

Узбекский народ свято чтит память своего гениального поэта Алишера Навои, 500-летие со дня рождения которого отмечала в прошлом году вся наша страна. Именем Навои названы в Узбекистане колхозы, высшие учебные заведения, улицы, театры, школы, библиотеки.

Недавно в центре Ташкента, в живописном сквере перед зданием областного Дома Советов, открыт памятник Алишеру Навои.

...Четырехметровая бронзовая статуя великого узбекского поэта установлена на восьмигранном гранитном пьедестале высотой в шесть метров. Пьедестал облицован мрамором. Поэт изображен в глубоком раздумье.

Памятник Навои, замечательное произведение искусства, сооружен по проекту ташкентского архитектора-художника В. М. Волчека. Статуя поэта, выполненная ленинградским скульптором Л. А. Дитрихом, отлита на Ленинградском заводе художественного литья.

При открытии памятника состоялся многотысячный митинг, на котором присутствовали руководители партии большевиков и правительства Узбекистана, писатели, работники искусства, стахановцы предприятий Ташкента.

Памятник Алишеру Навои в Ташкенте.

Фото В. Косовского и Б. Мазура

ВЕНГЕРСКИЕ АРТИСТЫ В МОСКВЕ

Недавно в Москве состоялись гастроли венгерских артистов, показавших исполнительское музыкальное искусство современной, демократической Венгрии: дирижера Ласло Шомоди, певцов Михая Секей, Юлии Ошват, скрипача Дьердь Гараи и пианистки Анни Фишер.

Эти венгерские исполнители весьма отличны друг от друга по своему творческому облику. Но каждый из них представляет яркую художественную индивидуальность, и у каждого чувствуется прекрасная школа, напоминающая о крепких, хороших музыкальных традициях, существующих в культуре венгерского народа.

Ласло Шомоди — носитель этих традиций своей родины. Репертуар дирижера включает произведения венгерского классика Франца Листа и современных венгерских композиторов. В Будапеште Шомоди исполняет произведения русских композиторов — Чайковского, Мусоргского, Бородина. Большое место в его программах занимает музыка Баха, Моцарта, Бетховена.

Ласло Шомоди — талантливый дирижер и музыкант. В этом можно было убедиться по первой же исполненной им вещи — бетховенской увертюре к «Эгмонту». Благородная сдержанность и вместе с тем глубокая драматичность чувствовались в исполнении. Еще более удачной была интерпретация чудеснейшего «Дивертисмента» Моцарта и «Токкаты» Баха. В «Токкате», переложенной для симфонического оркестра, Шомоди сумел добиться необычной монументальности звучания, напоминающего звучание большого органа. Наоборот, в «Дивертисменте» все было прозрачным, легким и изящным.

Ласло Шомоди проявил себя превосходным ансамблистом, аккомпанируя скрипичный концерт Бетховена. Дьердь Гараи играл этот концерт с проникновенным лиризмом. Теплотой, задушевностью была проникнута Пятая соната Бетховена для скрипки и рояля (так называемая «Весенняя»), сыгранная Гараи совместно с Анни Фишер.

Анни Фишер — чудесный поэт фортепиано. Она сыграла в концертах много произведений Шумана, Листа, Мендельсона, Генделя, сонаты Моцарта и Бетховена, венгерские танцы Кодаи, миниатюры Шопена. Мужественная темпераментность и тонкий вкус отличают игру блистательной пианистки.

Для своего первого выступления солистка Будапештского государственного оперного театра Юлия Ошват выбрала романсы Чайковского, Рахманинова и Листа, арию из моцартовского «Дон-Жуана» и этим завоевала симпатии москвичей.

С продуманным и серьезным репертуаром выступил также солист Будапештского оперного театра Михай Секей. Даже по одному лишь концертному исполнению арий из «Дон-Жуана» и «Волшебной флейты» можно безошибочно определить, что Секей — не только опытный и музыкальный певец, но и талантливый оперный актер.

Новая, демократическая Венгрия живет ныне в атмосфере огромного политического, экономического и культурного подъема. Пору подлинного расцвета переживает сейчас и венгерское искусство. Об этом говорят выступления талантливых венгерских артистов, оставивших глубокое и радостное впечатление у взыскательной советской аудитории.

М. ГРОМОВ

На заключительном концерте венгерских артистов в Большом зале Консерватории. Ласло Шомоди дирижирует оркестром.

Фото А. Батанова (ТАСС)

СТУДЕНТЫ СДАЮТ ЭКЗАМЕНЫ

В Московском ордена Ленина государственном университете имени М. В. Ломоносова, как и во всех высших учебных заведениях страны, идут экзамены. Девять тысяч студентов университета должны сдать переходные экзамены, а 1500— государственные. Профессора и преподаватели отмечают хорошую подготовку подавляющего большинства студентов. 80 процентов экзаменующихся получают отличные и хорошие оценки. Глубокие знания показывают выпускники.

1500 разных специалистов выпустит в нынешнем году Московский университет.

Заканчиваются экзамены, наступает пора производственной практики и отдыха. 1600 студентов университета проведут учебную практику в различных районах страны. Будущие ихтиологи уже выехали на Каспийское и Белое моря, студенты старших курсов биофака — на лесную трассу Сталинград — Камышин. Будущие географы в составе экспедиций выехали на Камчатку, в Приморье, на Урал. Здесь они соберут материалы для своих дипломных работ и, в частности, займутся изучением некоторых «белых пятен». Более 50 студентов старших курсов биологического факультета, специализирующихся по генетике, проходят практику в Горках-Ленинских, на экспериментальной базе Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина.

1 июля начинается летний отдых студентов младших курсов. Университет позаботился, чтобы его питомцы хорошо отдохнули, набрались новых сил для учебы. 500 студентов проведут отпуск в домах отдыха, 200 — в санаториях, более 1000 — в экскурсиях по Алтаю, Уралу, в восхождении на Эльбрус, в походах на байдарках по Московскому морю.

Новый перевод «Одиссеи»

Доцент кафедры классической филологии Свердловского государственного университета имени А. М. Горького П. А. Шуйский закончил многолетнюю работу по переводу на русский язык «Одиссеи» Гомера.

В ближайшие дни перевод выйдет в свет в издании Свердловского государственного университета.

СОВЕТСКИЕ ГОНОЧНЫЕ АВТОМОБИЛИ

С первого взгляда машина эта выглядит игрушечной. Вытянутая в форме сигары, она возвышается над землей не многим более, чем на полметра. Человеку среднего роста не стоит труда перешагнуть ее. Водитель размещается почти в горизонтальном положении.

...Вот стартер взмахивает флажком — и автомобиль устремляется вперед по ровному асфальту шоссе, точно выпущенная торпеда. Спортивные комиссары смотрят на хронометр. Стрелки отсчитывают секунды, десятые доли секунд. Пройдена километровая дистанция, и гонщика мастера спорта В. Н. Силантьева поздравляют с новым всесоюзным рекордом. На дистанции один километр при старте с места спортивно-гоночная машина «Салют-М» с рабочим объемом двигателя менее 350 кубических сантиметров показала скорость 95,617 километра в час. Предыдущий рекорд, установленный 11 лет назад, принадлежал спортивно-гоночной машине «ГАЗ-М1» с рабочим объемом двигателя, в десять раз бо́льшим.

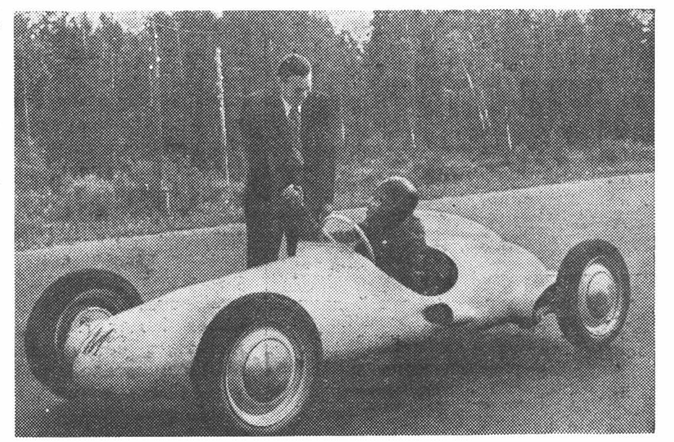
Высокая скорость гоночного малолитражного автомобиля «Салют-М» достигнута в результате кропотливого творческого труда небольшого дружного коллектива энтузиастов. Уже несколько лет при Главмотовелопроме Министерства автомобильной и тракторной промышленности работает конструкторское бюро гоночных автомобилей.

Две небольшие смежные комнаты в помещении бюро тесно заставлены кузовами, шасси, моторами, всевозможными деталями. На столах разложены чертежи. Руководитель бюро ведущий конструктор М. М. Дерковский, инженеры Г. А. Юрушкин, В. И. Чуйков, М. В. Кобринская, техник Т. В. Пахомова, механики В. А. Сахаров, Е. А. Израилев, А. М. Антонов, А. И. Азизов, Д. Д. Рыженков работают с увлечением. Ими создано уже несколько машин различных типов.

Машины—«Пионер», обтекаемая, сзади похожая на самолет, и «Салют», формой кузова напоминающая каплю,— еще в прошлом году демонстрировались москвичам. Новая машина, «Салют-М»,— первая продукция коллектива в 1949 году. Она обладает рядом оригинальных конструктивных особенностей. Двигатель расположен сзади сиденья водителя, что обеспечивает бо́льшую нагрузку на задние ведущие колеса. Бачок с горючим служит одновременно щитком для головы водителя. Впервые в практике автостроения применена так называемая независимая подвеска колес с использованием резины в качестве амортизатора. Это дает высокую устойчивость машины.

Сейчас коллектив бюро работает над созданием гоночного автомобиля «Пионер-М», который в дальнейшем должен послужить образцом для серийного производства малолитражных спортивных машин. Совместно с Комитетом физической культуры и спорта при Совете министров РСФСР бюро гоночных автомобилей намечает провести в конце спортивного сезона гонки малолитражных машин по замкнутому кольцу.

С. НИКИТИН

Деятели китайской культуры рассказывают...

Китайская делегация на Всемирном конгрессе сторонников мира во главе с профессором Го Мо-жо, возвращаясь из Праги на родину, останавливалась в Москве.

Корреспондент журнала «Огонек» беседовал с членами делегации: профессором Чжан Си-жо, писателем Эми Сяо, балериной Дай Ай-лань, президентом Академии художеств в Бэйпине Сю Бей-хун и писательницей Динь Линь.

Ниже приводится содержание этой беседы.

В тексте — репродукции с гравюр прогрессивных китайских художников Гу Юаня и Ли Хуа.

В старом Китае. Работа на помещика.

Профессор Чжан Си-жо начинает беседу с рассказа о том, как он и его коллеги встретили приход Народно-освободительной армии в Бэйпин:

— День, когда мы увидели в своем городе первых солдат Народно-освободительной армии, запомнится надолго. Мы жали им руки и обнимали их, как братьев. Они пели свои боевые солдатские

Профессор Чжан Си-жо.

песни, и слова этих песен звучали для каждого из нас, как музыка.

Не подумайте, что мы в первый раз услышали эти правдивые песни. Мы их знали и раньше, но не могли петь громко. А теперь Бэйпин вместе с солдатами пел их во весь голос, прославляя своих освободителей.

Мы беседовали с солдатами Народно-освободительной армии, разглядывали их винтовки, пушки, танки. И по тому, в каком образцовом порядке содержалось оружие, и еще по тому, что на нем была марка «Сделано в США», мы поняли, что имеем дело с хорошими солдатами и настоящими патриотами...

— Какие задачи стоят перед работниками просвещения Китая в связи с освобождением новых районов?

— Мы начали сейчас реформу всей учебной работы в школах, институтах и университетах, — говорит профессор Чжан Си-жо. — Долгие годы наши студенты воспитывались в отрыве от жизни, от тех задач, которые стояли перед народом. Реакционный идеализм господствовал во всех учебных программах, несмотря на то, что большинство студентов тянулось к научному, материалистическому мировоззрению, которое было под запретом. Политическим «идеалом» в институтах выставлялась англо-саксонская «демократия», хотя мы, работники просвещения, хорошо знаем, что подлинная демократия существует не в Англии или Америке, а в Советском Союзе и в странах народной демократии, твердо вступивших на путь строительства социализма.

Теперь мы понимаем, — продолжал профессор Чжан Си-жо, — что нам надо заново перестраивать всю систему образования, всю работу китайской школы. Дело это очень важное и вместе с тем трудное. У нас пока еще мало квалифицированных преподавателей, владеющих материалистической наукой. Перед нами стоит задача — широко организовать подготовку новых кадров, вести большую работу среди старых профессоров и преподавателей. Надо создать сотни новых школ, выпустить новые программы, учебники. Задача колоссальная. Никогда не было у нас такой нужды в новых книгах, программах, учебниках, как сейчас. Но никогда не было и таких благоприятных условий для выполнения этих задач, какие есть теперь...

Профессор Чжан Си-жо выразил уверенность, что в этой большой работе по воспитанию китайской молодежи в духе передовой науки и демократии деятельное участие примет и прогрессивная китайская литература. Работникам просвещения окажут серьезную помощь китайские писатели, творческая деятельность которых все теснее переплетается с задачами просвещения народных масс.

Крестьяне отбирают у помещика акты на владение землей.

Эту мысль развил писатель Эми Сяо. Он рассказал о новых, наиболее значительных произведениях прогрессивных китайских писателей.

— Передовые литераторы Китая не первый год активно участвуют в освободительной войне китайского народа, — сказал Эми Сяо. — Их силы и способности направлялись на то, чтобы помочь делу освобождения Китая. Сегодня перед нашими литераторами и работниками искусств стоит благородная и высокая цель — служить народу, служить верно и бескорыстно.

Присутствующая здесь писательница Динь Линь стала пламенным агитатором за новый, демократический Китай, — заметил Эми Сяо. — Ее книга «Солнце освещает реку Суань-Гань» правдиво и ярко рассказывает о судьбах китайского крестьянства, о его новых надеждах и радости освобождения.

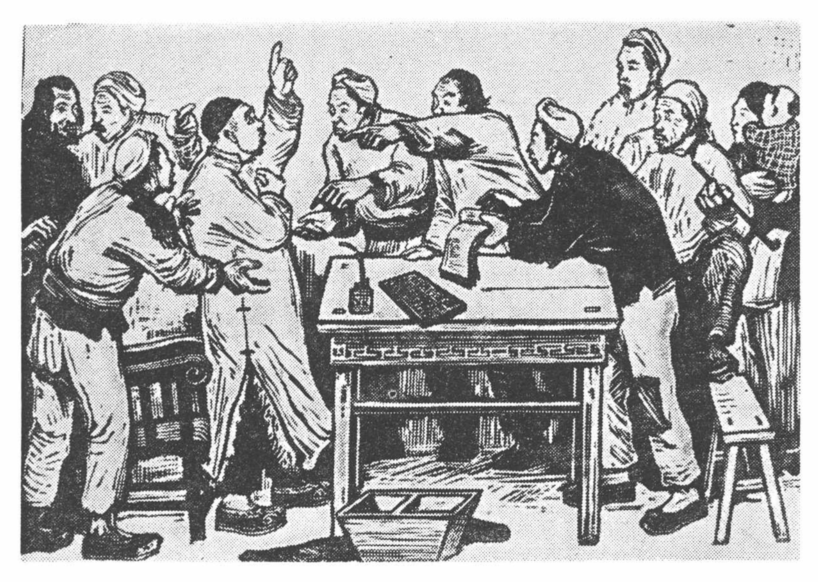
— Кто является сейчас героем новой китайской литературы?

— Героем ее стал солдат Народно-освободительной армии, крестьянин, рабочий. Писательница Цао Мин недавно написала роман «Энергия», посвященный возрождению китайской промышленности. В этой книге показано возникновение нового типа китайского рабочего, работающего не на

В бою солдаты Народно-освободительной армии подбивают гоминдановский танк.

эксплоататоров, а на себя, на свой народ. Заслуга Цао Мин в том, что она в своей книге раскрыла новое отношение освобожденного рабочего к труду.

В день прихода Народно-освободительной армии. Крестьяне явились к ростовщику.

Реакция бросила в тюрьмы лучших сынов Китая, но пришел час освобождения!..

Несколько слов мне хочется сказать еще об одном очень популярном сейчас в Китае писателе — Чжао Шу-ли, — продолжал Эми Сяо. — Он был деревенским учителем. Писать Чжао начал давно, но известным стал в последние годы, когда выпустил книги, посвященные жизни китайского крестьянства. Его книга «Женитьба маленького Черного» по духу близка народу. Ее отличают цельность формы, хороший народный язык.

Широко стали известны написанные Чжао «Сказания Ли-Ю-уай». Это песни бедного крестьянина, ставшего свободным. Они полны злой сатиры, когда в них говорится о помещике и его клике, и теплого сочувствия, когда рассказывают о рождении нового в укладе крестьянской жизни.

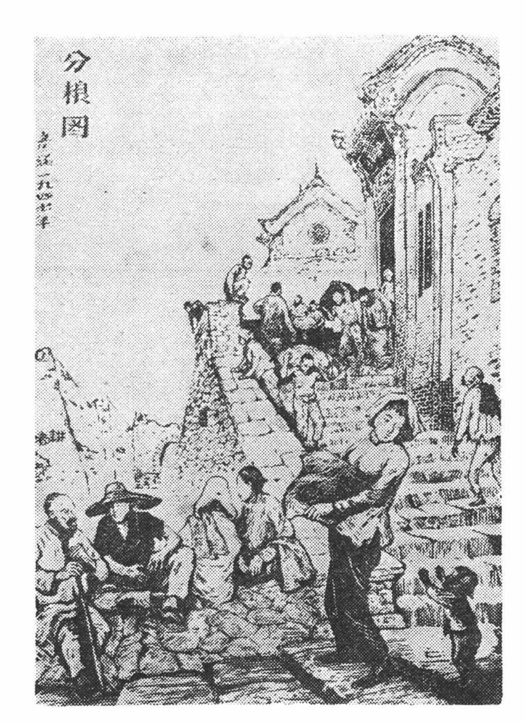
В ногу с прозаиками идут и поэты. Их песни — это песни солдат и офицеров Народно-освободительной армии. Поэта Ли Цзи мы недавно поздравляли с большим творческим успехом: он написал поэму «Ван Гуй и Ли Сян-си». Это поэма о юноше и девушке, об их светлой и чистой любви, об их горе, когда китайский помещик пытался помешать их счастью, об их новой, радостной жизни.

Из наиболее значительных событий в литературной жизни Китая надо еще отметить пьесу «Седая девушка», посвященную восстанию крестьян против помещика и встрече народа с его армией-освободительницей. Пьеса написана молодым китайским поэтом Хо Цзин-чжи в содружестве с коллективом Института литературы и искусств имени Лу Синя.

Мы с гордостью можем заявить, что сейчас в Китае нет писателя, который бы желал служить «искусству ради искусства»,— сказал Эми Сяо; он отметил, что писатели Китая много учились и учатся у советских писателей.

— Мне приятно сообщить читателям «Огонька», — сказал Эми Сяо, — что, несмотря на трудности военного времени, каждое новое выдающееся произведение советской литературы быстро переводится на китайский язык и издается. Многие советские пьесы идут в наших театрах. Большим успехом пользуется пьеса А. Корнейчука «Фронт», которую я перевел на китайский язык. В репертуаре театров Народно-освободительной армии и в городах, освобожденных ею, идут пьесы «Жди меня» и «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова.

Китайское искусство, так же как и китайская литература, долгие годы было оторвано от народа. Теперь оно служит ему,— закончил Эми Сяо.

Голодающие крестьяне делят хлеб из амбара помещика.

Стремление прогрессивной китайской интеллигенции отдать свое творчество народу ярко прозвучало в словах популярной в Китае балерины Дай Ай-лань.

— Я родилась на одном из островов Карибского моря, — так начала свой рассказ Дай Ай-лань. — Мне пришлось много скитаться по разным странам в поисках заработка, прежде чем я увидела землю моих предков — Китай.

В последние годы я преподавала в балетной школе в Бэйпине, а еще раньше — в Чунцине. Нам, работникам искусства, было очень трудно при старом режиме. Но вот в Бэйпин вошли передовые отряды Народно-освободительной армии. Тотчас же в городе стихийно возник митинг. Он был далеко от моего дома, но как только мы услышали о нем, я и моя подруга — музыкантша — вскочили на велосипеды и помчались к площади. Митинг уже заканчивался. Горожане узнали меня и закричали: «Дай Ай-лань! Дай Ай-лань!»

И я поняла, что они ждут моего выступления на митинге. Мне хотелось говорить. Но как? Что сказать? Какие слова я найду для того, чтобы поблагодарить этих запыленных в походе, уставших солдат? И я взобралась на помост, низко поклонилась всем собравшимся на площади и начала танцевать. Это был танец молодежи, боевой, задорный. Все, кто был на площади, начали подпевать мне и хлопать в ладоши. Мне подпевали и хлопали очень хорошо, в такт, и я танцовала! Я никогда так хорошо не танцовала, как в тот день.

Когда в Бэйпин вошли основные силы Народно-освободительной армии, снова в городе был многотысячный митинг, и я снова выступала.

Теперь у меня будет много счастливых концертов, потому что я живу в освобожденном Китае и мое искусство принадлежит народу!

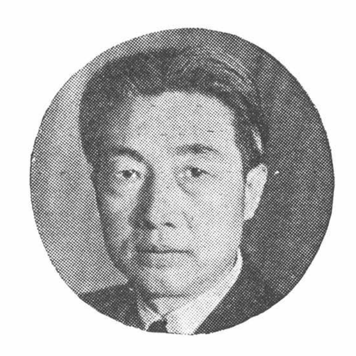

Балерина Дай Ай-лань.

О новых путях, открывшихся перед изобразительным искусством Китая, поведал один из старейших китайских художников, президент Академии художеств в Бэйпине Сю Бей-хун.

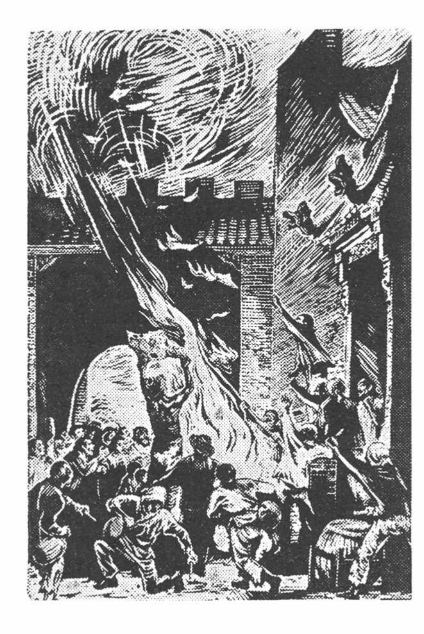

В старом Китае отец мог выдать дочь замуж, не спрашивая ее желания. На гравюре — представитель народной власти уговаривает крестьянина не выдавать дочь замуж без ее согласия.

Художник Сю Бей-хун.

— Сорок лет я тружусь в искусстве, — сказал художник. — До последнего времени мое творчество было посвящено в основном природе Китая — его прекрасным лесам и горам, его полям и озерам. Я люблю классическое китайское искусство. Я поставил перед собой задачу — возродить его традиции и создать произведения с новым, современным содержанием. Сейчас для этого в освобожденных районах условия особенно благоприятны. В старом Китае художникам, артистам и другим деятелям искусства было тяжело. «Вы должны рисовать для богатых, — говорили нам, — вы должны рисовать так, чтобы это нравилось богатым».

В этом доме хранились акты помещика на владение землей. Крестьяне жгут документы.

В старом Китае никого не удивляло, если талантливый художник погибал от нищеты, если у него не было денег, чтобы купить краски, кисти или карандаши.

С приходом Народно-освободительной армии в Бэйпин многое в нашей жизни стало иным. Я с уверенностью могу сказать, что все художники охвачены небывалым воодушевлением. Когда первые отряды Народно-освободительной армии вступили в Бэйпин, художники вышли на улицы и начали рисовать на стенах домов и оградах плакаты, лозунги, агитационные картины, прославляющие нашу армию-освободительницу. В те дни по всему Бэйпину были расклеены или нарисованы лозунги, призывающие к укреплению дружбы народов СССР и Китая.

Наши новые, выдвинутые народом руководители, — продолжал Сю Бей-хун, — окружили работников искусств вниманием и заботой, и мы поняли: наше искусство нужно народу. И мне, старому китайскому художнику, всю жизнь рисовавшему пейзажи, стало ясно: народ ждет картин, которые помогли бы ему сегодня строить новую жизнь.

Сейчас я работаю над новыми произведениями, которые вдохновили бы наших славных воинов, принесли бы большую пользу родной стране. Я приложу все силы к тому, чтобы новое содержание в этих картинах сочеталось с высокой техникой, достойной славных традиций китайского классического искусства.

О великих преобразованиях, совершающихся сейчас в китайской деревне, рассказала писательница Динь Линь.

— На наших глазах, — говорит Динь Линь,— происходят великие перемены в сознании китайского крестьяника. Из забитого, вечно нуждающегося, голодного раба он стал свободным, жизнедеятельным, изобретательным человеком. В нем проснулась великая энергия!

Мне навсегда запомнился один из митингов в китайской деревне после раздела помещичьей земли между крестьянами. Выступала старая темная женщина. У нее был единственный сын, которого она никуда от себя не отпускала. И вот она сказала на этом митинге: «Я получила землю, о которой мечтали моя мать, отец и их родители. Я теперь свободна и могу говорить перед вами. Но многие еще находятся в неволе. Я благословляю своего сына: пусть он идет в Народную армию и пусть хорошо воюет!..»

В деревне Сун Цун я познакомилась с Чен Ман. Это тоже была старая женщина. Всю жизнь она работала на помещика. Своим хозяевам она всегда говорила: «Да, хорошо, господин, слушаюсь». Она никогда никому ни в чем не возражала, она никогда не говорила громко: она была рабыней. И она знала только одно: ей надо работать на своего помещика.

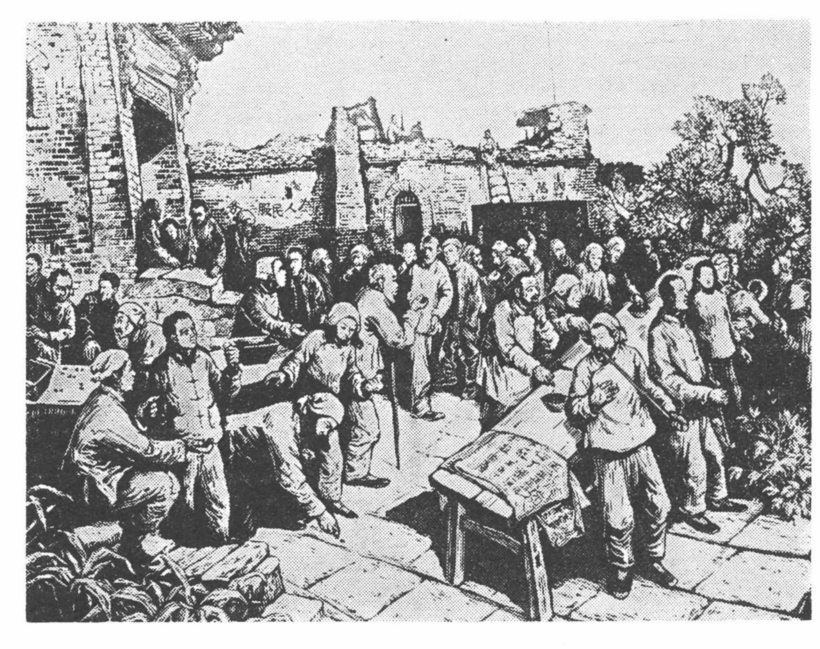
Но вот в Сун Цун прибыл отряд Народно-освободительной армии. И Чен Ман избрали старостой.

Через два дня она пришла ко мне. «Я не могу есть, не могу спать, — сказала она, — я все думаю об одном». «О чем же?» — спросила я. «Я думаю: все, что люди считали правильным, теперь неправильно. Теперь все наоборот. Была земля у помещика, и мы думали: «Это правильно». А теперь мы говорим: «Неправильно: это земля наша». И вот я думаю, что я, старая Чен Ман, должна смотреть на жизнь, как вы. Так ответь же мне, Динь Линь: где мне учиться?..»

Я рассказала это для того, чтобы вы поняли, какие великие перемены происходят в сознании простой китайской крестьянской женщины. Наш народ проснулся от ужасного сна. Да, мы раньше словно спали и только теперь начали жить.

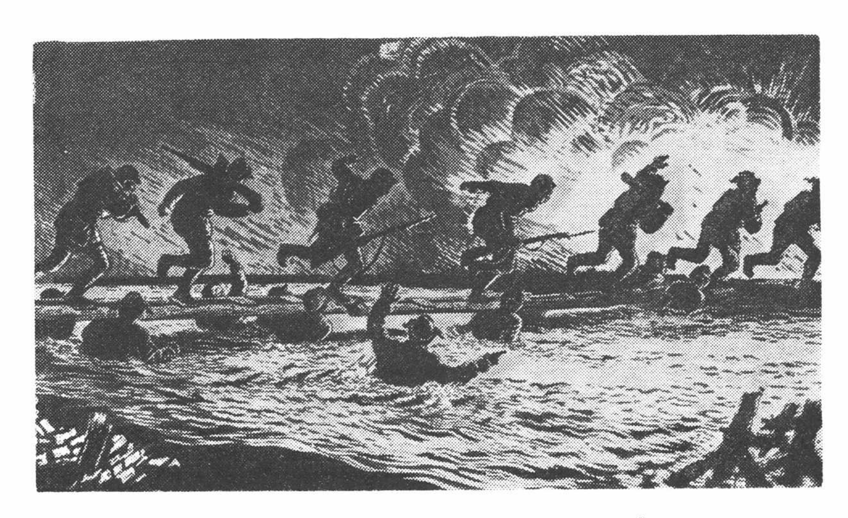
Мобилизация крестьян в армию Гоминдана.

В китайской деревне, после ее освобождения Народно-освободительной армией, крестьяне выбирают старосту. Кандидаты стоят спиной к столу. За каждым из них чашка. Голосующий за того или иного кандидата в старосты опускает в его чашку зерно.

Писательница Динь Линь.

Солдаты Народно-освободительной армии идут в атаку, форсируя водную преграду.

Колыбель степного лесоводства

И. АЛЕКСЕЕВ

Лишь весною, на непродолжительное время, донецкая степь покрывается зеленым с пестрыми крапинками цветов ковром. А летом над нею пролетают губительные суховеи, нещадно жжет солнце, травы и цветы никнут и лишь покорно склоняется под ветром сухой атласный ковыль.

Часами едешь с севера на юг Донбасса и все видишь однообразную, кое-где изрезанную неглубокими балочками степь, исполинские папахи шахтных терриконов, металлическое кружево копров, дымные заводские поселки... И вдруг в полутора часах езды от города Сталино, в районе станции Велико-Анадоль, перед путником возникает зеленая стена леса.

Там веет грибной сыростью, едва уловимыми запахами прелой листвы. Щебечут невидимые в лесной чащобе птицы, над гладью пруда сизым пологом подымается туман. Чудом кажутся в знойную пору прохлада и полумрак под деревьями и весь этот, словно вставший со страниц тургеневского романа восхитительный пейзаж.

Лес растет здесь вопреки капризам природы: он создан трудами и знаниями человека.

В 1843 году молодой поручик корпуса лесничих Виктор Егорович Графф начал в засушливой Велико-Анадольской степи посадки искусственного леса и тем самым положил начало отечественному степному лесоразведению. Три года спустя возникло второе на юге лесничество — в районе Бердянска (ныне город Осипенко), начались посадки на Ергенях, в Астраханской губернии.

За 23 года В. Е. Графф посадил в Велико-Анадоле 150 гектаров леса, но вскоре большинство посадок погибло. Дело пионера степного лесоразведения продолжали другие. Они искали наиболее приживающиеся породы деревьев и, чередуя то ясень обыкновенный с белой акацией и берестом, то клен с берестом, применяли такие типы посадок, которые способствовали бы долговечности леса. Но проходили одно—два десятилетия, и лесничие с тревогой замечали, что деревья засыхают и гибнут, образуя целые лесные кладбища. Лесникам казалось, что дело их безнадежно, что у степных лесов существует, вероятно, критический возраст, преодолеть который невозможно. Лесники не знали, что в степи под Таганрогом, в урочище «Большая черепаха», уже в то время красовались могучие дубы, выросшие из желудей, брошенных в землю рукою самого Петра I во время одного из азовских походов.

Лишь Николаю Яковлевичу Дахнову, обобщившему опыт и неудачи своих предшественников, удалось найти такой тип насаждений, при котором деревья в сухой, открытой степи при континентальном климате оказываются не менее долговечными, чем в местах своего естественного распространения. В основу всего дела были поставлены две породы — «царь лесов» дуб и остролистный клен.

Русские ученые не забыли благородного подвига лесничего Граффа, дерзнувшего начать переделку природы южнорусских степей, и в 1910 году посреди Велико-Анадольского лесничества ему был воздвигнут памятник. На открытии памятника председатель Петербургского лесного общества не без гордости говорил:

— В то время как авторитеты Запада—Мурчисон, Нордман, Пешель и другие — отрицают возможность разведения лесов в открытой высокой степи, русский лесничий доказал, что можно развести лес там, где его нет и, быть может, никогда не было. С его легкой руки степное лесоразведение сделалось работой русских лесничих, нашей национальной работой, а не заимствованной с Запада.

Ныне велико-анадольский лесной массив занимает площадь, превышающую 2700 гектаров, причем тут можно видеть деревья самых разнообразных пород: столетние мачтовой стройности дубы, густолиственные липы, ясень, клен, вяз, лиственницу, сосну — всего 190 древесных и кустарниковых пород. Уже десятилетиями существуют превосходный Горный лес, раскинувшийся на холмистой местности между городами Шахты и Красный Сулин, Азовское лесничество в Володарском и Тимирязевском в Чистяковском районах, Сталинской области. Теория о «критическом возрасте» степных лесов оказалась похороненной. Более того: практики лесоводства накопили немало фактов благотворного влияния леса на климат и водный режим степей, а в связи с этим — и на урожайность прилегающих к лесам колхозных полей.

В небольшом поселке, расположенном среди лесов Велико-Анадоля, более столетия существует лесная школа, из стен которой ежегодно выходят специалисты лесоводства. Они едут отсюда в засушливые районы Поволжья, на Алтай, в Казахстан, в Ставрополье, в западные области Украины руководить преобразованием родной земли. Они с любовью и благодарностью вспоминают своего учителя, замечательного человека Дмитрия Карповича Крайнева, который за 38 лет жизни в Велико-Анадоле воспитал сотни лесоводов, научил их понимать и ценить поэзию леса.

В другом лесном поселке, где великий русский почвовед Василий Васильевич Докучаев основал лесомелиоративную станцию, живет и ведет научную работу скромный ученый, автор нескольких ценных книг по лесоразведению, кандидат сельскохозяйственных наук Иван Митрофанович Лабунский. Руководя целым хозяйством и получая на полях, обрамленных лесными полосами, рекордные урожаи пшеницы и других сельскохозяйственных культур, он не перестает вести непрерывные наблюдения за лесом. Эти наблюдения позволяют И. М. Лабунскому давать достойную отповедь некоторым благоденствующим и по сию пору сторонникам ошибочного утверждения, что якобы лес иссушает степь и увлажняет горы.

— Нет,— говорит Лабунский, — лес увлажняет также и степь.

К этому выводу он пришел не в кабинете, а в самом лесу. Он отыскал в различных местах Велико-Анадоля оставленные в конце прошлого века профессором П. Земятченским буровые скважины и проверил по ним глубину залегания грунтовых вод. Он увидел, что их уровень во всех скважинах поднялся. В буровой скважине на середине лесного питомника П. Земятченский в 1893 году не обнаружил воды на глубине 11,9 метра, а спустя 54 года вода здесь появилась на глубине 9,7 метра. В другой скважине, пробуренной на «Новом питомнике», уровень воды к 1947 году поднялся на 3,3 метра, в нескольких других скважинах — на 5 и более метров.

В селе Благовещенке вода появилась в погребах. Там, где лежала безводная ковыльная степь, стали появляться болотные травы и болотная дичь.

Подъем грунтовых вод и обводнение земель, прилегающих к лесному массиву или защищенных лесными полосами, не замедлили сказаться на урожайности. В 1946 засушливом году колхозы «Большевик» и «Красное село», Ольгинского района, на землях в открытой степи получили по 5—7 центнеров озимой пшеницы с гектара, на облесенных же полях каждый гектар той же культуры дал по 20—22 центнера.

Еще более обильный урожай на прилегающих к лесу землях получен в 1948 году, хотя и этот год в климатическом отношении был для земледелия также неблагоприятным. Колхоз «12 лет Октября» собрал на большой площади по 39,4 центнера озимой пшеницы с гектара. Опытная станция, поля которой защищены лесными полосами, заложенными экспедицией В. В. Докучаева, собрала на одном из участков по 40 центнеров озимой пшеницы, а колхоз имени Сталина, в селе Валериановке, получил и того больше — по 45 центнеров с гектара. Заведующий хатой-лабораторией села Валериановки проследил даже за тем, насколько уменьшается урожайность по мере удаления полей от защитных лесных полос.

И. М. Лабунский собрал обширный научный материал и обобщил его в монографии «Лесоразведение в Донбассе».

Ознакомившись с этой работой, директор Института леса Академии наук СССР академик В. Н. Сукачев сказал: «Она крайне интересна и очень полезна для практики лесонасаждения в степи». Она интересна тем, что автор ее на обширном исследовательском материале исчерпывающе подтверждает правильность теории Докучаева — Вильямса и делает переворот в лесной гидрологии. Он убедительно опровергает возникшее здесь же, в Велико-Анадоле, учение о «мертвом» (импермацидном) горизонте, то есть о таком слое грунта, который из-за недостатка влаги вечно остается сухим, что якобы служит причиной гибели деревьев, когда корни их достигают этого слоя. И. М. Лабунский показывает, что «критического» возраста степных лесов не существует, что гибель их — результат ошибок лесоводов, не умевших правильно подбирать породный состав лесонасаждений.

Великий план насаждения лесов и повышения культуры земледелия пробудил в хлеборобах Донбасса горячую страсть к преображению степей. Работники Велико-Анадоля стали первыми советчиками и помощниками окрестных колхозников. Они учат агрономов, бригадиров и лесоводческие звенья правильной закладке лесных полос, рекомендуют гнездовой способ посева леса и объясняют существо этого способа.

Пройдет десять—пятнадцать лет, и степь донецкая оденется в леса, станет краем изобильных устойчивых урожаев.

г. Сталино.

Директор опытной агролесомелиоративной станции кандидат сельскохозяйственных наук И. М. Лабунский (слева) и старший научный сотрудник И. Д. Шевченко рассматривают сеянец восьмилетнего дуба, выращенного по гнездовому способу академика Т. Д. Лысенко.

Фото С. Гендельмана

А. Е. Архипов.

ЛЕД ПРОШЕЛ.
Рязанский художественный музей.

«Лед прошел» — картина народного художника РСФСР А. Е. Архипова — находится в постоянной экспозиции Рязанского областного художественного музея. Написанная в 1895 году, она относится к тому периоду творчества художника, когда его талант начал проявляться в полную силу и когда были созданы лучшие его произведения — «По реке Оке», «Обратный», «Прачки»,— принесшие художнику известность.

Небольшое по размеру полотно полно света, воздуха, живого ощущения родной природы и любви к крестьянской бедноте. Художник-реалист Архипов говорил: «Я только тогда искренен и уверен в том, что́ делаю, когда делаю с натуры».

Письмо

Из цикла «Киевские рассказы»

Юрий ЯНОВСКИЙ

Рисунки О. Верейского

Два случая совпали в весенний день: бригадир тракторной бригады получил неожиданно письмо, содержанием которого не поделился ни с кем — ни с товарищами, ни с женой-трактористкой — первый случай; из района, прямо на полевой стан бригады, прибыла секретарь райкома комсомола — случай второй. Между письмом и девушкой-секретарем не было никакой внешней связи, но для Мишуни Бойченко — правой руки бригадира — оба факта крепко переплелись, повлияли на его дальнейшую судьбу, изменив направление всей его жизни.

Тракторная бригада Н-ской МТС работала в колхозе на севе яровых. Неутомимые тракторы сновали вдоль и поперек черного поля, как челноки на ткацком станке. Тяжелые дисковые сеялки плыли развернутым строем за каждым трактором, на досках позади сеялок стояли члены полевых звеньев, за которыми были закреплены соответствующие участки земли. Поле было бескрайнее, и делилось оно «от балки до грейдера», «от лесополосы до реки». Было где развернуться тракторам. Сколько мелкособственнических меж погребено навеки под этим мощным массивом земли! Звеньевые с осени подготовили участки, затем вывезли удобрения, унавозили, провели снегозадержание, подготовили зерно. Теперь контроль и еще раз контроль. Как бы ни была хороша тракторная бригада (а об этой бригаде шла неплохая слава), звеньевые имели основания для недовольства: то сеялка отрегулирована не так, как хотелось бы звеньевой, то трактор идет не по шнуру — не так ложится зерно. Как ни звенит над головою жаворонок, воспевая весенний день, нет времени поднять на него глаза. Вот соседнее звено возьмет и перекроет показатели, тогда хоть и на люди не показывайся. А как тогда быть с заветной мечтой звеньевой — получить Золотую Звезду? Нечего тогда и думать: беги от людей без оглядки...

Мишуня Бойченко видел, как всполошился бригадир, прочтя полученное письмо. Но будучи чутким и деликатным парнем, не задал ни одного вопроса, не проявил любопытства, понимая, что это его совершенно не касается и что ежели будет надобность, Семен Ларионович сам скажет... Бригадир, впрочем, заметил нежелание Мишуни задавать вопросы и, спрятав письмо, начал вдруг жаловаться на ветер, будто бы засоривший ему глаза пылью так, что выступили слезы. Семен Ларионович — участник Отечественной войны, признанный герой и человек-кремень, глаза у него не были на мокром месте. И если его довели до слез,— значит, что-то очень серьезное обрушилось на него. Мишуня стоял, задумавшись над этой неприятностью. Когда тракторы удалялись на другой край поля, голос жаворонка прозрачно звенел над головою; когда же тракторы приближались, щебетание жаворонка таяло в громком говоре машин. Одинаково милы для Мишуни обе песни. И жаворонок не смолкал ни на одно мгновенье, наблюдая сверху безостановочное движение сеялок.

Лицо у Мишуни было круглое, как у младенца, кудри русые и непокорные, глаза серые с длинными ресницами, густые брови, губы пухлые — они-то и вызывали постоянные насмешки девчат. В бригаде Мишуня был первый год и считал в связи с этим, что все семнадцать лет его предыдущей жизни ничего не стоят. Он работал напарником у самого бригадира,— видано ли что-либо подобное?! Если бы только не ежедневные приставания девчат, которые непременно старались дернуть его за чуб, шлепнуть по губам и обязательно спрятать за обедом мишунину ложку!

Почему его называли Мишуней? Да потому, что никакое другое имя к нему не шло: ни Михайло, ни Мишко, ни Михась. Только Мишуня. Ну и ладно, пусть зовут, как хотят, его от этого не убудет! Трактор его передовой в бригаде, и посмотрим, что еще осень скажет. На чью машину придется больше гектаров условной пахоты. Герой Социалистического Труда Гиталов тоже начинал с малого, а нынче догони его попробуй. Бригадир украдкой вырезал из газеты показатели Гиталова, надеясь их перекрыть, но об этом не говорит никому ни слова. Хочет взвесить свои возможности, чтобы потом не хлопать глазами. И надо отдать Мишуне должное: он понимал Семена Ларионовича и был с ним одного мнения.

Бригадир называет его «сынком», и до сердца Мишуни доходит это слово. Он сирота. Отец погиб на фронте, мать умерла на немецкой каторге. Бригадир был бездетным, жена Параска Тихоновна работала с ним же в бригаде. Вот почему так хорошо Мишуне: сорочка его всегда в порядке, а Семен Ларионович подчас смотрит на него такими глазами, что Мишуня вспоминает своего покойного отца. Ну, а что касается трактора, то Мишуне не приходится расспрашивать: бригадир чуть ли не разжует ему все.

А сам какой дотошный! Разве не благодаря энергии и напористости Семена Ларионовича их МТС уже имеет двустороннюю радиосвязь с бригадирами? Можно было и подождать, но бригадир поднял на это дело партийную организацию, молодежь, женщин, сам ездил в район и даже в Киев и в конце концов добился своего: получил станцию «Урожай». Теперь уже и не представляешь себе, как можно работать оперативно, не имея радиосвязи с диспетчером МТС. И вообще Семен Ларионович — энтузиаст механизации, а Мишуня считался его способным и старательным учеником. Вот только бы девчат приструнить, просто жизни нет из-за их шуток. И как они все узнают в первую же минуту? В каждом новом колхозе, куда переезжает их тракторная бригада, девушки уже точно осведомлены о юном, застенчивом трактористе, над которым можно во-всю потешаться.

Вот и вчера — просто конфуз, и только! Сеял Мишуня далеко от поселка, на крайнем участке колхозного массива. Трактор вел быстро, на той максимальной скорости, которую допускала агротехника: каждое зернышко должно лечь в почву солидно, прикрыться как следует землей, чувствовать себя удобно. Сеятели — двое девчат и дед — стояли позади сеялок, следя за ходом работ, за зерном, за дисками, за боронками. Как вдруг впереди и вправо от трактора, по пути последней сеялки, Мишуня заметил что-то круглое, похожее на камень. Пришлось остановить трактор, чтоб камень не попал под диски. Девчата подбежали первые и сразу же громко захохотали, подошел и юный тракторист. Закопанный до половины в мягкую землю, там стоял черный глечик[1] с густым ароматным

Рассказ печатается с сокращениями.

[1] Глечик — глиняный кувшин, крынка.

молоком; глечик был заткнут широченной коркой хлеба. На корке было выведено мелом: «Пей, Мишуня».

Разговоров было немало, хотя молоко из глечика поспешили выпить сами девчата, оставив на долю хлопца вымоченную в молоке корку. А вечером уже кто-то пел и частушки о том, что «наш Мишуня — прудивус[1], в нього виріс білий вус, з молока чи од сметани в нього й борода повстане». Сегодня эти частушки имели еще больший успех, но тут бригадир Семен Ларионович получил злополучное это письмо, а несколько позднее прибыл мотоцикл секретаря райкома комсомола.

Ее звали Светлана Остаповна, и она была хорошо известна на территории всего района. Уроженка Донбасса, Светлана все еще тосковала по родной стороне и часто, остановив мотоцикл среди степи, тщетно всматривалась в далекий горизонт: не замаячит ли где-нибудь родной силуэт террикона? Мотоцикл ей подарили, когда по комсомольской мобилизации послали в этот совершенно не промышленный район. «Катай, Светланка,— сказали ей друзья,— будем богаче, мы тебе и автомобиль в райцентр притащим. Знай донбассовцев!»

Светлана Остаповна все время вспоминала родную шахту, друзей и соседей, незабываемые вечера в шахтном доме культуры, маму, строгого отца, меньших брата и сестру, но это не мешало ей во-время бывать всюду в районе: в селах и полевых станах, на колхозных собраниях и совещаниях комсомольских звеньев, в мастерских, фермах и хатах колхозников — всюду, где только звучали молодые голоса. С одними споет и спляшет донбасскую польку-голубку, с другими обсудит план воспитательной работы и привезет им книг, а третьим поможет составить живую газету и подскажет тему для карикатуры. Незаметно для всех и для самой себя Светлана Остаповна объединила районную молодежь так, что любо посмотреть. Она не возносилась, впрочем, высоко и считала, что все дело в том, что сама любила коллектив, деятельность, движение.

В тракторную бригаду Семена Ларионовича ее привело несчастье с мотоциклом. Она объезжала район и развозила специальный номер газеты, в которой помещено было письмо от шахтеров родного ей края с призывом к молодежи ехать в Донбасс. Проводила пятиминутные собрания комсомольцев, разговаривала со многими из них, записывала и расспрашивала, чтобы, вернувшись в районный центр, обдумать и доложить райкому партии, кого именно она может рекомендовать на работу туда, куда сама полетела бы как на крыльях, немедля, в ту же минуту!

---

[1] Усач.

На грейдере Светлана остановила мотоцикл, вдохнула полной грудью воздух и оглянулась вокруг. Какая красота! Да ведь это настоящий Донбасс! Вот за тем холмом в долине непременно должна быть шахта, а вон то облачко над самой землей точь-в-точь напоминает дым содового завода. Даже жаворонок поет совсем по-нашему, по-донбасски,— так сладко замирает сердце! Светлана еще раз глубоко вздохнула. Далеко, далеко, насколько хватал глаз, движутся тракторы. Над степью плывет ритмичный говор их моторов, отзывается эхом в весеннем небе. А давно ли тут пахали на одних коровах? «Здорово выручают нас тракторы! — подумала девушка-секретарь.— Это уже вам не воловьи хвосты!» Она попробовала завести своего «коня», но он не заводился: бачок был пустой. Пришлось вести чортопхая за рога да самого вагончика тракторной бригады Семена Ларионовича. Долго всматривались сеятели и гадали, что за парнишка шлепает к ним от грейдера, пока с радостью не распознали загорелое личико и энергичные бровки Светланы Остаповны.

— Помогите, товарищи, бедному человеку,— сказала девушка-секретарь,— пусть лучше я на нем буду ездить, чем он на мне... Здравствуйте!.. Столько еще у меня дел, так некогда!..

Но Светлана Остаповна была не таким человеком, с которым хотелось бы скоро расстаться. Заправили мотоцикл горючим. Угостили ее вкусным наваристым кулешом, зная, как мало она озабочена тем, чтобы во-время поесть. Показали ей бригадную полевую газету и выслушали замечания. Бригадир расспросил, как подвигается в районе дело с механизацией: ведь в этом ось всего! Светлана подарила бригаде экземпляр газеты и обязала комсомолку Веру прочитать вслух призыв шахтеров. А потом Светлана Остаповна сама увлеклась донбасской темой и битый час рассыпала похвалы родному краю. Подошел Мишуня. Он впервые с интересом стал смотреть на девушку, маленькую и ловкую, с горячими глазами и убедительной речью. И она вовсе не собиралась насмехаться над его пухлыми губами.

— А как в Донбассе механизация? — отважился он спросить.

Светлана Остаповна тряхнула косой, которую выкладывала на голове веночком, весело и заговорщицки подморгнула остальным слушателям, которым уже успела рассказать, сколько получили и получают шахты прекрасных механизмов: угольных стругов, горных комбайнов, врубовок и всего прочего. В глазах ее прыгали такие чортики, что Мишуня невольно хотел отвести взгляд. Но чем больше он этого хотел, тем труднее ему это было сделать.

А Светлана между тем самым серьезным тоном рассказывала, что шахтеры живут в «казармах» и «каютах», селения называются «шанхаями» и «собачевками», на работу ходят с обушками, в шахту спускаются в «бадье» или по лесенкам. Откатные штреки низенькие, и коногон сгибается в три погибели, посвистывая на лошаденку, которая тянет вагонетку. А саночники! Те ползают на четвереньках, вывозя из забоя уголь...

— Какая там механизация! — закончила Светлана.— Придется вам, товарищ тракторист, поскорее ехать исправлять положение!

Слушатели захохотали, и Мишуня никак не мог найти слов для ответа. Ведь не это его интересовало. Он знал о Донбассе значительно больше, чем думала Светлана. К чему она вспомнила о старых временах, когда действительно так было? Теперь в Донбассе разве только в музее увидишь «санки»! Он ведь читает газеты и знает про механизмы, добывающие уголь. И лучше бы эта маленькая девушка потянула его за чуб, чем так вот подымать на смех... Жаворонок вдруг так задористо защебетал над головой, как будто и он насмехался над юным Мишуней-трактористом.

— По машинам! — сказал бригадир. — Механизмы простаивают.

Девушка-секретарь ловко завела мотоцикл и направилась к грейдеру. Она мысленно уже отметила Бойченко как подходящего кандидата в Донбасс. «Хороший парень,— подумала Светлана Остаповна, невольно повторяя общее мнение девчат. — Будет из него шахтер. Как хочется самой увидеть родимую сторонку!»

Мишуня не без удовольствия ощутил пожатие маленькой руки и теперь поглядывал на мотоцикл, пока он не скрылся за облачком пыли на грейдере. «Нет,— разрешил себе сознаться тракторист,— на этот раз он не имел бы ничего против того, чтоб ее рука даже шлепнула его по губам...»

Под вечер полетел подшипник на третьем тракторе, обнаружились и другие дефекты. За машину отвечали дед Петро, прозванный так за бороду, и бывший танкист Гаврилов. Что ж, значит, плохо смазывали или смазка вытекла? Подшипник не расплавится божьим духом. Но все знали, что этот трактор — не машина, а одно несчастье. Это «несчастье» не слышало доброго слова о своем тракторном поведении, а все больше — ругань. Это был старый заграничный трактор, от которого требовали невозможного и который мстил только тем, что подводил бригаду в самые ответственные моменты. Если бы этот иноземец работал с помощью пара, он давно взорвался бы, а теперь он лишь фырчал, когда надо было заводиться, бессовестно жрал горючее, стонал, когда плуг, например, ставили на более глубокую вспашку. Заграничная, одним словом, была машина. В бригаде его называли «Торох-горох».

Взять для сравнения второй трактор. Да перед ним шапку надо снять! Старой отечественной марки, колесный, неуклюжий, на сегодняшний глаз, и мало поворотливый. Но обработал он земли значительно больше, чем третий. На нем нет живого места: эта вот деталь сварена электричеством, та другой марки, та снята с танка, эту дотачали, у той сварены выщербленные зубцы. Трактор своим ходом прошел путь отступления за Волгу, когда было не до того, чтобы следить за профилактикой и режимом работы. Проработав всю войну на полях Казахстана, воротился на старые места. И все-таки он двигался безотказно, слегка покряхтывая, потому что и у него подчас ныли косточки от старости.

— Хорош старик! — говорили о нем трактористы.— Мы тебя еще в музей сдадим, под стекло,— и у него было имя — «Катря» (на нем

училась некогда знаменитая героиня Катерина Шевченко, юная Катря).

Чтоб покончить с тракторами бригады Семена Ларионовича, надо еще назвать первую машину, любовно прозванную в МТС «Громобоем». Это был гусеничный, родной марки трактор, сильный, ловкий, солидный, безотказный, и характер у него покладистый. Приятно было сидеть на нем, теплом и полном жизни, пахать или сеять, тянуть комбайн или вереницу бестарок, наполненных отборным золотистым зерном. Мишуня был влюблен в «Громобоя», это была, так сказать, его первая, юношеская любовь.

Бригадир вызвал к радиотелефону диспетчера МТС и назвал детали, которые нужно немедленно прислать для ремонта «Горохгороха», но вместо привычной воркотни диспетчера, у которого этот «Горох» сидел в печенках, Семен Ларионович услышал какую-то новую ноту.

— Новость еще к вам не докатилась? — таинственно спросил диспетчер, и до бригадира долетел его смешок. — Скоро докатится, ожидайте...

На этом разговор прекратился. Какая новость? Зачем ей докатываться? Но диспетчер был человек деловой, до сих пор он ничего не напутал, и Семен Ларионович на этом успокоился, переключив свои мысли на то, как компенсировать простой третьего трактора. В таких случаях бригада сразу мобилизовывала внутренние ресурсы, чаще сменяла уставших трактористов, повышала темпы, зерно засыпала в сеялки, не останавливая агрегатов. Перегруппировав бригаду и посадив на трактор вместо себя Гаврилова, бригадир позвал Мишуню к полевому вагончику, называемому в степях «палубом».

Мишуня подумал, что Семен Ларионович посоветуется с ним о технических усовершенствованиях, касающихся прицепки сеялок и плугов, или покажет чертеж ветряного двигателя, над которым бригадир бился целую зиму. Мишуня Бойченко был уже солидным юношей, с ним можно было советоваться. Со стороны, правда, казалось, что он чересчур вял и спокоен, чересчур медленно запускает трактор, не спеша усаживается. Но машина шла у него так энергично и стремительно, что, казалось, вот-вот пустится рысью, если бы не уверенная мишунина рука. Чистота на тракторе была образцовая: сколько раз ни проходил Мишуня мимо машины, он никогда не упускал случая провести по ней чистой тряпкой.

В мастерской МТС, где трактористы с механиками производили зимой капитальный ремонт, у Мишуни была отдельная полочка с инструментом, над ней висела засохшая веточка калины. Он добровольно наблюдал за мастерской, выметал сор, прибирал и чистил инструмент, приносил уголь для горна, наливал в рукомойник воду, клал сверху свой кусок мыла. Мастера на первых порах смеялись над хлопцем, думая, что он подлизывается к ним, но потом и они убедились, что характер у Мишуни формируется настоящий, никогда он подлизой не был и не будет. А что касается работы, то здесь нельзя было зевать: этот паренек не шутя наступал на пятки...

Не один раз вот так приглашал для разговора Семен Ларионович своего названного сынка. Так бывало зимой, так случалось каждую свободную минуту. Бригадир, как мы уже знаем, был энтузиаст механизации. Он вдохновенно рассказывал слушателям о машинах, облегчающих труд, электромоторах, около которых водитель ходит в белых перчатках, электрических сапках, во время работы которых девчата, жены, матери и бабушки читают в холодочке агрономические книги. Он мечтал приобрести самолет, который бы производил поливку и уничтожал вредителей, опылял, сбрасывал бы термосы с обедом, куда надо. И каждый, слушая бригадира, зажигался. Да и, правда, разве нельзя работать на земле без пота? И до каких пор будут женщины гнуть спины с этими анафемскими сапками? Разве наши люди не заслужили счастья работать на таких машинах? На машинах к коммунизму едем, дорогие друзья, ведь какое гордое в советском мире слово — человек!!

Мишуня приготовился слушать рассуждения о механизации, он любил эти разговоры, но бригадир молчал и вытирал вспотевший лоб. Он словно и не собирался начинать никакого разговора. Несколько раз сердито кашлянул, поглаживая рукою стол, и смотрел мимо Мишуни в оконце. Глаза его были грустные. Мишуня любил Семена Ларионовича, и ему больно было видеть эту печаль. Наконец бригадир раздраженным голосом сказал:

— И перед всяким молокососом я должен раскрывать свою душу, словно ящик с инструментом, а разве этот молокосос поймет, а если и поймет, то насмеется, ибо темный, как двенадцать часов ночи... Откуда ты взялся на мою голову, мамино тесто?!

— К чему волноваться, Семен Ларионович? — ответил почтительно и без обиды Мишуня. — Разве я виноват, что пока еще молокосос? И тесто тут не при чём... А коли доверите что, постараюсь ваше доверие оправдать...

Бригадир оперся на руки и начал рассказывать, не поднимая глаз на хлопца. Не про механизацию: это были фронтовые воспоминания, о чем никогда прежде он не говорил. Как воевалось с немецкими захватчиками, что думалось при этом и как представлялась послевоенная жизнь. Сперва Мишуне казалось, это была очень несвоевременная исповедь: необходимо было буквально с часами в руке мотаться от одного трактора к другому, чтоб не простаивали, не нарушали уплотненного графика. По крыше вагончика зашумели капли дождя. Мишуня подумал, что на диски сеялок налипнет земля и успеют ли сеятели очищать их на ходу? Он пропустил мимо ушей многое из рассказа бригадира. Но дождь быстро прекратился, а Семен Ларионович добрался до Сталинграда. Гляди, он никогда об этом не говорил!..

— Сидим мы, сынок, в городе, на главной улице, дом номер десять, на самом углу. Перед этим, недельки этак с две, защищали Тракторный. Ну, значит, этот завод, где «СТЗ» выпускали. Там таких немцы наделали руин, что только груды бетона остались и воронки. Ни цехов, ни конвейера. В вагранке был дот, колодцы термической обработки служили пулеметными гнездами. Пули летали, мины, снаряды. Авиабомбы разрушали все. Из завода кладбище сделали. После Тракторного, говорю, попали мы в город, в тот дом, номер десять. Сперва захватили верхние этажи, начиная с чердака, очистили как следует, убитых фрицев покидали из окна на улицу. Потом постепенно спустились ниже, потому что немецкая артиллерия сверху разрушала этаж за этажом, — точка была важная, ключевая. Гарнизон наш таял, связи не было, действовали в полном отрыве от своих. Осталось нас четверо живых, а нераненых, кажется, и не было. Мы знали, что за Волгой земли для нас нету, надо биться тут и стоять, как положено честным людям, смерть так смерть, но ни шагу назад! Приказ Верховного Главнокомандующего лежал у каждого на сердце...

— Боеприпасы кончались, мы использовали гранаты и оружие, захваченные у немцев. Позабирали у наших убитых людей все, что они не успели расстрелять, но и этого было мало. Мы слышали, как к нам пробивается и не может прорваться подмога. В минуту затишья товарищ у товарища перевязывал раны, поцеловались на счастье, хотя никто не надеялся выжить. И тут храбрый наш сержант Иван Чудин, из Донбасса родом, приказал обменяться адресами. Словно на том свете существуют квартиры и номера домов! Или на этот свет с того света можно приходить в гости. «Что ты, Ваня, — сказал я, — у тебя голова не болит?» Но Чудин стал нас стыдить, и голос его был совсем не обреченный, а, наоборот, бодрый и насмешливый, в конце концов мы послюнили карандаши и позаписывали адреса товарищей там же во время смертного боя...

— Что это означало, сынок, тогда в Сталинграде? А то, что нас будто бы стало больше, словно подмога пробилась, вера в победу окрепла, вера в то, что останемся живы. Немец до Волги допер, а мы уславливаемся о встрече после войны на освобожденной родной земле. Вперед, солдаты Сталина! Пусть кашляют фрицы! И мы с новой силой сжали в руке автоматы. Снова задрожал от немецких мин дом номер десять. Снайперы били по нашим амбразурам. А мы, оглохшие и ослепшие, выполняли приказы шахтера Чудина, перенимали его дар точного обстреливания подступов к нашему подвалу. Мы походили на шахтеров в том подвале. Пули, влетая в окна, сбивали штукатурку, воздух был непрозрачный от пыли, лиц наших не признала бы родная мать. «Порядочек! — ругался сержант. — Горячий нам достался забой. К чортовой бабушке! Попрошу перевести меня на другую шахту...»

Когда прорвалась к подвалу подмога (от дома остался один подвал), она долго не могла раскопать нас. Вызвали саперов с инструментами. А гарнизон лежал без чувств. Разместили всех по госпиталям, и потеряли мы друг друга навсегда. Часто бессонными походными ночами вспоминался потом тот домик в Сталинграде — на Днепре вспоминался, на Днестре и Дунае, на Висле и Эльбе. И сколько буду жив, гордиться буду тем, что сталинградец. Готов снова стоять насмерть! Были в разных заграницах, всякое бывало на дорогах войны, заслужил сержанта и орден, а Чудина вижу, как вот тебя...

Семен Ларионович замолк, Мишуня затаил дыхание. Потом бригадир молча подал хлопцу полученное утром письмо и, не стыдясь, заплакал. Мишуня прочел несколько строк:

Баллада о взводном

Александр МЕЖИРОВ

Мой взводный живет на
Фонтанке.
Он пишет картину о том,
Как шли в наступление танки,
Ревя на подъеме крутом.

[Заря за окошком смеялась,
И ровно к двенадцати дня
Фонтанка совсем распаялась,
Распалась, бурля и звеня.]

Кисет доставая походный,
С прикушенной трубкой во рту,
В рабочем халате, мой взводный
Подходит к большому холсту.

Он каждую видит травинку
На колпинской мягкой земле,
Он каждую помнит кровинку
На каждом примятом стебле.

Советом помочь не рискую:
Советы ему не нужны.
Вхожу по утрам в мастерскую,
Как в трудную память войны.

Не гаснут разрывов сполóхи,
Солдат не уходит с поста.
Военные будни эпохи
На взводного смотрят с холста.

Лежат у нейтральной секреты,
И в расположенье полка
На передовой партбилеты
Вручает бойцам ДПК [1]

И стынут разбитые «берты»
В проломах осевшей стены...
Мой взводный стоит у
мольберта,
Кончая картину войны...

И чтоб не шагнуть на картину,—
Назад,
под огонь,
на войну,
Ударю рукой в крестовину
И настежь окно распахну.

Подтаявший лед оплывает,
Охрипли ручьев голоса,
И ветер холсты надувает,
Как поднятые паруса,

И синька совсем не морская
Становится синью морской.
Сейчас поплывет мастерская
По валкой, по зыби мирской.

[1] Дивизионная партийная комиссия.

[На судостроительной верфи
Про шторм узнают корабли,
И мачтовым соснам на ветви
Соленые брызги легли.]

Погода стоит штормовая!
Живем у высокой волны!
И каждое утро, вставая,
Мы ей умываться должны.

Стоит штормовая погода.
Колотится в дамбу прибой.
Весной позапрошлого года
Мы за город вышли с тобой.

Ты помнишь, как плыли туманы
И небо менялось в лице,
Когда перед нами фонтаны
Ударили в Петродворце!

Стояли у каменной кромки
Солдаты блокадных полков
И слушали лепет негромкий,
Натруженный голос веков.

Пробившаяся из-под камня,
Рыдала и пела струя,
И песня ее дорога мне
Была, словно песня своя.

Стояли блокадные взводы
По-взводно у каждой струи.
А в городе пели заводы
Гражданские песни свои.

Народа ликующий гений
Притронулся к лире стальной,
И синий огонь автогенный,
Как отзвук, дрожал над струной,

А отсвет в окно на Фонтанке
Проник, обжигая холсты,
И высветил жухлые танки
На склоне крутой высоты,

Ощупал разбитые «берты»,
По грунту лучом полоснул.
Ударил в треножник мольберта
И новые краски плеснул.

И взводный большими глотками
Трезвящее пил торжество.
Склонялись ткачи над станками
И ткали холсты для него.

А солнце горело в зените
И сквозь цеховое окно
Нагрело суровые нити
На фабрике «Веретено».

«Тов. Кислый Семен! Ежли ты жив, зову на помощь. Поднимем шахту и дадим добычу. Я человек маленький, забойщик, имею на семью две комнаты. Но потеснимся, будем жить. Сталинградский привет. Иван Чудин».

— Вот,— сказал Семен Ларионович онемевшему пареньку,— сержант Чудин зовет, а я разве такой, как в Сталинграде?

Мишуня понял состояние души нареченного своего отца. Стоя под душем рядом с Семеном Ларионовичем, он всегда поглядывал с внутренней дрожью на искромсанные минными осколками руки бригадира, на впалую грудь, дышавшую тяжело и часто. Тракторная бригада — не шахта. Тут, конечно, легче, если говорить откровенно. Степной ветер наполняет легкие, солнце прогревает кости. Работать на угле — это все равно, что в гвардии. Какой уже из Семена Ларионовича шахтер? В забой зовет сержант Чудин! На передовую линию огня! Но не суждено бывшему сталинградцу мчаться на выручку к боевому другу. Будет тот ждать ответа и не дождется. И сочтет мертвым Семена Ларионовича. Есть от чего заплакать. Сталинградец! Такое имя надо нести, как знамя. Мишуню охватило могучее чувство, невоплотимое пока в слова, кровь отхлынула от его лица, снова бросилась в голову, он вдруг вскочил и молча выбежал из вагончика.

Целый вечер Мишуня бесился. Да как! Ни с того, ни с сего вдруг встал на руки и прошелся мимо очага, где варился ужин. Зацепил нечаянно и опрокинул ведро с водой. Уронил фанерный лист, на котором лежало тесто для галушек. Кухарка погналась за ним, размахивая скалкой, и вдвоем они чуть не оставили без ужина бригаду, расплескав лигроин возле хлеба.

Во время ужина Мишуня настроил радиоприемник, питавшийся постоянным током от батареи, поставил на полную мощность и, на скорую руку проглотив галушки, стал танцевать со всеми по очереди девчатами-колхозницами, к которым час назад не решился бы и обратиться. Потанцовал со звеньевой, увлек всегда озабоченную Веру — напарницу жены бригадира,— и Вера нехотя отложила книгу и прошлась с ним в легкой польке вокруг приемника. Еще никогда в жизни Мишуня не поднимал такого шума, крика и возни, никогда еще не удивлял так всех.

Постойте, да разве ж это Мишуня? Скромный, застенчивый, нетороплибый, неловкий Мишуня? Высмеянный девчатами, пунцовый от стыда за собственную беспомощность, кроткий Мишуня? Такого попробуй, шлепни по губам или потяни за чуб. Не опомнишься, как поцелует при всем народе. Его кто-то подменил. Смотри, как уверенно кружит вокруг себя девушку в быстрой пляске. За словом в карман не полезет. Так и отбривает всех, кто хоть в шутку заденет! А поет как! Да разве у него был когда-нибудь голос? Так что-то там попискивало позади всех, когда начинали петь...

В разгар веселья, когда бригада заканчивала свой трудовой день, от грейдера к их лагерю повернули две ослепительные фары. Снова какой-то неудачник-шофер едет «позаправиться». А из каких запасов? Так всю экономию разбазаришь на благодеяния. Фары приближались медленно — это не была грузовая машина. Мощный рев мотора долетел до полевого стана, и кто-то поспешно выключил радиоприемник.

— Трактор,— сказал среди общей тишины бригадир,— а может, и танк. Что-то высококачественное идет...

Машина подошла ближе и остановилась. Водитель заглушил мотор и погасил фары. Знакомый эмтээсовский тракторист приблизился к людям.

— Принимай пополнение! — весело окликнул он. — Здравствуйте! Пусть меня гусеница задавит, ежли я не заработал у вас доброго ужина с добавкой!

Все вскочили на ноги и обступили прибывший трактор.

— Новый? — шопотом, не веря глазам, спросил бригадир.

— Новехонький,— сказали все вместе.

— Сталинградский,— произнес дрожащим голосом Мишуня.

Сталинград ожил, и громко стучит его сердце. На колхозные поля прибывают посланцы Сталинграда. Думал ли ты, Семен Ларионович, что так быстро воскреснет Тракторный? Вот он стоит, сталинградский вестник, и только что не говорит! И при виде его сердце поет. Пошли разговоры:

— А ну, запускай...

— Хорош. Голос какой!..

— Его, как музыку, можно слушать...

— Такому трактору говорят «вы»...

Бригадира вызвали к микрофону, и диспетчер МТС, не слушая его горячих заверений, настойчиво повторял, чтоб не запороли машину на обкатке, чтоб изучили характер и не торопились с полной нагрузкой. Как будто бригадиру впервые в жизни приходится объезжать тракторы... Хорошо, хорошо, и плановые задания увеличивайте, теперь нам ничего не страшно.

Мишуня ушел в ночную степь. Сталинград! Он ходил, не чувствуя под собою ног, и, казалось, ни о чем не думал. Сталинград! Звезды мигали над ним весенние, яркие. Земля возвращала скупое дневное тепло и пахла весенней, невысказанной печалью. Сталинград! Здравствуй, сержант Чудин! И над Донбассом поют жаворонки. Он боялся вернуться в полевой стан бригады, чтобы не прилипнуть к новой машине. Сталинград!..

Светало. Мишуня вернулся к вагончику, жадно пил воду, подходил к койке Семена Ларионовича, притворившегося спящим, и долго стоял над ним. Потом он постоял подле Параски Тихоновны, которая тоже не спала после ночного разговора с мужем относительно Мишуни. Нет, не будет он им сыном, а если будет, то только издали. Новая судьба ожидает Мишуню, и не нужно вмешиваться — пусть малый сам кует свое счастье. Параска Тихоновна, глотая слезы, кусала подушку, ей отвечал тяжкими вздохами муж, но это было уже после того, как Мишуня вышел.

Он отработал на новом тракторе почти полную смену, гладил машину, словно прощаясь с ней. Потом, наскоро поспав часок, Мишуня подошел к бригадиру, хлопотавшему около злосчастного третьего трактора. Жаворонок то поднимался высоко, то опускался до самой земли и рассыпал свои трели над головою.

— Семен Ларионович,— сказал Мишуня и именно так, как этого ждал названный отец,— я понял, зачем вы показали мне письмо. Если считаете достойным, пустите заместо себя в сталинградскую бригаду на Донбасс!

— Безусловно, считаю,— ответил бригадир, обнимая Мишуню,— с кровью отрываю вас от моего сердца, Михайло Васильевич, и обещаю уговорить директора МТС...

Вот как Мишуня стал Михайлом Васильевичем и в тот же день поехал в райцентр получать путевку восстановителя Донецкого бассейна.

Перевод с украинского
Татьяны Стах

ПАЛЬЦЫ

Рассказ

Роберт РЕМЗИ

Рисунки Г. Филипповского

В убогой комнате сидели двое. По виду один был старше другого лет на пять. На старшем была мятая рубашка с несвежим воротничком, на рукавах проступали темные пятна пота.

Рабочий комбинезон второго выцвел от солнца и многократной стирки.

Возле них на столе стоял совсем новый саквояж того типа, с которым обычно ходят доктора. Человек в белой рубашке взялся за саквояж.

— Нет надежды на то, что ты получишь деньги, Харпер,— сказал он. — Рассчитывать на кредит в счет осеннего урожая также не приходится. Я и так уже приезжал к тебе чаще, чем позволяет мой карман. Не могу же я давать лекарство даром и тратить бензин на дорогу сюда. Особенно теперь, когда я знаю, что у меня нет шансов получить долг.

— Но я непременно заплачу, доктор Бин. Вы не думайте, что...

— Лекарство и бензин на дорогу — все это обходится в копейку. Ты, должно быть, не представляешь себе, какие расходы связаны с занятиями медициной. Можешь не верить, но я до сих пор все еще не заплатил полностью за свою учебу в Канзасе. Ты знаешь, во что мне обошлись эти два года учебы?

— Нет, сэр, но думаю, что это дорого стоит.

— Ну так вот: я все еще должен им 200 долларов. По одному этому можно судить. Может быть, теперь, зная, что надо мной висит такой долг, ты наконец поймешь, что я не могу больше приезжать сюда в кредит.

Из соседней комнаты донесся женский стон. Голос был сдержанным и приглушенным.

— Зачем ты бросил землю и пошел работать на лесопильню? — спросил доктор.

— Я хотел зарабатывать деньги, доктор Бин.

— Но если бы ты не бросил земли, ты бы всегда мог пользоваться небольшим кредитом.

— Я хотел иметь постоянный заработок. Мне казалось, что я буду получать больше, и, когда здесь построили новую лесопильню...

— Все это мне понятно.

— ...к тому же я не знал тогда, что бакалейщик из города, как только узнает, что я начал работать на лесопильне, потребует, чтобы я уплатил давнишний долг за продукты. Я не знал об этом. Но как только мне заплатят, я вам...

— Мне очень жаль, но ничего не выйдет до тех пор, пока ты не сможешь расплачиваться наличными.

Доктор вышел. Стоя на пороге, Харпер наблюдал за тем, как старый «форд» медленно выехал со двора и, подпрыгивая по немощеной улице, исчез за поворотом.

Он вернулся в комнату, где лежала жена, и сел возле кровати.

— Харпер,— сказала она.

— Ну, что, все еще больно? — спросил он.

— Было очень больно, но после укола стало легче. Мне кажется, наш малыш опять начинает шевелиться...— она слабо улыбнулась, и Харпер погладил ее по мягким волосам, рассыпанным по подушке.

— Родная моя, ты не жалеешь, что мы ушли от мистера Рика?

— Нет, Харпер, — сказала она. — Получилось именно так, как ты думал. Мне кажется, мы здорово поправили наши дела.

— Конечно,— сказал он, стараясь говорить уверенно.— Дать тебе что-нибудь, хорошая моя?

— Очень болит голова. Хорошо бы достать немного льда.

— У нас нет льда, милая. Я принесу холодной воды.

Набрав ведро воды, Харпер возвратился в дом, намочил тряпку и положил ее жене на голову.

— Миссис Харпер Дорман,— тихо проговорила она. — Как красиво звучат эти слова! Даже после семи месяцев замужества все еще звучат красиво.

* * *

На следующее утро Харпер проснулся до рассвета. Он бесшумно соскользнул с кровати и склонился над женой, тревожно вглядываясь в ее распухшее лицо.

На завтрак Харпер приготовил кукурузные лепешки с патокой и перед уходом поставил еду на стул возле кровати, рядом с ведром холодной воды.

Он был настолько поглощен своими мыслями, что и не заметил, как дошел до лесопилки.

Мастеру пришлось дважды обратиться к Харперу, прежде чем тот откликнулся.

Работа Харпера заключалась в том, что, стоя перед механической пилой, он отбрасывал доски после того, как пила разрезала бревно. Не прошло и часа, как, погруженный в свои тяжелые мысли, он слишком далеко протянул руку за доской, и вращающаяся пила ударила его по указательному пальцу. В первый момент Харпер не понял, в чем дело, и с любопытством смотрел на розовый обрубок, слегка голубоватый в том месте, где обнажился край кости. Потом показалась кровь: сначала мелкие капли, потом яркокрасная струя, быстро стекающая на землю...

Мастер подошел к нему и выругался. Он взял немного смолы с бревна, лежащего на станке, приклеил ее к концу поврежденного пальца и, подталкивая Харпера перед собой, повел его с лесопилки.

— Куда же вы ведете меня? — спросил Харпер.

— К доктору, сукин ты сын!

— Но ведь мне же нечем заплатить ему.

— Такой дурак, как ты, должен был бы платить, но тебе не придется, за тебя заплатит страховая компания.

Возвращаясь от доктора, Харпер сказал:

— Я очень благодарен вам за доктора, потому что...

— Да ты не меня, ты страховую компанию благодари! — прервал его мастер. — Это они, а не мы заплатили за тебя.

Когда они пришли на завод, мастер вошел в свою контору и вынес оттуда лист бумаги, отпечатанный на машинке.

— Это тебе,— чтобы все было в порядке,— сказал он.

Разгладив лист, мастер положил его на бревно и протянул Харперу самопишущее перо. Харпер вывел крест в том месте, куда указал мастер, а мастер и еще один рабочий подписали бумагу под крестом Харпера.

В этот вечер Харпер увидел у дверей своего дома автомобиль. В автомобиле сидел юрист. Харпер встречал его несколько раз на лестнице суда и на улицах.

— Привет, Харпер! — любезно сказал юрист. — Я слышал, что с тобой приключилось небольшое несчастье?

— Да ничего страшного,— бесстрастно ответил Харпер.

— Тебе что-нибудь говорили об этом? — спросил юрист. — Задавали какие-нибудь вопросы? — его глаза впились в лицо Харпера.

— Я не помню, чтобы меня о чем-нибудь спрашивали, — медленно произнес Харпер. — Это видели и мастер и доктор.

— Какой доктор?

— Не знаю точно его имени. Какой-то доктор при лесопилке.

— А еще кто?

— Никто. Думаю, что больше никто не видел.

— Ясно, — сказал юрист, — а деньги тебе никто не давал?

— Нет, сэр, — сказал Харпер; ему показалось, что юрист шутит. — Нет, сэр, но я не прочь получить от кого-нибудь денег. Очень не прочь.

— Минуточку. Значит, никто не давал тебе денег. И ты ничего не подписывал, никаких бумаг?

— Нет, — сказал Харпер, — бумагу я подпи...

Юрист выругался.

— Ну хорошо, ты ее подписал, но тебе ничего не дали за это. Так ведь?

— Да, сэр. Но разве я сделал что-нибудь плохое?

— Слушай, несчастный дурак,— сказал юрист.— Разве тебе неизвестно, что в этом штате закон не защищает человека, работающего для какой-нибудь компании, если с ним случится несчастье? Он сам должен обращаться к закону за защитой.

— Об этом я ничего не знаю. По-моему, суды существуют для людей с деньгами. Бедняку незачем соваться туда.

Харпер давно уже потерял интерес к разговору.

— Хорошо,— сказал юрист,— на сегодня достаточно.

Через мгновение машина скрылась за воротами. Харпер вошел в дом, мгновенно забыв обо всем.

Лицо его жены пылало. Она тихо стонала. Когда Харпер склонился над кроватью, она посмотрела вверх, и он увидел, что жена пытается улыбнуться.

— Очень больно, голубушка?

— Сегодня было очень больно.

Харпер спрятал руку за спину.

— У тебя все в порядке, Харпер? — спросила она через некоторое время.

— Все в порядке. Не волнуйся.

— Тебя не уволили?

— Нет, все в порядке.

Он принес ведро холодной воды и сел возле жены, меняя холодные тряпки на ее голове.

* * *

Через три дня на лесопилке появился агент страховой компании. Перебросившись несколькими словами с мастером, он подошел к Харперу, стоявшему у пилы.

— Покажи-ка мне твой палец, — сказал он.

Слегка волнуясь, Харпер робко протянул руку.

— Ничего страшного, чорт побери! — воскликнул агент. — Ты счастливо отделался. Что было бы, если бы тебе отхватило всю руку?

— Не знаю, сэр,— сказал Харпер,— думаю, что...

— Как ты думаешь, сколько он стоит?

— Сколько стоит?.. — переспросил Харпер.

— Как насчет двадцати пяти долларов? Это много денег.

— Да,— недоверчиво произнес Харпер.

Агент вынул из бумажника пять пятидолларовых банкнотов и положил их на станок возле Харпера.

— А теперь,— сказал он,— подпиши-ка мне вот это, чтобы все было в порядке.

Он вынул лист бумаги, отпечатанный на машинке, и показал Харперу, где поставить крест, после чего мастер и один из рабочих подписали бумагу.

— Ты должен как следует позаботиться о своей руке, — сказал агент.— Может быть, тебе следовало бы пойти домой и отдохнуть...

— Но я...

— Иди, иди домой и отдыхай. Тебе заплатят, как за полный рабочий день,— сказал мастер.— Мы ведь умеем, чорт возьми, по-настоящему заботиться о наших людях!

Мастер бросил взгляд на агента, после чего оба отвернулись от Харпера, слегка смутившись.

— Он прав, — сказал наконец агент. — Иди и сделай так, как он говорит.

Сначала Харпер пошел в город. Зайдя к бакалейщику, который уже передал его счет в суд, Харпер возвратил ему пятнадцать долларов.

Бакалейщик подозрительно посмотрел на деньги и дал Харперу расписку.

За продукты Харпер был должен всего лишь восемь долларов. Но после того, как счет был передан в суд, прибавились проценты за сбор и судебные издержки. Долг возрос до восемнадцати долларов.

— Теперь за мной остается не больше трех долларов. Не так ли? — спросил Харпер.

Бакалейщик раскрыл расходную книгу и долго смотрел в нее, беззвучно шевеля губами.

— Три доллара,— сказал он наконец, захлопнув книгу и бросив на Харпера холодный взгляд. — Может быть, теперь ты научишься платить по счетам?

— Да, сэр,— сказал Харпер,— я ведь давно хотел заплатить, но у меня случилось несчастье.

Затем Харпер отправился к врачу. Он отдал ему оставшиеся десять долларов.

— Теперь вы придете к нам, доктор Бин? — спросил он.

— Нет,— сказал доктор.— Вы должны мне еще пять долларов. Надо, чтобы у вас была эта сумма, а также деньги за следующий визит, и только тогда я смогу придти к вам. Я не могу позволить себе...

— Да, вы правы, сэр,— тихо сказал Харпер.— Вы знаете свое дело, но мне кажется, что вы все-таки очень жестоки к бедному человеку.

* * *

Дома Харпера ждала тишина. Он остановился у порога и посмотрел на кровать. Сердце его громко стучало. Жена с трудом повернула голову, и Харпер, тяжело ступая, подошел к кровати.

— Слава богу! — прошептал он.

— Харпер,— сказала она,— нужен доктор. Мне кажется, что уже пора.

— Ты не могла бы немного подождать,— спросил Харпер,— хотя бы до конца недели?

— Я не могу заставить его ждать. Это случится раньше, может быть, завтра или даже сегодня ночью.

Харпер тоскливо посмотрел в окно. Потом погладил ее по лицу, чуть повыше глаз.

— Спи спокойно, а завтра я позабочусь о докторе.

— Ладно, милый.

Он присел у кровати и стал гладить ее по голове, пока она наконец не заснула.

Тогда он бесшумно поднялся и вышел из дома.

Было три часа дня, и Харпер направился к плантации.

Пройдя пять миль под палящим солнцем, он остановился перед закрытой верандой дома Рика Лофтона и громко позвал хозяина дома. Через некоторое время Рик Лофтон вышел на веранду и остановился на пороге.

— Мистер Рик,— сказал Харпер,— мне нужна помощь.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Мистер Рик, я... я хочу поступить к вам обратно. Я хорошо работал у вас раньше. Это моя ошибка, что я ушел. Я думал...

— Я не могу взять тебя. У меня сейчас нет места.

— Ну, пожалуйста, мистер Рик, я хочу вернуться к вам, я буду много работать...

— Весьма сожалею, но сезон кончается. Урожай почти весь снят. В такое время года я не могу взять тебя. Очень жаль.

Он повернулся и вошел в дом...

...Харпер добрался домой лишь к вечеру. Жена все еще спала. Он приготовил ужин: те же кукурузные лепешки с патокой, которые они ели утром. Покончив с едой, Харпер вошел в спальню и осторожно лег рядом с женой. Он робко дотронулся до ее лица, повернулся на другой бок и заснул...

Утром Харпер успел приготовить еду и сел за стол, но вдруг услышал, как закричала жена. Его лицо побелело, и кусок кукурузной лепешки застрял в горле. Он выскочил из кухни, подбежал к жене и остановился возле нее, охваченный ужасом.

Она улыбнулась и посмотрела на него доверчиво и спокойно.

— Ты сейчас же пойдешь за доктором, Харпер?

— Да, да! — сказал он.

Оставив в кухне недоеденный завтрак, Харпер бросился на лесопильню. До начала работы оставалось еще полчаса...

. . . .

Только к десяти часам Харперу удалось разыскать контору страховой компании. Войдя в помещение, Харпер снял шляпу, подошел к столу, положил на него окровавленный сверток и, протянув вперед руку с двумя обрубками вместо пальцев, замер в терпеливом ожидании, словно не замечая, с каким отвращением и страхом смотрел на него клерк, сидящий за конторкой.

— Я принес его. Палец. Чтобы вы видели, что я не обманываю вас.

— Господи! — сказал агент, глядя на Харпера. — Вы несли этот палец сюда, чтобы показать...

— Дайте мне бумагу,— сказал Харпер,— я подпишу ее, и вы...

— Бумагу? Какую бумагу вы хотите подписывать? — удивленно спросил клерк.

— Пожалуйста,— сказал Харпер,— мне срочно нужны деньги. Если вас это не очень затруднит, я...

— Постойте, о какой бумаге и о каких деньгах вы говорите?

— Я не знаю, что там было написано, в этой бумаге, но по ней человек из страховой компании дал мне денег в тот раз, когда я отрезал первый палец.

Агент перевел взгляд с лица Харпера на безмолвную груду бумаг на столе.

— Теперь понимаю,— сказал он. — Вы отрезали палец, после чего агент выехал к вам на завод. Он оплатил...

— Да, да, сэр. Именно так. Он дал мне денег, как только приехал.

— А теперь вы отрезали второй палец и думаете, что я уплачу вам за это?

— Да, сэр. Если вас это не очень затруднит, я хотел бы подписать бумагу и получить деньги сейчас же, не дожидаясь вашего или его приезда на лесопильню.

— Так, так. Понятно,— агент взял со стола карандаш и стал внимательно разглядывать его.

— Если это причинит вам много хлопот или у вас нет сейчас денег, вы можете дать бумагу, в которой будет сказано, что мне следует получить деньги. Это меня вполне устроит.

— Чорт побери! — воскликнул агент. — Несчастный дурак, за кого ты меня принимаешь?

Харпер отшатнулся. Глаза его выражали боль и непонимание.

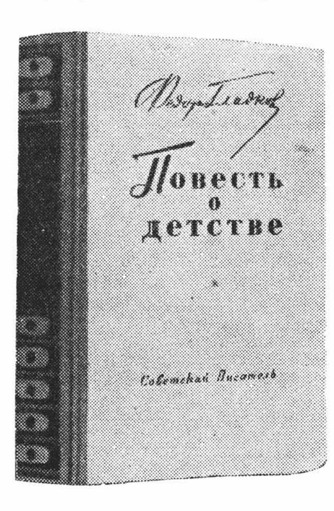
— Сэр, вы хотите сказать... Разве я не получу их?

(Окончание см. на стр. 24.)

Повесть о детстве

«Повесть о детстве» Федора Гладкова принадлежит к большому ряду произведений о старой русской деревне, которую с такой болью и горечью описывали Некрасов и Глеб Успенский, Лев Толстой, Чехов и Горький.

Давно миновали те жестокие времена. Нет больше старой, разоренной деревни, где человек задыхался от бесправия и нищеты, где увядали, не успев расцвести, лучшие свойства его души. Обращаясь к воспоминаниям

далеких дней, Гладков как бы заново развивает большую тему русской литературы. Его книга меньше всего напоминает рассказ мемуариста о своем детстве и юности. Эта взволнованная и страстная повесть обращена к современности, к молодым строителям коммунистического общества. Посвящая внукам невыдуманную историю своего детства, старый писатель хотел помочь нашей молодежи лучше, яснее представить себе, каким невероятно трудным путем шли к свободе люди старшего поколения.

«Перелистывая книгу моей жизни,— пишет он,— я смущаюсь и спрашиваю себя, нужно ли рассказывать об этих давно прошедших днях, нужно ли изображать те проклятые пытки, через которые проходило мое детство, а потом юность: ведь все это прошло и быльем поросло — оно минуло безвозвратно. Но внутренний голос совести и долга внушает мне настойчиво: обязан рассказать, должен показать те мучительные дебри, через которые приходилось пробираться людям моего поколения и преодолевать их, чтобы выйти из чортовой тьмы на свободную дорогу настоящего».

Одна за другой встают перед нашими глазами картины дореволюционного быта, написанные уверенной рукой зрелого и опытного мастера, развертывается голодная жизнь послереформенной русской деревни, в которой судьбами людей распоряжались кулак, помещик и пристав.

В цепких лапах деревенского богача, лавочника Митрия Стоднева оказывается чуть ли не все село. Этот зловещий человек сочетал в себе жадность мироеда и хитрость лицемерного церковника, он умел крепко запутывать людей в своих сетях и, наставляя их «божьим словом», лишать воли к сопротивлению. У Стоднева скопилось большое количество взятых за долги крестьянских наделов. А мужики задыхались от безземелья, от вечной нужды.

Разговоры о всяких поборах и взысканиях никогда не умолкали в селе.

«Вспоминая те годы, я до сих пор слышу стук палки о наличники окон и крик десятского:

— Хозяева! На сход идите!.. О податях, о недоимках!..»

И это сознание, что нельзя сбросить с себя оковы, выбраться из безысходной кабалы, разжигало в людях ненависть и к барину, и к богатею, и к начальству, которых «встречали хоть и без шапок, но с неутолимой враждой». Слепой, стихийный протест против страшной, беспросветной жизни проявлялся то в необузданных выходках дяди Ларивона, то в диких поступках Сереги Калеганова, некогда трудолюбивого и рачительного хозяина, которого Стоднев разорил и заставил работать на себя.

Сильные страницы, посвященные описанию жизни ребенка в семье, его отношениям с родителями, дедом и бабушкой, перекликаются с «Детством» Горького.

Дед Фома — владыка семьи. Смолоду он трудился на барщине, узнал власть барина-самодержца, за строптивость был весь «прошит кнутьем и кулаками». Крутой и жестокий нрав старика, философия рабского самоотречения, которую он с тех пор стал проповедывать, превратили его в тирана семьи. Он требовал от домашних беспрекословного исполнения всех своих приказаний, помыкал старшим сыном, внушал ужас невестке, душу маленького внука «леденил, как домовой».

И нужно было обладать поистине огромной силой воли, свойственной русскому народу, чтобы пронести через все это живую и богатую душу, сохранить любовь к жизни и веру в лучшее будущее.

С большой симпатией вспоминает писатель трогательный образ швеца Володимирыча, кроткую бабушку Наталью, гордую и независимую Парушу, непокорную тетку Катю, которая смело восстает против деспотизма деда. Яркими красками рисует он жизнерадостного Петра Стоднева, непримиримого борца за справедливость Микитушку, окончившего жизнь где-то на каторге, в Сибири, и еще многих других честных, мужественных искателей правды, людей большой совести, делавших суровую жизнь светлее и краше. Их ласка и доброта, их мудрые, ободряющие рассказы, согретые верой в лучшую долю народа, так же, как и смелая их борьба против насилия и несправедливости, глубоко запали в душу ребенка, запомнились ему на всю жизнь.

Да и не только в них мы замечаем эти великие душевные богатства, силу и красоту народного характера. В горячие дни дружной, совместной работы все люди словно преображались. Немного выпадало таких радостных минут. Но они всегда были овеяны истинной поэзией.

Вот сцена самовольной запашки «всем миром» помещичьей земли — сцена, в которой мы видим, как истосковались люди по свободному труду, какие замечательные свойства мастеров-умельцев таятся в их душе.

«Ларивон пахал жадно, горячо: казалось, что он торопился, что он старался помочь своей кляче, напирая на соху... Он не заметил меня, когда доехал до дороги, и повернул лошадь необычно ласковым криком:

— Но, но, милая, поворачивайся, пегашенька!.. Потрудись, дорогая моя!.. Гляди, какое нам с тобой раздолье досталось...»

И так же горячо, вдохновенно, как Ларивон, трудятся остальные мужики. «Издали видно было, что они работали хорошо, легко и охотно, не как подневольные люди, и охвачены общим подъемом. Чувствовалось что-то праздничное, и даже мне, малолетку, передавалось это волнение от порыва к свободному труду».

В жизни дореволюционного села, в поступках его людей было много отрицательных, подчас жестоких черт. Гладков не идеализирует этих черт. Его краски суровы. Но эта повесть, написанная нашим современником, не оставляет ощущения безысходности, свойственной многим книгам о старой русской деревне. Читая ее, мы все время чувствуем те могучие силы, которые таились в народе, и видим ту большую светлую судьбу, которая ожидала русского крестьянина.

Очень хорош язык повести, сочный, образный. Прекрасны описания природы, выразительны портреты людей.

С большой психологической глубиной раскрыт духовный мир маленького Федяшки, от лица которого ведется повествование, и его верных друзей — юного защитника интересов бедноты Иванки Кузяра и не по летам серьезного, трудолюбивого Петьки-кузнеца.

Жаль только, что в повести лишь мельком появляется рабочий человек Микола Андреевич, который должен был бы воплощать более высокую ступень сознательности, чем подъяремные бедняки-крестьяне.

Хочется также пожелать писателю при переиздании книги сократить некоторые эпизоды, только отягощающие повесть излишне подробным описанием жестокостей (например, сцена издевательства деревенских парней над Луконей-слепым).

Полезную, талантливую книгу о прошлом написал один из старейших советских писателей Федор Гладков. Она внушает молодому читателю горячее чувство любви к нашей социалистической Родине, где человек стал навеки свободен.

Б. ГАЛАНОВ

Федор Гладков «Повесть о детстве». Издательство «Советский писатель». 1949. 461 стр. Цена 12 руб. 50 коп.

Путь русских авиаторов

Писатель Виссарион Саянов создал роман, в котором попытался широко раскрыть историю отечественной авиации в художественных образах. Роман посвящен старым русским авиаторам, но через него проходят и поколения советских пилотов, участники великих воздушных битв с фашистской Германией и самое молодое пополнение советского Воздушного Флота, которое воплощено в образе юного летчика комсомольца Уленкова.

Труд первых русских авиаторов был тяжел и тернист. Черствое равнодушие проявляли к ним царские чиновники, которым, по выражению Салтыкова-Щедрина, каждый иностранец казался «высшим организмом». И, несмотря на это, Россия дала человечеству блестящую плеяду летчиков, авиационных конструкторов и ученых.

Одной из самых ярких фигур того времени являлся знаменитый русский летчик Петр Нестеров, судьба которого описана в романе. И этого смелого открывателя, основоположника высшего пилотажа, первым в мире проделавшего мертвую петлю, буквально на каждом шагу третировали чиновные невежды... Нестеров погиб смертью героя на фронте, в бою с австрийским летчиком.

Судьба другого персонажа романа, русского изобретателя Сергея Победоносцева, изображенного также пионером отечественной авиации, была очень мрачной. Он покончил с собой, потеряв надежду пробить дорогу своему изобретению. Он понял, что является жертвой преклонения перед заграницей чиновников от авиации.

В центре романа стоят фигуры трех друзей, старых русских летчиков: Глеба Победоносцева, Быкова и Тентенникова. Они тоже пионеры. Вся их жизнь, все мысли и подвиги посвящены одному — развитию отечественной авиации. Они воюют на фронте первой мировой войны. При их участии 11-й корпусный авиаотряд, которым командовал в свое время Нестеров, продолжает наводить страх на неприятельских летчиков.

И в полном соответствии с правдой тогдашней действительности писатель и тут показывает, как высокий патриотизм пилотов, их мужество и бесстрашие встречали преграды в экономической отсталости страны и в косности царских правителей.

Очень бедное наследство получила советская авиация от дореволюционной России. И поэтому так тяжелы были условия ее работы на фронтах гражданской войны. Кто из старых авиаторов не помнит, как приходилось из обломков двух — трех аэропланов строить один, заменять полотно на крыльях бязью? Тыл принимал героические меры к тому, чтобы сохранить на фронтах хотя бы постоянное число самолетов.

Летая на заплатанных машинах, на старых «воздушных гробах», как их не в шутку тогда называли, работая и в жестокие морозы, и в туманы, и в метели, советские летчики находили в себе силы и возможности одерживать решительные победы над вражеской авиацией.

«Пока я жив, пока жив Тентенников, рассчитывай на нас! — говорит летчик Быков старому подпольщику большевику Григорьеву. — Любой приказ партии выполним, самое трудное задание выполним без страха».

На судьбах этих же героев романа В. Саянов показывает, какие неограниченные возможности открылись перед авиационной технической мыслью, перед конструкторами и самими авиаторами в годы сталинских пятилеток.

Вместе с ростом воздушной техники растет, крепнет, мужает новое, советское поколение летчиков. Это люди нового строя чувств, нового образа мыслей, люди с острым, пытливым умом и непреклонной волей, которая рождает стремление и любовь к подвигу. Одни из них вступили в Великую Отечественную войну уже в зрелом возрасте, другие — юношами. Но и те и другие проявили себя в ней великолепными мастерами летного дела, умелыми водителями современных боевых машин и истинными новаторами в тактике воздушного боя.

В лице Ивана Быкова, приемного сына старого летчика Петра Быкова, писатель делает попытку раскрыть образ командира советского авиационного подразделения.

В минувшие боевые годы искусство наших летных кадров проявилось как нельзя более высоко. Военно-воздушные силы на фронте служили одним из важнейших родов войск. И в том единоборстве с отборными немецкими воздушными эскадрами, которое пришлось вести советским авиационным частям, последние стяжали себе достойную славу. Этой теме посвящены заключительные страницы книги В. Саянова «Небо и земля».

Война уже приближалась к концу, и задачи авиации все более и более усложнялись. Совершенствование летного мастерства становилось делом всей жизни авиационных кадров.

«Наше дело летчиков — движение, всегда движение!» — любил повторять великий летчик нашего времени Валерий Чкалов. Именно с этим ощущением непрерывного движения нашей отечественной авиации вперед читатель закрывает книгу о старых русских авиаторах и их нынешних продолжателях.

В. Саянов создал большое художественное полотно, удостоенное Сталинской премии. Жизнь героев, их труд, поиски, борьба, разлуки, встречи, подвиги изображены взволнованно и правдиво. Но в романе есть и недостатки. Это некоторая сухость языка и торопливость повествования в отдельных местах. Кроме того в книге имеются небольшие технические и исторические погрешности, которые могут показаться огорчительными для читателя-специалиста.

Автор пишет, например, что при выполнении первой в мире мертвой петли Нестеров потерял анероид. Это — искажение исторического факта. Сам Нестеров в статье «Как я совершил мертвую петлю» писал: «Я сидел несколько мгновений вниз головой и не почувствовал; стремления отделиться от сидения тоже не было, и ноги давили на педали. Мой анероид не выпал из кармана куртки, и инструменты в открытых ящиках тоже оставались на своих местах».

В другом месте Саянов утверждает: «Первый вираж был прямой, как будто аэроплан тянули вверх по канату». Это невозможно. Ведь вираж — это поворот самолета в горизонтальной плоскости, и он не может быть ни прямолинейным, ни «тянуться» куда-то вверх.

Такие ошибки легко исправимы. И они не снижают больших достоинств романа.

Н. БОБРОВ

В. Саянов «Небо и земля». Роман. Издательство «Молодая гвардия». 1948. 551 стр. Цена 21 руб.

Мартин Андерсен Нексе

К 80-летию со дня рождения

Сегодня прогрессивные люди во всех странах с любовью и уважением отметят день 80-летия замечательного датского писателя-коммуниста Мартина Андерсена Нексе. Славный путь прошел Нексе — истинный сын рабочего класса, неустанный и пламенный борец за его освобождение.

Трудным, тернистым был этот путь. Появление Нексе в литературе было встречено в штыки буржуазными писателями и критиками, высокомерно писавшими о том, что «на Парнасе начали танцовать в деревянных башмаках». Действительно, впервые в Дании героями литературных произведений стали рабочие, трудящиеся, те, чьими руками создан мир и все его ценности; впервые в этих произведениях был поставлен вопрос о необходимости борьбы за лучшую долю трудящихся. Именно Нексе положил начало датской пролетарской литературе, объединив позже вокруг себя талантливую группу писателей-единомышленников. Народ ответил ему горячей признательностью, присвоив писателю почетное звание «скандинавского Горького».

Уже первый роман о зарождении датского рабочего движения — «Пелле-завоеватель» — принес Нексе мировую славу. В последующих романах: «Дитя человеческое», «Мортен Красный» и «Потерянное поколение» — Нексе рассказывает о событиях, происходивших от начала первой мировой войны до 1922 года: о борьбе рабочего класса Дании, отходе датской социал-демократии от социализма, о глубоком влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на международное рабочее движение и зарождении коммунистической партии Дании. Сейчас писатель работает над последней частью эпопеи, которая будет доведена до наших дней.

Нексе-писатель и Нексе — общественный деятель, революционер неотделимы друг от друга. «Дело писателя, — говорит Нексе, — не сидеть за письменным столом и регистрировать события, а принимать активное участие в борьбе и идти в первых рядах борцов». И Нексе всю свою жизнь верен этому принципу.

Десять лет назад на вечере, организованном в его честь Союзом советских писателей, Нексе сказал: «Буржуазия говорит, что я хороший писатель, но плохой политик. Если быть политиком — значит поближе подбираться к котлу с кашей и заниматься плетением темных интриг, — то я плохой политик. Но если быть политиком — значит понимать: кто является носителем будущего, — то я хороший политик. Именно потому, что я «плохой политик» с точки зрения буржуазии, меня всегда так хорошо принимают здесь и говорят всегда «добро пожаловать» в ту единственную страну в мире, которая идет по правильному пути. Я «глупый политик», по мнению буржуазии, ибо я верю в будущее пролетариата».

Никогда Нексе не изменял этой вере. Уже в 1905 году он выступает со статьей «Красный флаг», в которой с горячей симпатией пишет о революционных событиях в России, о восстании на броненосце «Потемкин». Он клеймит первую мировую войну, как империалистическую, разоблачает оппортунизм и реформизм социал-демократии, стремившейся «спарить пролетариат с буржуазией». В 1922 году, несмотря на все препятствия, трудным и кружным путем он приезжает в Советскую Россию, чтобы приветствовать молодую республику Советов. Он посвятил ей затем книгу «Навстречу молодому дню». В последующих книгах: «Руки прочь» и «Два мира» — Нексе выступает в защиту Советской России, против интервенции. Писатель говорит о том, какое благотворное чувство он испытывает, приехав из «мира кризиса, безработицы и безнадежности в страну, в новый мир, достигающий больших успехов во всех областях». И он убежденно и твердо заявляет, что Западная Европа перестала быть центром культуры, что этот центр переместился на Восток, в страну, «где демократия стала реальной действительностью».

Тернист путь передового писателя в капиталистическом мире. Двери газет, журналов и издательств закрывались перед Нексе, и он много лет вынужден был жить на чужбине.

Нексе—пламенный антифашист, инициатор и активный участник всех антифашистских конгрессов. Во время войны испанского народа за свою независимость против объединенных сил фашизма Нексе выступает в защиту республиканской Испании, против позорной политики «невмешательства». Он сразу же отправился туда, где «были воздвигнуты баррикады из горячо бьющихся человеческих сердец». На происходившем в Валенсии съезде писателей он единогласно избирается председателем. Нексе не ограничивается только призывами к солидарности с испанским народом; невзирая на опасность, он посещает участки фронта, беседуя с бойцами различных национальностей, вселяя в них мужество и веру в победу. «Наш Нексе», — говорили о нем бойцы Интербригады,— «un grando camarado».

В период второй мировой войны на весь мир звучал правдивый и честный голос писателя, разоблачавшего политику империалистических держав, фактически попустительствовавших гитлеровцам.

Его выступления вызывали бешеную кампанию травли писателя и его семьи. Но ни преследования, ни средневековые сжигания его книг, ни тюремное заключение не могли сломить мужества Нексе. В самые мрачные дни оккупации, когда, по словам Нексе, «затемнение в Дании стало полным», он призывал датский народ к борьбе, указывая ему на великий пример советского народа и его армии, видя в борьбе Советской Армии залог освобождения всего мира от ига фашизма. Он писал: «Мир сейчас является свидетелем величайшей в истории борьбы, окончательной и решительной борьбы света с мраком, борьбы свободолюбивого человечества со средневековьем и рабством. И в первых рядах в этой борьбе идет Красная Армия...»

После окончания второй мировой войны Нексе в первых рядах борцов за сохранение мира, которому угрожают англо-американские империалисты. Нексе неустанно ведет борьбу за свободу, независимость и суверенитет своей страны, против тлетворного влияния доллара. «Доллар распространяет холод вокруг себя, делает человека одиноким, индивидуалистом, эгоистом,— пишет он. — Это холодный ветер, дующий с Запада над Атлантикой. С Востока же идет тепло. От него сморщиваются денежные мешки, но сердца раскрываются». Каждодневно рассказывает он датским трудящимся правду о Советском Союзе, о великих гениях человечества Ленине и Сталине, явившихся теми новыми вождями, которые «черпают свои силы в широчайших народных массах и ведут их к новой эпохе — эпохе трудового человека». «Время принадлежит Сталину,—говорит Нексе. — Сотни миллионов людей во всем мире с чувством глубокой благодарности думают о нем». Маршаллизированным странам, странам, потерявшим свою экономическую и политическую самостоятельность, Нексе противопоставляет бурное развитие Советского Союза и стран народной демократии. «Советский Союз, — пишет Нексе, — вышел в первый ряд и плывет по потоку развития, окруженный более мелкими судами, также преисполненными молодости, новых идей и новой инициативы».

Обычно цифра 80 ассоциируется со старостью, но не тогда, когда речь идет о Нексе — пламенном революционере-коммунисте, верном и преданном друге Советского Союза. Поток времени бессилен против него. И в 80 лет он является символом молодости, горячей, страстной и воинственной, идущей вперед и ведущей вперед других.

Н. КРЫМОВА

ПАЛЬЦЫ

(Скончание. Начало см. стр. 21 — 22)

— Послушай, в мои обязанности входит лишь продажа страховых полисов и сбор денег по ним. Я не смогу уплатить тебе за то, что ты отрезал палец.

— Да, да, сэр. Но мне казалось, что вы работаете для той же компании и...

— Если кто-нибудь и уплатит тебе эти деньги, так это отдел жалоб, откуда они были выданы в первый раз. Все, что я смогу сделать, — это написать туда, но я думаю, что ваш мастер уже сделал это, а может быть, и успел уже получить с вас расписку о том, что вы удовлетворены оказанной помощью. После чего какой-нибудь пройдоха-юрист прицепился к вам...

— Да, сэр. Я уже подписал ее, эту бумагу.

— Ну, так о чем же говорить? Попробую написать в отдел жалоб. Это — все, что я смогу сделать.

Харпер стоял, глядя на агента широко раскрытыми, удивленными глазами.

— Ну, чего же еще вы ждете? Я ведь сказал, что больше ничего не смогу сделать.

— Да, сэр, но не смогли бы вы дать мне бумагу, в которой было бы сказано, что я получу...

— Да нет же, черт побери! — почти закричал агент.

— Но мне очень нужны деньги. Вы должны... — сказал Харпер.

Он поднял руку, сделал несколько шагов вперед и остановился. Это был жест бессильной, подавленной угрозы.

— Отойдите,— сказал агент,— отойдите и сейчас же убирайтесь отсюда. Скандалом делу не поможешь.

Рука Харпера медленно опустилась и повисла.

— Я не собирался скандалить,— тихо сказал он.

Шагая под утренним солнцем, он ощущал ком, подступивший к горлу, и с губ его сорвались слова. Это были пустые, бессмысленные слова, но все же он произнес их:

«О боже, не допусти, чтобы она умерла! Когда угодно, но только не теперь. Теперь ей еще незачем умирать».

Он пришел к жене, когда рот ее уже застыл в страшном оскале. В комнате стоял тяжелый, удушливый запах. Харпер опустился на стул. Вся его жизнь словно остановилась в этой страшной тишине. В немом исступлении он ожидал чего-то. Время перестало существовать для него.

Прошло четыре часа, прежде чем он посмотрел на свои руки. Потом он увидел соседей. Люди смотрели на него с сочувствием, к которому примешивался страх. Кто-то подошел и вывел его в другую комнату. Он сел на стул, глядя с благодарностью на окружавших его людей.

Через некоторое время он услышал женские голоса в спальне, потом до него донеслись звуки пилы и удары топора по дереву.

— Я сделал все,— с трудом произнес Харпер.— Никто не может сказать, что я не сделал всего, что может сделать простой смертный.

Он сидел, окруженный людьми, до него доносились их слова, а во дворе визжала пила...

Перевод с английского **Ф. Лурье**

Датский писатель Мартин Андерсен Нексе.

Фото Дм. Бальтерманца

Чилийский поэт Пабло Неруда.

Фото О. Кнорринга

На снимках: слева — оркестр народных инструментов Глуховского комбината разучивает песню с напева ткачихи П. Зоркиной; справа — на факультете народных инструментов в Институте имени Гнесиных, декан факультета А. Илюхин и преподаватель В. Горохов прослушивают баянистов.

Русские народные оркестры

«Какая прелесть эти балалайки! Какой поразительный эффект могут они дать в оркестре; по тембру это незаменимый инструмент!»
Чайковский.

Фото Г. Санько и А. Гаранина

Афиша приглашает нас на концерт Государственного русского народного оркестра имени Осипова.

Задушевная мелодия заворожила слушателей. В зал фейерверком ворвалась плясовая: залились в замысловатых коленцах балалайки, брызнули весельем домры, запели звончатые гусли!..

В любом клубе, на заводе, в колхозе вы встретите истинных любителей и энтузиастов этого искусства, которые после работы спешат в свои самодеятельные кружки.

Заглянем в одну из комнат клуба Глуховского комбината имени Ленина. Началась репетиция. Широким полукругом расположились оркестранты — слесари, токари, механики, ткачи комбината. Сегодня они разучивают песню с напева одной из старейших ткачих— Прасковьи Ивановны Зоркиной. Лет пятьдесят назад она слышала эту песню в далекой русской деревушке. Несложная мелодия полна душевной теплоты. «Тете Паше», как попросту зовут на Глуховке Прасковью Ивановну, 67 лет, но петь она мастерица.

Два раза в неделю, а иногда и чаще, собираются здесь любители-музыканты. Внимательно прислушиваются они к указаниям руководителя И. Н. Столярова, который более десяти лет возглавляет этот коллектив. Репертуар оркестра разнообразен. Нередко музыканты выступают совместно с хоровым коллективом, исполняя хоры из опер «Евгений Онегин», «Хованщина», «Волшебный стрелок».

Глуховцы гордятся своим оркестром: он самый популярный самодеятельный коллектив на комбинате. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на список приглашений: оркестр просят выступить в обеденный перерыв в цехе, в местной радиостудии, в заводском доме отдыха, его ждут на соседнем заводе «Электросталь», зовут в гости в колхоз, наконец, оркестр дает концерты и в своем клубе — и всюду неизменный успех.

И. Столяров внимательно следит за ростом каждого оркестранта, тем более что большинство из них — молодежь и многие лелеют мечту учиться дальше, совершенствовать свое мастерство игры на балалайке, домре, баяне.

В Москве есть музыкальное училище имени Октябрьской революции, где обучают игре на русских музыкальных инструментах. В целях развития этого жанра при высших музыкальных учебных заведениях создаются факультеты народных инструментов.

Теперь молодые музыканты, окончив училище, смогут продолжать свое образование в Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных, где уже организован такой факультет. В этом году сюда пришли учиться первые студенты, имеющие солидную музыкальную практику. Желающих поступить на факультет так много, что часть из них пришлось зачислить вольнослушателями. Окончившие институт дирижеры, педагоги и исполнители будут владеть двумя народными инструментами и хорошо знать фортепиано.

Факультет ставит целью объединить вокруг себя лучших композиторов и авторов переложений для народных инструментов. Художественный совет института провел открытое собрание, посвященное памяти композитора и основателя оркестров народных инструментов В. В. Андреева. В собрании приняли участие видные музыкальные деятели: А. Гольденвейзер, С. Василенко, Н. Будашкин, Д. Осипов, П. Алексеев — и представители многих музыкальных коллективов.

Союз советских композиторов организовал секцию русских народных инструментов, которая объединила большую группу композиторов. На последнем пленуме Союза были отмечены лучшие работы членов этой секции. «Думка» и «Русская фантазия» Н. Будашкина, «Молодежная увертюра» С. Туликова, «Молодежный танец» П. Куликова, «Русская увертюра» Н. Иванова уже вошли в репертуар оркестровых коллективов...

...Вернемся в зрительный зал, где продолжается концерт Государственного русского народного оркестра имени Осипова. Кто эти замечательные музыканты? Концертмейстер — солист на домре А. Александров, виртуоз на балалайке М. Филин, превосходный исполнитель на гуслях О. Беляевский, как и почти все в оркестре, впервые сели за пульт в самодеятельных коллективах заводских и сельских клубов. Училище имени Октябрьской революции собрало их в свои классы со всех концов Союза. Здесь в течение ряда лет они совершенствовали свое мастерство.

Любовь к русской песне объединяет весь коллектив, и где бы оркестр ни играл — в Москве ли, во Владивостоке, в Киеве или Риге,— всюду у него есть многочисленные его почитатели.

Б. ХУДЯКОВА

Выступление Государственного русского народного оркестра имени Н. Осипова в Концертном зале имени Чайковского. Дирижирует Д. Осипов.

«Дачники» в Московском театре имени Ермоловой. Сцена из 3-го акта. Слева направо: доктор Дудаков — С. Гушанский, Влас — А. Игнатьев, Марья Львовна — Э. Кириллова, Семен Семенович Двоеточие — И. Прокофьев.

Адвокат Басов — Л. Галлис, инженер Суслов — В. Лекарев.

Горьковский спектакль

С. ЗАМАНСКИЙ

Фото Е. Явно

Когда думаешь о спектакле «Дачники» М. Горького в Московском театре имени Ермоловой, с особенной яркостью встает в памяти сцена, в которой Влас (артист А. Игнатьев) с гневом бросает в лицо присутствующим обличительные слова:

Маленькие, нудные людишки
Ходят по земле моей отчизны,
Ходят и уныло ищут места,
Где бы можно спрятаться от жизни...

Этими стихами Влас вступает в своеобразный бой с поэтессой Калерией, прочитавшей декадентские, тоскливые, мрачные, как ночь, лишенные дыхания жизни вирши.

Ответ Власа вызвал злобу, смятение в затхлых душонках адвоката Басова, литератора Шалимова, инженера Суслова — представителей буржуазной интеллигенции, оторванных от народа и враждебных ему. И один из них, инженер Суслов, открыто спорит с Власом, смелым, сильным человеком, который ищет активной, творческой деятельности. Суслов цинично защищает свое «право» быть обывателем.

И вот мы, зрители, оказываемся свидетелями острой борьбы, столкновения двух противоположных лагерей, беспощадного разоблачения гнилостной идеологии буржуазных интеллигентов. Нас захватывает страстная непримиримость Горького к «тусклым людишкам», его мужество, вера в человека — творца.

Не только в этой сцене — во всем спектакле постановщику А. Лобанову и актерам удалось передать публицистический накал и жизненную силу замечательной пьесы А. М. Горького. Постепенно, от эпизода к эпизоду, обнажается подлинное лицо буржуазной интеллигенции — ее ненависть к демократии, ее воинствующий мещанский индивидуализм.

К чему бы Шалимовы, Басовы, Сусловы ни прикасались, все окутывается ложью, пошлостью, обывательщиной. Их семейный быт — это циничный маскарад, их «высокие чувства» — пустые слова... Сцена пикника, мастерски разрешенная режиссером, дает яркое представление о «семейных устоях», о морали всех этих «дачников». А их общественные обязанности? Отношение к труду? Здесь они также верны себе: никаких идеалов, ничего святого — мелкая, сытая, растительная жизнь.

Впрочем, некоторые из них любят красивые и пышные речи, прикрывая ими свое духовное убожество. Они выступают в жизни, как своеобразные актеры: сами «играют», притворяются и весь окружающий мир воспринимают как театр. Не случайно Влас со свойственной ему прямотой заявляет своим врагам: «Вы — ряженые! Пока я жив, я буду всегда срывать с вас лохмотья, которыми вы прикрываете вашу ложь... вашу пошлость... нищету ваших чувств и разврат мыслей!»

Почти все образы пьесы получили в спектакле точные и жизненно яркие сценические характеристики. Один за другим проходят перед нами «дачники» — никчемные люди, «небокоптители», мещане-себялюбцы — и их противники — те, кто находит смысл жизни в служении народу, радость в творческом труде.

Мы видим людей искусства: писателя Шалимова (в очень верном исполнении артиста Ф. Корчагина) — равнодушного человека, растерявшего остатки былых гражданских чувств, самого настоящего мещанина от литературы; поэтессу Калерию (артистка Е. Кононенко), погруженную в мир холодных абстракций, человека мертвой, лживой и пустой души. При всем внешнем различии характеров Шалимова и Калерии их роднит глубочайший отрыв от народа, взгляд на искусство как на средство ухода от действительности.

Мы видим адвоката Басова — законченного обывателя и пошляка. Эту роль очень выразительно исполняет артист Л. Галлис. Глубиной социальной характеристики, подлинно жизненной правдой отличается игра В. Лекарева (инженер Суслов), С. Гушанского (доктор Дудаков), М. Волковой (Варвара Михайловна), О. Николаевой (Юлия Филипповна).

Помимо Власа в спектакле выведены другие представители лагеря передовой интеллигенции. Особенно интересно исполнение Э. Кирилловой роли врача Марии Львовны. Это прямой и честный человек большой душевной силы, сознающий, что назначение интеллигента — просвещать трудовой народ.

Пьеса «Дачники» М. Горького, впервые поставленная в театре В. Ф. Комиссаржевской накануне революционных событий 1905 года, вызвала в то время горячий отклик в демократических кругах. В одной из рецензий, напечатанной в конце 1905 года, говорилось: «Мы осуждаем то, что осуждает писатель, мы презираем ту жизнь, которую ведут эти вечные дачники. Прочь от тех людей, которые только портят землю!» Таково было влияние этой горьковской пьесы.

В наши дни, когда страна освободилась от «дачников» и в зрительном зале сидят люди новой, подлинно народной интеллигенции, уже в ином плане воспринимаем мы образы Горького. Пьеса и спектакль воспитывают в советском зрителе высокие гражданские качества, ненависть ко всяческим проявлениям мещанского индивидуализма и обывательщины, глубокое понимание неразрывности интересов интеллигенции с жизнью всего народа.

Сцена из 2-го акта. Литератор Шалимов — Ф. Корчагин, Варвара Михайловна — М. Волкова.

Старейший мастер театра Островского

На снимках справа — Н. К. Яковлев в ролях:

Андрей Белугин («Женитьба Белугина»); Сила Грознов («Правда хорошо, а счастье лучше»); Городничий («Ревизор»); Медведев («Слава» В. Гусева); Любим Торцов («Бедность не порок»).

Слева: Николай Капитонович Яковлев в жизни.

Есть артисты, творчество которых неразрывно связано с одним театром. К таким мастерам сцены принадлежит один из самых ярких представителей старшего поколения Малого театра — народный артист Союза ССР Николай Капитонович Яковлев, восьмидесятилетие со дня рождения которого недавно отмечалось.

По окончании драматических курсов по классу О. А. Правдина, Н. К. Яковлев сразу же, летом 1893 года. был принят в труппу Малого театра.

«Вскоре,— вспоминает Николай Капитонович,— мне довелось принять участие в «Орлеанской деве» Шиллера, возобновленной для бенефиса великой артистки М. Н. Ермоловой в Большом театре. Накануне генеральной репетиции у артиста М. Ф. Багрова, исполнявшего роль короля Карла, скончалась мать. Багров участвовать в спектакле не мог. Перед театром возник вопрос: кем заменить исполнителя? И на меня указала сама Ермолова, запомнившая мое выступление на выпускном спектакле драматических курсов.

Я очень волновался при мысли о том, что придется выйти на сцену Большого театра, играть вместе с Ермоловой, Южиным, Горевым, Правдиным. Целую ночь учил я роль. А наутро меня облачили в костюмы Багрова и показали мне мизансцены... Репетировал я с книгой в руках, боясь запнуться, сбить партнера. После репетиции Ермолова сама прошла со мной всю роль.

— Так и играйте,— сказала Мария Николаевна. — Только поменьше волнуйтесь.

А как тут было не волноваться? Сцена громадная, суфлер далеко, помощи ждать неоткуда. И в довершение король Карл появляется на сцене верхом, а до этого я ни разу не садился на лошадь. Однако все сошло благополучно.

— Молодчина! — объявил режиссер Кондратьев после спектакля и расцеловал меня».

Пятьдесят шесть лет Н. К. Яковлев работает в Малом театре. За это время он сыграл до 350 ролей. Его первые товарищи по сценической деятельности были воспитанниками самого Островского. И отсюда, вероятно, строго реалистический стиль игры Яковлева, четкая лепка сценических образов, созданных великим русским драматургом, трепетная любовь к искусству.

Русский актер, воспитанный главным образом на национальном репертуаре, Яковлев легко превращался также в брызжущего весельем Фигаро, создавал образы мольеровских Тартюфа, Скапена и других. Но лучшие роли Яковлева неотделимы от театра Островского. В длинной галлерее образов Островского, воплощенных Яковлевым,— Кудряш и Тихон Кабанов («Гроза»), Любим Торцов («Бедность не порок»), Аркашка Счастливцев («Лес»), Андрей Белугин («Женитьба Белугина»), Карандышев («Бесприданница»), Мамаев («На всякого мудреца...»), Васильков («Бешеные деньги»).

В молодости Яковлев великолепно играл в спектакле «Правда хорошо, а счастье лучше» бедного юношу Платона Зыбкина, трепетно влюбленного в Поликсену — дочь богатого купца. Сейчас в этом спектакле он столь же великолепно показывает по-старриковски хитрого, по-народному умного, добродушного и честного старого отставного солдата Силу Тимофеевича Грознова.

Всего несколько лет назад Николай Капитонович играл в «Бешеных деньгах» молодого человека Василькова — играл с такой силой настоящего сценического мастерства, что, казалось, исчезла разница лет, отделяющая персонаж от исполнителя. И вот эта, одна из труднейших сценических задач — преодоление возраста — всегда блестяще разрешается Яковлевым.

Острый и наблюдательный художник сцены, Николай Капитонович умеет подметить то необычайное и радостное, что присуще только жизни в великой Советской стране, что характерно только для людей нашей, сталинской эпохи. Поэтому так правдивы его современные сценические образы, к которым в первую очередь следует отнести светлый, теплый, полный нежного юмора образ ветерана сцены, старого актера Медведева в пьесе Гусева «Слава».

«Легко и радостно сегодня играть и творить для своего народа,— говорит Николай Капитонович. — Как отрадно нам смотреть в переполненный зал и знать, что рядом с академиком сидит стахановец, по соседству с генералом — колхозник. И все они составляют нашу аудиторию умных, свободных в своих суждениях советских зрителей, которые требуют от нас, служителей искусства, высокохудожественных, глубоко идейных произведений»

Л. МИХАЙЛОВ

Обыкновенный ФАКТ

Рассказ

Лев ГУРОВ

Рисунки Г. Валька

Корреспондент областной газеты Андрей Куликов выехал в район с заданием написать очерк о Герое Социалистического Труда звеньевой колхоза «Рассвет» Клавдии Максимовне Шелковой.

В кругу своих собратьев по перу Куликов слыл опытным очеркистом. Он умел находить в каждом человеке свою, свойственную лишь ему одному «изюминку» и, воспользовавшись ею, создавать яркий, запоминающийся образ. Люди, о которых писал Куликов, выходили у него, как любил говаривать редактор газеты, «сочными и даже аппетитными».

Перед тем как увидеться с героем своего будущего очерка, Куликов рисовал в своем живом воображении образ человека, предвосхищая ту самую «изюминку», без которой, как ему казалось, не получится очерка. Мысленно представлял он себе и облик звеньевой, о которой знал только то, что она очень молода. «Клавдия Максимовна Шелкова! — повторял Куликов в пути.— Интересно, какая она? Приедем — посмотрим».

Сойдя с поезда, Куликов некоторое время шагал проселочной дорогой в одиночестве; вокруг расстилались еще голые поля, недавно освободившиеся от снега. Он подумал, что хорошо бы встретить попутчика из колхоза и заранее разузнать что-нибудь о звеньевой. Спускаясь под гору, Куликов увидел впереди себя девушку с громоздким пакетом в руке. Она шла медленно, изредка останавливаясь.

Куликов нагнал ее:

— Вы случайно не в «Рассвет» путь держите?

— Туда,— ответила девушка.— А вы к нам?

— К вам,— и Куликов предупредительно взял из руки девушки пакет, оказавшийся связкой книг, передав ей свой портфель.— Такой обмен грузами вас устраивает?

— Не знаю, как вас, а меня вполне,— и, улыбнувшись, девушка показала отекшие пальцы.

Куликов искоса посматривал на свою спутницу. Она была одета в меховую жакетку, из-под шляпки с большими полями выбивались косы. Лицо у девушки было миловидное, мечтательное. «Тургеневская девушка,— подумал Куликов.— Интересно, что она делает в колхозе? Уж очень хрупкая...»

Первым нарушил молчание Куликов:

— Иду, знаете, и скучаю. Хорошо, что встретил вас.

— Смотрите, не пожалейте,— лукаво произнесла его спутница, кивнув на связку книг.— Идти порядочно.

— За встречу я вас накажу и донесу книги до самого дома,— с шутливой угрозой произнес Куликов.— Кстати, Клавдию Максимовну Шелкову знаете?

— Чуть-чуть знаю,— насмешливо ответила девушка.— Вы что же, в гости к ней?

— Я корреспондент из областной газеты. Буду писать о Шелковой.

— Да, конечно,— пытался оправдаться Куликов,— между городом и деревней стирается грань... Мне бы очень хотелось узнать кое-что о Клавдии Максимовне Шелковой. Все думаю: какая она?

— Любопытно!..— засмеялась девушка.— Идете со мной, книги мои несете, а интересуетесь какой-то Шелковой? Я могу обидеться...

— Да, но вы до сих пор себя не назвали. Даже профессию скрываете. Нельзя же так испытывать долго терпение человека...

— ...взявшего на себя такой тяжелый груз? — лукаво перебила девушка.— Теперь могу сказать: я колхозница. А книги купила. Собираю библиотеку, хотя и не библиотекарь.

— Так ничего и не расскажете мне про героиню? — с укором спросил Куликов.

— Я еще мало ее знаю...

— А живете в одной деревне! Ну, расскажите хоть немного. Только что-нибудь особенное, необыкновенное...

— Некогда теперь рассказывать,— усмехнулась девушка. — Скоро она сама вам расскажет.

Когда они вошли в деревню, у второго дома с краю спутница Куликова остановилась и протянула руку за книгами:

— Роман, повесть или поэму? — попрежнему насмешливо спросила спутница Куликова.

— Вы, оказывается, острая,— улыбнулся Куликов.— Сразу видно, с литературой имеете дело. Вероятно, учительница?..

— Ошиблись...

— Библиотекарь?

— Не угадали.

— Тогда затрудняюсь...— задумался Куликов.— Может быть, молодой, начинающий врач?

— Нет,— улыбнулась девушка.

Куликова вдруг осенила догадка:

— Агроном?

— Вам не везет. Вы опять ошиблись. Теперь можно мне спросить? Почему вы судите, что я должна быть учительницей, библиотекарем, врачом или агрономом? Очевидно, по книгам?

— Не только,— ответил Куликов.— Внешний облик, манера разговаривать...

— А что особенного в моем облике? — допытывалась девушка.

— Одеты вы со вкусом, разговариваете, как человек интеллигентного труда... И не разубеждайте меня!..

Девушка рассмеялась:

— Одета я очень обыкновенно. А что касается моего разговора, то и в нем нет особых красот. Окончила я только десятилетку. Мне еще учиться и учиться...

— Вот мой дом... Спасибо за помощь. Будет время, заходите,— и девушка скрылась в сени.

В правлении колхоза Куликова разочаровали:

— Героиня в райцентре, на семинаре звеньевых. Не сегодня-завтра вернется.

— Буду ждать,— сказал Куликов председателю колхоза.— А пока побеседуем о ней. Постарайтесь вспомнить какой-нибудь необыкновенный факт...

— Необыкновенный? — переспросил председатель.— Чего не знаю, того не знаю... Ничего необыкновенного я за нашей Клавдией Максимовной не замечал.

Беседа явно не клеилась. Все, что председатель вспоминал о героине, было очень обыкновенно

— Нет, вы все-таки вспомните какой-нибудь выдающийся факт...— настаивал Куликов, повергая председателя в замешательство, и, не дожидаясь ответа, спросил: — Ну, хорошо, какие у нее интересы? Как она проводит свой отдых?

— Какие интересы? — переспросил председатель.— Известно, общественные. А что касается отдыха, так мы ей не мешаем — отдыхает, как ей хочется.

— Это все — не то,— упорствовал Куликов,— нужно что-то особенное, необычное... Понимаете, мне «изюминка» нужна...

Председатель колхоза, как ни рылся в своей памяти, никак не мог удовлетворить любопытство журналиста. И в самом деле, он помнил Клавдию Шелкову еще девочкой, на его глазах она росла, училась, потом, оставшись в колхозе, стала работать звеньевой и вот получила высокое звание Героя Социалистического Труда за высокий урожай пшеницы. Вся ее жизнь представлялась ему обычной, такой же, как и его самого.

— Пойдемте в звено Шелковой: может, подружки, что помнят про нее необыкновенное? — предложил председатель.

Звено застали возле кладовой. Женщины здесь сортировали семенное зерно. Председатель познакомил Куликова с каждой в отдельности, а сам ушел по делам. Журналист объяснил причину своего приезда в колхоз.

— Ну, рассказывайте все, что знаете о своей звеньевой. Только меня интересуют особенные факты, выдающиеся...

Не прекращая работать у сортировки, женщины заговорили:

— А что рассказывать? За нее звезда Героя говорит...

— Работящая Клавдия Максимовна, бедовая...

— Лучшей нам и не надо...

— Да вон она сама бежит... Приехала наша краля.

Куликов обернулся. К кладовой спешила девушка с белым пуховым платком на голове, в сапогах. Он узнал ее сразу, несмотря на другой наряд. Когда она подошла совсем близко, Куликов с укоризной спросил ее:

— Почему вы мне, Клавдия Максимовна, сразу не признались?

— Не хотела вас разочаровывать,— улыбнулась Шелкова.— Вы просили рассказать что-нибудь особенное, необыкновенное. А я самая обыкновенная...

Куликов вернулся в редакцию из колхоза «Рассвет» во всеоружии фактов. Несмотря на скромность и неразговорчивость здешних людей, он сумел все-таки найти какую-то «изюминку», выудить некий необычайный факт из жизни звеньевой Шелковой, на котором и собирался построить свой очерк. Редактору газеты он без воодушевления рассказал о своей встрече в пути со звеньевой Шелковой, об ошибке и спросил совета, как лучше «обыграть» «драгоценный» факт, показавшийся ему дороже всей биографии Шелковой.

Редактор, всегда ценивший наблюдательность Куликова, вдруг произнес:

— На сей раз вы главное проморгали...

— Как вас понять? — озадаченно спросил Куликов.

— Главное-то в этой самой ошибке. В том, что вы приняли ее чуть ли не за профессора, а она оказалась звеньевой...

— Ничего не нахожу в этом оригинального,— возразил Куликов.— Обыкновенный, примелькавшийся факт. Просто еще одна иллюстрация к тому, что у нас ликвидируется противоположность между физическим и умственным трудом...

— Вот именно,— сказал редактор,— в этом обыкновенном факте и заключена необыкновенность вашей темы. Советую вам начать очерк о Герое Социалистического Труда именно с того, как вы замечательно ошиблись в ней... Это и будет «изюминка».

Летающие модели

Запуск авиамоделей в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

Все началось с гаек, винтиков и первых робких рисунков самолетов. Потом появились фанера, чертежи, толстые книги по авиации. Миша Васильченко увлекся авиамоделизмом. Его первая модель была несовершенна. Но он не бросил начатого дела. Опять полетели под стол листы испорченных чертежей, стружки, проволока, и наконец появилась новая модель самолета. Теперь ее надо испытать.

Во двор Миша выходит вместе с братом. Брат — тоже страстный любитель, и он построил свою модель. Стоит теплый день. Ни ветерка, не шелохнется лист. Самая хорошая погода для авиамоделиста. Миша берет самолет на руку, запускает его, и самолет летит! Летит!

Спортивное чувство победы, испытанное в тот день мальчиком Мишей Васильченко, не покидает и теперь боевого летчика военных лет, международного рекордсмена по гидромоделям Михаила Евсеевича Васильченко.

Летающие модели Михаила Васильченко знают не только москвичи. У конструктора всюду немало друзей, и он следит за их работой. И будь то киевлянин или ленинградец, житель Якутска или Ташкента, Васильченко относится с одинаковым интересом к их творчеству. Авиамоделист должен знать о каждой новинке, в каком бы уголке страны она ни родилась. Иначе отстанешь, а нужно делать машины, которые бы летали дальше всех, выше всех и лучше всех.

В лаборатории Михаила Васильченко много моделей, но еще больше чертежей. Сейчас он трудится над созданием геликоптера с механическим двигателем и бесхвостого самолета. Эти модели он собирается продемонстрировать на слете авиамоделистов Москвы.

Слет состоится в конце июня, и во всех кружках началась предстартовая горячка. Особенно готовятся ребята. Буквально целыми днями они одолевают своих инструкторов, часто обращаются за консультацией в городскую авиамодельную лабораторию.

Готовится к слету и Анатолий Васильев. Три года назад вместе с группой других школьников он впервые пришел в Центральный дом пионеров. Внимание его привлекла выставка, на которой он увидел и легкие планеры и большие фюзеляжные машины с механическими двигателями. Как зачарованный, смотрел на них мальчик. Кто из школьников не мечтает стать летчиком или конструктором самолетов? Как радостно щемит сердце при одной только мысли, что самолет, сделанный твоими руками, по твоим чертежам, оторвется от земли и уйдет ввысь!

Толю Васильева приняли в авиамодельный кружок Дома пионеров. Началась кропотливая, будничная, но необыкновенно увлекательная работа. Долгими часами рассказывал инструктор кружка Павлов о законах полета, об истории авиации и о том, как нужно конструировать модель.

День за днем трудились молодой моделист и инструктор и создали первую модель. Она была еще до крайности проста. Работа пока ученическая, но все же она выполнена. Значит, надо действовать дальше.

Два года упорно трудился Толя Васильев. Но работал не только он. Работали сотни других моделистов-школьников и взрослые моделисты-спортсмены. Перекрыть их рекорды было трудно. Толе помогали инструктор, весь кружок, школа. Наконец молодой конструктор сделал замечательную модель фюзеляжного гидросамолета с резиновым моторчиком. Модель на первых московских городских состязаниях показала отличные результаты: она пролетела 14 километров 400 метров, превысив международный рекорд. Советский школьник в состязании технической мысли опередил самых опытных конструкторов авиамоделей. К московскому слету нынешнего года Толя Васильев готовит новую модель фюзеляжного гидросамолета.

Количество моделистов в Москве исчисляется тысячами. На всех заводах, в вузах, в домах пионеров и школах занимаются они в кружках.

Ребята гордятся достижениями отечественной авиации, подвигами героических летчиков. Многие пионеры и школьники мечтают стать пилотами, конструкторами, строителями самолетов. Поэтому они любят авиамоделизм, охотно занимаются постройкой и запуском летающих моделей. А это не пустая забава. Модель летает по тем же законам, что и настоящий планер или самолет, имеет такие же части. И в авиамодельном кружке ребята начинают знакомиться с основами полета.

Запуск летающих моделей — увлекательный спорт. Авиамоделизм воспитывает у пионеров и школьников любовь к летному делу, прививает им технические знания.

Михаил Васильченко (слева) готовит свою модель к полету.
Фото А. Гостева

Современный авиамоделизм имеет свою историю. Еще в 1883 году русский морской офицер Можайский сконструировал свой первый самолет. Он имел форму лодки, поставленной на четыре колеса. Можайский ввел на своем самолете оперение, установил паровую машину, вращавшую три винта пропеллера. Но еще до того он построил первую в мире летающую модель. Толки были разные. Сомневались и верили, но всем хотелось, чтоб модель летала. И модель действительно полетела. Причем в полете она была «гружена» офицерским кортиком.

В ближайшее время моделисты Советского Союза будут свидетелями того, как вновь поднимется в воздух знаменитая модель самолета — прадедушки авиации. Она уже почти готова.

Модель самолета Можайского примет участие в 18-м Всесоюзном слете авиамоделистов, который состоится в конце лета на станции Силикатной, близ Москвы. Появление ее в воздухе вместе с моделями последних конструкций ярко покажет, как далеко ушла техническая мысль за полвека.

Советским авиамоделистам принадлежат почти все международные рекорды. Одна из первых побед досталась Давыдову. Еще в 1940 году его модель показала рекордную скорость полета: больше 107 километров в час. И с тех пор борьба за звание мирового чемпиона стала традицией советских спортсменов-моделистов. На состязаниях 1947 года Любушкин завоевал два мировых первенства. Его модель с бензиновым моторчиком продержалась в воздухе 3 часа 48 минут и 45 секунд, побив мировой рекорд продолжительности полета. Второй рекорд она завоевала, поднявшись на высоту 4152 метров. Мировой рекорд на дальность установила модель конструктора Маника, пролетев свыше 210 километров.

С каждым годом техника авиамоделирования все больше усложняется. Еще совсем недавно на слетах и состязаниях испытывались модели с простейшими двигателями. Теперь на многих установлены дизельные моторы.

Моделизмом занимаются школьники, студенты, рабочие, инженеры.

Этот увлекательный вид спорта привлек к себе тысячи любителей — стал действительно массовым. За право участия модели в состязаниях или на слете борются с большим рвением.

Сейчас еще трудно сказать, какие именно модели будут показаны на слете в этом году. Но несомненно, что зрители увидят новые конструкции фюзеляжных моделей планеров, фюзеляжных моделей самолетов и гидросамолетов с резиновыми моторчиками, с механическими двигателями, геликоптеры, орнитоптеры, автожиры, и многое другое. Готовятся не только новички, но и опытные спортсмены-моделисты.

Создавая свои конструкции, авиамоделисты постоянно думают о большой авиации.

Г. ДРОБОТ

«ГУШТИН-ГИРИ»

Текст и фото В. ХАБУР

Едва сходит с гор снег и мягкой травой покрывается лужайка, у живописных кишлаков на склонах Гиссарского хребта собираются знаменитые палваны-богатыри, чтобы в дружеской встрече определить, кто сильнее, кто займет первое место в таджикской борьбе «гуштин-гири».

Издавна существовали в таджикском народе неписанные и несложные правила «гуштин-гири». Победителем считался тот, кто повалит своего противника на спину.

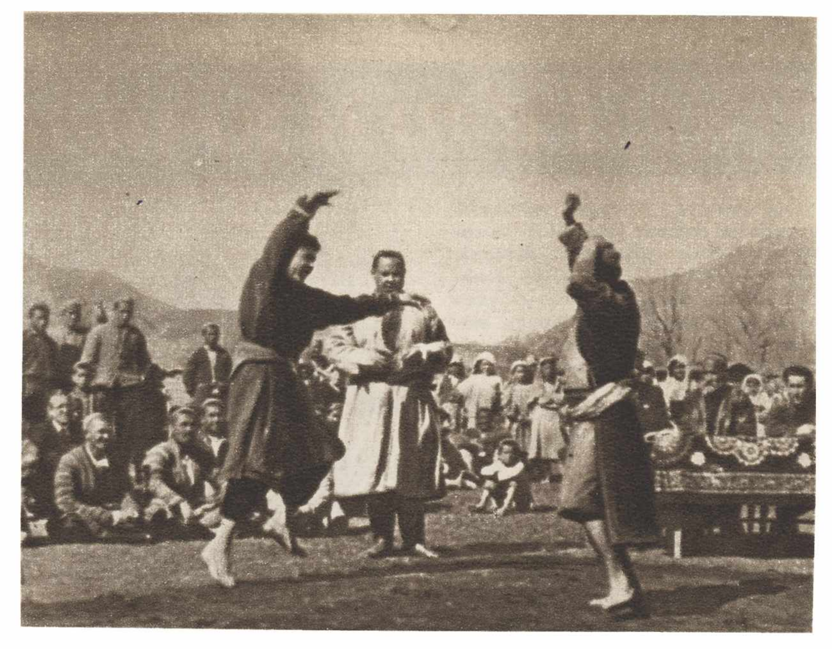
Теперь, когда все виды спорта получили в Советском Таджикистане массовое распространение, выработаны точные правила этой своеобразной борьбы. Она прекрасно развивает физическую силу, выносливость, ловкость.

В отличие от классической борьбы «гуштин-гири» разрешает подножки, охваты, подбивы. Разрешается захват за одежду. «Держать мост» считается поражением. Борьба проводится в обыкновенной одежде, состоящей из брюк, халата и матерчатой повязки — пояса поверх халата. Обувь не разрешается. Бороться можно только босиком.

Весной этого года сильнейшие палваны Сталинабадской области собрались в кишлаке Чарбок, чтобы померяться силами и приготовиться к соревнованиям в честь предстоящего юбилея Таджикской Советской Социалистической Республики.

В кишлаке Чарбок. Под звуки карная и сурная собираются зрители.

Начинают борьбу легковесы — студент Каримов и колхозник Рахматуллаев.

С утра звуки карная и сурная собрали все население кишлака. Посмотреть на борьбу палванов пришли и седобородые старцы и любопытная детвора.

Руководитель соревнования Якуб Абрамов (автор «Правил таджикской борьбы») объявил порядок встреч.

Первыми вышли на ковер легковесы: студент Хабу Каримов из Сталинабада и колхозник Искандар Рахматуллаев из Куляба. Полная захватывающих моментов борьба после упорной схватки кончилась победой Рахматуллаева.

Во второй паре боролись лучшие спортсмены в полутяжелом весе Хайдар Эрназаров — служащий из Кокташа — и колхозник Дусо Каюмов из Дагана-Киика. Встреча опытных борцов привлекла особое внимание многочисленных зрителей.

Отличный знаток таджикской борьбы судья Юсуф Ходжамов внимательно следит за борьбой лучших палванов. Приемом «сарикитф аз гиребон» (бросок через плечо) победил Хайдар Эрназаров. Он завоевал звание чемпиона республики в полутяжелом весе.

С каждым годом в соревнованиях по таджикской борьбе принимает участие все большее количество любителей.

«Гуштин-гири» — популярный вид спорта таджикского народа.

Люди советского спорта

Кассир Нина Морозова

Фото В. Евграфова

Нина Морозова за работой.

Первое впечатление иной раз обманчиво. За кассой в Ивановском областном правлении инвалидной кооперации сидит худенькая девушка и сосредоточенно перебрасывает костяшки на счетах. Никогда не подумаешь, что эта девушка — ловкая и сильная кавалеристка.

Весной прошлого года Нина впервые пришла в конно-спортивный клуб ДОСАРМ. Ее определили в группу инструктора-тренера Н. Бурдакова. На первых порах, когда занятия шли в манеже, все обстояло как нельзя лучше. Нина быстро научилась садиться на лошадь, держаться в седле, ездить разными аллюрами, делать повороты... Казалось, что с большим рыжим конем по кличке «Шлем» у нее установились прекрасные отношения... Но это только казалось!

Как только группа перешла от занятий в манеже к полевой езде, «Шлем» начал показывать Нине, что подчиняться ей не намерен... Чего только не выделывал этот конь! То он срывался с места и носил девушку по полю до тех пор, пока не покрывался пеной; то, закусив удила, упрямо танцовал на месте; то снова мчался вперед и вдруг останавливался, выбрасывая Нину из седла.

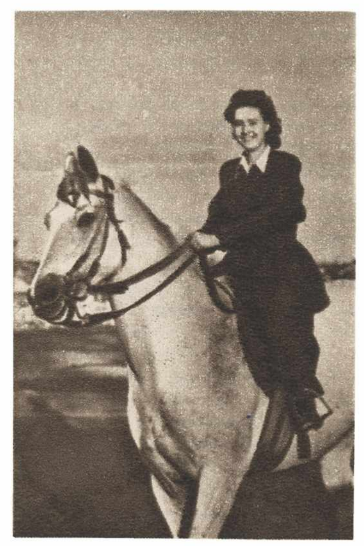
«Шлем» был упрям. Но упорной, настойчивой была и Нина. Она не испугалась неудач. Постепенно, изо дня в день, она все больше забирала коня в руки, подчиняла своей воле, делала его послушным. В конце концов, «Шлем» сдался. А Нина с радостью убедилась, что эта борьба научила ее всем тонкостям полевой езды.

Ездила Нина хорошо. Конь теперь повиновался ей на любом аллюре. Но это были «гладкие» скачки. Предстояло научиться брать препятствия. Их преодоление требует от всадника гораздо большего искусства, чем скачка по ровной местности. Для конно-спортивных упражнений существует множество барьеров и других препятствий: шлагбаум, забор, стена, земляной вал, канава и т. д. Количество взятых конем преград и степень их трудности определяют мастерство кавалериста.

Нина Морозова начала с невысоких барьеров. Но оказалось, что и они требуют от всадника ловкости, смелости, сноровки. Не смущаясь первыми неудачами, девушка старательно изучала новый для нее вид конного спорта. Почти каждый день садилась она на коня и посылала его к барьерам. Дело шло на лад. Тренер усложнял препятствия, ставил все более высокие, более трудные.

Долго не давалась канава. У этого препятствия «Шлем» снова начинал капризничать, старался канаву обойти. Но настойчивость и тут помогла Нине выйти победительницей.

Летом прошлого года Нина Морозова участвовала в областных конно-спортивных соревнованиях. В барьерных скачках она заняла первое место. Все двенадцать препятствий были взяты ее конем отлично. Осенью Нина вместе с одноклубницей Верой Волковой заняла третье место в командных барьерных скачках на всесоюзных соревнованиях.

Нина Морозова выезжает на тренировку.

С увлечением продолжает Нина заниматься конным спортом. Растет класс ее кавалерийского мастерства. Сейчас на другом коне Нина Морозова готовится к выступлению на Всесоюзных соревнованиях 1949 года.

М. ЕРЕМЕЕВ

г. Иваново.

Как Дьявол заточил Уиттингэма в сумасшедший дом

Майк КУИН Рисунки А. Орлова

Мистер Дж. Хэррингбоун Уиттингэм, владелец уиттингэмских шелкопрядильных и бумагопрядильных фабрик, проснулся среди ночи от какого-то шума и вдруг увидел Дьявола из Ада, который сидел на краю кровати и ковырял в носу.

— Это бред!—воскликнул Уиттингэм. — Я сплю! Не следовало мне наедаться на ночь салатом из крабов! Это сон. Во всяком случае, милостивый государь, что вы здесь делаете?

Дьявол закатил глаза.

— Я его Сатанинское Величество, — произнес он голосом, похожим на поскребывание ногтем по стеклу. — Я, единственный владелец и управляющий Адом, не потерплю никакой конкуренции. Вы, проклятые капиталисты, создаете такой невыносимый ад на земле, что грешники, приговоренные к мукам в моем аду, уверены, что они попали в рай.

Уиттингэм округлил брови:

— Должен заметить, что это — ваше личное несчастье. Если моя продукция лучше вашей, то вам придется пострадать от нее. Ваш ад устарел, вышел из моды. Эпоха индивидуальных мучений давно прошла. Теперь мы пользуемся современными методами. Мы сеем несчастья в массовых масштабах. Рационализация! Пока вы тратите время на то, чтобы втыкать раскаленные иглы под ногти ваших постояльцев, мы губим жизнь миллионов людей одним росчерком пера. К тому же мы получаем прибыли. А что вы получаете от вашей деятельности?

— Хватит! — заскрипел Дьявол. — Вы все сказали, и я готов сражаться с вами до конца, Дж. Хэррингбоун Уиттингэм! Вечное проклятье вашим махинациям, приносящим прибыли... С настоящего момента, всякий раз, когда вы произнесете ложь, на вашей одежде будет отрываться пуговица. Это отучит вас конкурировать со мной!..

Произнеся эти слова, Дьявол растворился в воздухе.

На следующее утро Дж. Хэррингбоун Уиттингэм проснулся с циничным хихиканьем, вспомнив ночной сон. Принимая душ, он пел и радовался, вспоминая происшедший инцидент.

— Это был только сон, — сказал он, обращаясь к самому себе,—глупый сон, но, несмотря на это, я должен был не растеряться и сказать ему, чтобы он отправлялся в ад.

С аппетитом поглотив завтрак, Дж. Хэррингбоун Уиттингэм торопливо отправился по делам на своем лимузине. В десять часов утра у него было назначено совещание с членами правления; в одиннадцать он давал интервью; в двенадцать завтракал с владельцем конкурирующего предприятия; в час дня выступал перед собранием своих служащих.

В два часа дня Дж. Хэррингбоун Уиттингэм вернулся домой в состоянии, близком к истерии. Держась за штаны, он поднимался по гранитным ступеням своего особняка, без единой пуговицы на одежде.

Он лихорадочно переоделся и позвонил, чтобы ему принесли виски. Нервно шагая взад и вперед по кабинету, он говорил:

— Конечно же, это несправедливо. Я приобрел все то, что имею, в честной борьбе.

Хлоп! Оторвалась пуговица.

— Но ведь это же правда! — закричал он в ответ. — Без меня цивилизация не могла бы существовать!

Хлоп! Упала вторая пуговица.

— Прекратите это! — завопил он. — Прекратите! Не моя вина, что народ голодает!

Все пуговицы на пиджаке и на брюках с костяным стуком покатились по полу.

Он упал в мягкое кресло и обхватил голову руками.

— Боже мой! — стонал он. — Почему это должно было произойти со мной, который всю свою жизнь гнул спину ради интересов своих сограждан?!

Он почувствовал легкое щекотание: это дружно оторвались все пуговицы его нижнего белья.

Дж. Хэррингбоун Уиттингэм был не тем человеком, который сдается после первого залпа. Он вызвал мастеров и приказал им тщательно приклепать все пуговицы его туалета. Но это был несчастливый эксперимент. Пуговицы все равно отрывались.

Тогда на все свои одежды он велел приделать замки-молнии и вместо пиджака стал носить свитер. Это чуть не привело к катастрофе. Замки-молнии, однажды закрытые, примерзали и больше не открывались. Свитер сел так плотно, что Уиттингэму пришлось сбривать его с себя бритвой.

В ту ночь мистер Дж. Хэррингбоун Уиттингэм спал плохо. Это был неспокойный сон побежденного и обескураженного человека. Он проснулся от того, что на краю его постели сидел Дьявол.

— Имейте милосердие! — взмолился мистер Уиттингэм. — Просите что угодно! Только бога ради снимите с меня это проклятие!..

— Очень хорошо, — бесстрастно произнес Дьявол. — Живи, как подобает честному человеку, тогда я сниму с тебя проклятие.

Сказав это, Дьявол исчез.

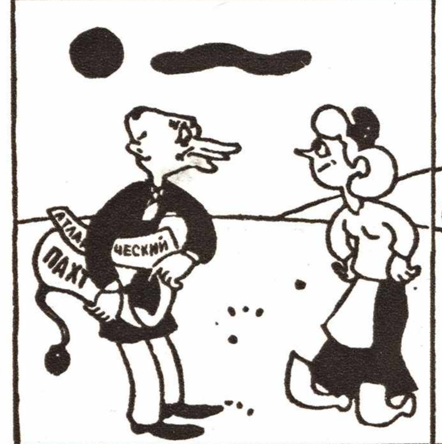
На следующее утро Дж. Хэррингбоун Уиттингэм попытался последовать инструкциям Дьявола и даже пошел так далеко, что сам нес плакаты во время первомайской демонстрации. Тогда обеспокоенные члены правления созвали экстренное совещание и добились заточения Дж. Хэррингбоуна Уиттингэма в дом для умалишенных.

И это было единственное, чего добился Дьявол.

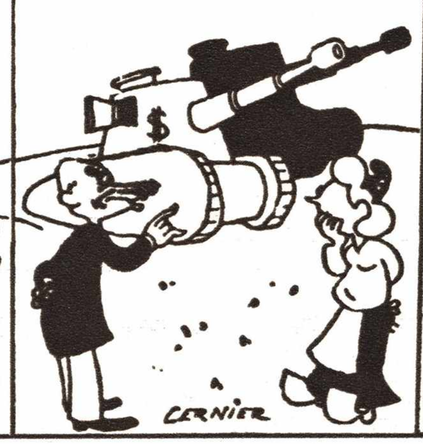
Перевод с английского
Ю. Смирнова

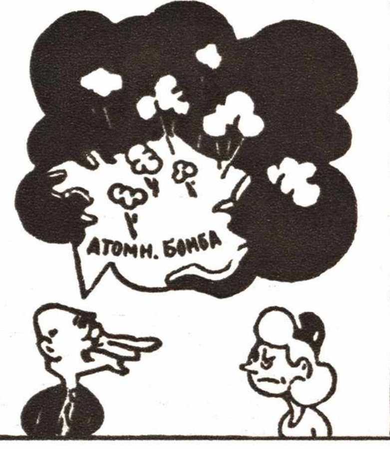
Французский юмор («Ля Ви Увриер»)

1. ШУМАН (французской домохозяйке). Ну, теперь Атлантический пакт избавит вас от повседневных забот... Например, жилищному кризису...

2. Придет конец... Мы поселим нашу молодежь вот в эти... закрытые помещения!

3. А насчет топлива... нам больше не нужен даже рурский уголь — атомное тепло американцы доставят нам прямо на дом!

4. ФРАНЦУЖЕНКА. Спасибо на добром слове! Но чтобы приготовиться к этим подношениям, я должна хорошенько вымести весь мусор из моего дома!

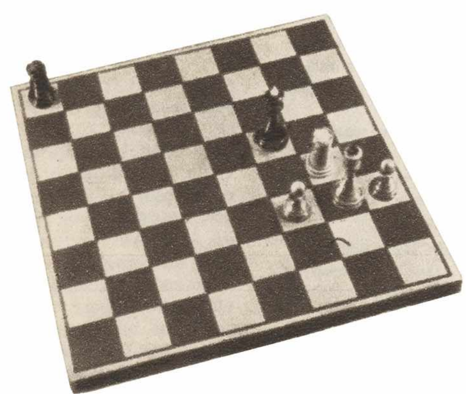
ШАХМАТЫ

Под редакцией чемпиона мира гросмейстера М. БОТВИННИКА

Пешки «f и h»...

Две связанные пешки в ладейном конце, например, пешки g и h, дают, как правило, белым легкий выигрыш; когда пешки разорваны и между ними более одной вертикали, то это также ведет к выигрышу. А вот если между пешками одна вертикаль и пешки стоят на вертикалях f и h, тогда что: выигрыш или ничья?

История эндшпиля с пешками f и h — эндшпиля, которому было посвящено немало жарких споров, — насчитывает уже почти 40 лет. В 1911 году на турнире в Сан-Себастьяне Ф. Маршалл без двух пешек свел вничью партию против А. Рубинштейна, но в том же году К. Шлехтер выиграл аналогичный эндшпиль у З. Тарраша (матч Шлехтер — Тарраш, Кельн, 1911 год).

В практике советских шахматистов этот ладейный конец, повидимому, впервые встретился лишь в 1927 году в одной партии командного матча Москва — Ленинград. Партия была передана на рассмотрение жюри, присудившего ничейный результат.

Партии, которые приходили к этому ладейному окончанию, затягивались обычно на несколько десятков ходов; иногда они заканчивались вничью, иногда сильнейшая сторона добивалась победы, а теоретики так и не были в состоянии дать обстоятельный анализ этого эндшпиля.

Наконец в 1939 году произошло, казалось бы, малозаметное событие: московский мастер С. Белавенец, анализируя партию Бондаревский—Кан из XI чемпионата СССР (Ленинград, 1939 год), нашел, что в последний момент черные упустили выигрыш. С. Белавенец показал, что черные могли продвинуть обе пешки на h3 и f3 (или, если рассматривать позицию с переменой цвета фигур, — на h6 и f6) и выиграть путем красивого маневра.

Эта работа мастера Белавенца открыла наконец правильный метод исследования. Ранее теоретики стремились проанализировать эндшпиль сразу от начального момента, когда белые пешки стоят на второй или третьей горизонтали, до финала партии, когда белые пешки продвинуты далеко, и почти всегда попросту запутывались в вариантах. С. Белавенец же показал, что эндшпиль надо исследовать «с конца», — когда вариантов уже не столь много и вероятность ошибки сведена к минимуму.

По этому пути и пошли советские аналитики И. Зек, И. Майзелис и др. Было исследовано несколько типичных заключительных позиций, и с большой достоверностью была установлена граница, отделяющая ничейную зону от проигранной.

Однако в этом сложном эндшпиле осталось еще не мало «белых пятен», о чем и свидетельствует следующее замечательное окончание партии, игранной в турнире памяти М. И. Чигорина (Москва, 1947 г.). До этой партии Керес — Сокольский белые также иногда добивались победы, но это было делом случая. В данной же позиции (см. фото) П. Керес с исключительной силой воспользовался малозаметным промахом черных и довел партию до логического конца.

Итак, белые начинают продвигать свою пешку h:

63. h3 — h4 Ла8 — а1

Этот ход, кстати сказать, рекомендованный для аналогичных позиций теоретиками, повидимому, ведет к проигрышу. В данной конкретной позиции он лишен смысла, ибо после 64. h5 Лg1 + 65. Kph2 черные все равно должны отступить ладьей.

Теперь П. Керес устанавливает свою ладью сзади проходной пешки, после чего черная ладья обречена на полную пассивность — это не имело бы места, если бы А. Сокольский сделал правильный ход 63. . . . Лh8!

64. h4 — h5 Ла1 — а6

Приходится — иначе не задержать проходную пешку.

65. Лg4 — h4 Ла6 — h6
66. Лh4 — f4+! Kpf5 — g5
67. Лf4 — g4 + Kpg5 — f5

После 67. . . . Kpf6 68. Лg6+ или 67. . . . Kp : h5 68. Лh4 + пешечный конец выигран для белых.

68. Kpg3 — h4 Лh6 — h8
69. Лg4 — g5+ Kpf5 — f6

И это вынуждено, ибо в случае 69. . . . Kpf4. 70. Лg7 Kp : f3 71. Kpg5 Ла8 72. Лf7+ Kpe4 73. h6 пешка h6 должна пройти в ферзи.

70. Kph4 — g4 Kpf6 — f7
71. Лg5 — f5+ Kpf7 — g7
72. Kpg4 — g5 Лh8 — g8
73. Лf5 — f6!!

Замечательный «тихий» ход. Если черные играют ладьей, например, 73 . . .Ла8, то следует 74. h6 + Kph7 75. Лf7 + Kpg8 76. Kpg6, и черным совсем тесно, а при продолжении в партии белые временно оттесняют черного короля на линию h.

73. . . . Kpg7 — h7 +
74. Лf6 — g6

Положение после 74-го хода белых.

Здесь результат партии уже ясен: теория гласит что черный король должен оставаться на поле f7, где он наилучшим образом препятствует возможному прорыву короля белых. Лишь тогда, когда белая пешка h станет на h6, король черных обязан перейти на поле h7, чтобы в удобный момент взять пешку h.

Этот эндшпиль, как правило, белые могут выиграть, лишь проведя пешку f в ферзи. Тут полезна позиция черного короля на поле f7, ибо в этом случае пешка f не может продвинуться вперед. Когда же белая пешка h расположена на поле h6, а черный король стоит на h7, черные успевают и пешку h завоевать и пешку f задержать. На этом и основана ничейная оценка всего эндшпиля!

В нашем же случае король черных вынужден остаться на линии h при пешке на h5, а не на h6. Понятно, что завоевать пешку на h5 черным труднее, нежели на h6, и эта, казалось бы, несущественная разница предопределяет их поражение.

74 . . . . Лg8 — а8
75. f3 — f4 Ла8 — а1
76. Лg6 — е6!

Здесь, согласно теории, ладья занимает наивыгоднейшую позицию: она в нужный момент прикрывает своего короля от шахов черной ладьи.

76. . . . . Ла1 — g1 +
77. Kpg5 — f6 Лg1 — f1
78. f4 — f5 Лf1 — f2

Если черные попытались бы завоевать пешку h5, пешка f быстро прошла бы в ферзи.

79. Ле6 — е5.

Чтобы продвинуться королем еще дальше.

79. . . . . Лf2 — h2
80. Ле5 — е7+ Kph7 — h6
81. Ле7 — е8 Kph6 — h7
82. Kpf6 — е6!

С угрозой f5—f6—f7—f8Ф. Черные не имеют времени на взятие пешки h5.

82. . . . Лh2 — е2 +
83. Kpe6 — f7 Ле2 — а2

Борьба уже безнадежна. Одна черная ладья не может задержать пешку f, а король черных не может помочь своей ладье, так как он отвлечен наличием пешки h.

84. f5 — f6 Ла2 — а6
85. Kpf7 — е7 Ла6 — а7+
86. Kpe7 — f8

Белые фигуры проникли в самый тыл неприятельского лагеря; что же — они действовали с редкой согласованностью!

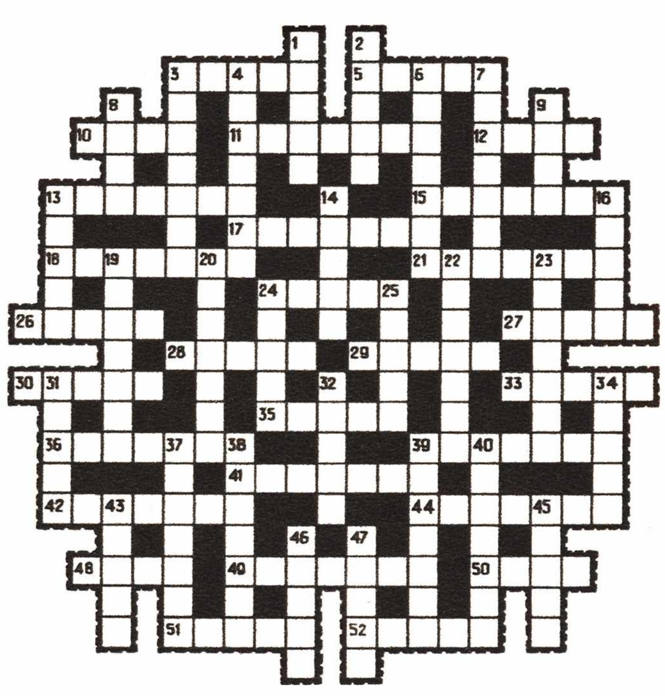
86. . . . Ла7 — а6
87. f6 — f7 Ла6 — а7
88. Ле8 — с8 Ла7 — а1
89. Kpf8 — е7 сдался

Филигранная «работа» белых производит большое впечатление: это — выдающееся достижение гросмейстера Кереса.

Ладейный конец с пешками f и h, составляющий небольшую, но запутанную главу теории эндшпиля, в ближайшие годы, повидимому, будет окончательно исследован; главная заслуга здесь бесспорно останется за представителями советской шахматной школы.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» П. ПАВЛИЩЕВ (Краснодар)

По горизонтали:

3. Зимняя повозка. 5. Бег лошади. 10. Водоросль. 11. Духовой инструмент. 12. Сорт яблок. 13. Амбар для хранения зерна. 15. Женщина тюркской народности. 17. Пьеса Горького. 18. Фермент. 21. Молот. 24. Порт на Черном море. 26. Произведение Пушкина. 27. Смешение. 28. Зеркало. 29. Постройка временного типа. 30. Мерило. 33. Национальность. 35. Город в СССР. 36. Журнал, издававшийся Герценом. 39. Повреждение внутренних или внешних покровов тела. 41. Произведение печати, выпущенное в свет. 42. Военная специальность. 44. Лесная чаща. 48. Внешнее выражение боли. 49. Продукт перегонки нефти. 50. Жидкость. 51. Часть самолета. 52. Кавказский горец.

По вертикали:

1. Река. 2. Почтовый знак. 3. Селение в казачьих областях. 4. Поощрение. 6. Человек, страдающий явлениями сомнамбулизма. 7. Химическое вещество, дающее характерную реакцию. 8. Птица. 9. Река. 13. Польская национальная одежда. 14. Театральное объявление. 16. Часть заработной платы. 19. Углевод. 20. Часть рыцарского шлема. 22. Союзная республика. 23. Тип автомобиля. 24. Строительный материал. 25. Столица государства в Европе. 31. Явление, происходящее с пушкой в момент выстрела. 32. Ледокол. 34. Охотник. 37. Любитель книг. 38. Ударный музыкальный инструмент. 39. Человек, любящий вести нравоучительные рассуждения. 40. Порт в Ледовитом океане. 43. Принадлежность портного. 45. Рыба. 46. Лихорадочное состояние. 47. Драгоценный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 25

По горизонтали:

1. Термодинамика. 6. Полет. 8. Сталь. 9. Текст. 11. Пеленг. 13. Анилин. 14. Аракс. 15. Висмут. 18. Индекс. 20. Рембрандт. 21. Роль. 22. Депо. 23. Генератор. 25. Зодиак. 26. Маразм. 27. Полип. 29. Лаптев. 30. Натура. 33. Репин. 34. Есаул. 35. Автор. 36. Станиславский.

По вертикали:

1. Тулуп. 2. Оксана. 3. Иран. 4. Альянс. 5. Аркан. 6. Пульверизатор. 7. Теллур. 9. Талант. 10. Трансформатор. 12. Грибоедов. 13. Аквамарин. 16. Склад. 17. Терек. 18. Идиом. 19. Елена. 23. Гарпун. 24. Радуга. 27. Петефи. 28. Павлов. 29. Ляпис. 31. Антей. 32. Балл.

ОТВЕТ ЧИТАТЕЛЮ

Читатель «Огонька» А. Е. Ильин (Ленинград) спрашивает: каким путем белые выигрывали в партии Юзихин — Борисенков (белые Kpg6, Ла1, Пg4; черные Kpg8, Kh3, Пh2 — см. «Огонек» № 18 за 1949 год), если бы черные продолжали 13. . . . Kf4 + ?

На 13. . . . Kf4 + следует 14. Kpf6 Kh3 (в случае 14. . . . Kd5 + 15. Kpg5 черные не могут спасти пешку h2 ввиду угрозы Лh1). 15. g5 Kg1. 16. Ла8 + Kph7. 17. g6 + Kph8 18. Лh8×.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 05266. Подписано к печати 21/VI—49 г. Изд. № 383. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 1567. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

В Москворецком универмаге

всегда в большом выборе

**МОТОЦИКЛЫ,
ВЕЛОСИПЕДЫ
МУЖСКИЕ,
ДАМСКИЕ,
ДЕТСКИЕ.**

АДРЕС
УНИВЕРМАГА:
МОСКВА,
ДАНИЛОВСКАЯ ПЛ.
ТЕЛ. В 2-01-24
АВТОБУС № 3
ТРАМВАИ: 16, 11, 19.

Цена
3 руб.